

Ян Солович

МЕРИДИАН
и другие пьесы

Ján Solovič

MERIDIAN

1973

STRIEBORNÝ JAGUAR

1975

ZLATÝ DÁŽD'

1976

SOS! ALEBO STRASNE
OSEMETNÁ SITUÁCIA

1967

BRATISLAVA

Ян Солович

МЕРИДИАН

СЕРЕБРЯНЫЙ «ЯГУАР»

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ

SOS! ИЛИ СОВЕРШЕННО
ОСОБАЯ СИТУАЦИЯ

ПЬЕСЫ

Перевод со словацкого

МОСКВА
ПРОГРЕСС

1978

Переводы Л. И. Васильевой
и Т. И. Мироновой

Предисловие А. Д. Салынского

Редактор А. М. Михалева

**Солович Ян. «Меридиан»
и другие пьесы**

Сборник пьес крупного словацкого драматурга включает трилогию «Меридиан», «Серебряный ягуар», «Золотой дождь».

Трилогия, прослеживая историю двух поколений одной семьи, поднимает сложные вопросы чести и честности, гражданского долга и норм поведения в социалистическом обществе.

Комедия «SOS! или Совершенно Особая Ситуация» в острой сатирической форме рассказывает о неожиданных событиях, заставивших внешне вполне благополучную семью Гачиковых признать, что в их жизни далеко не все гладко.

© Составление, предисловие и перевод
на русский язык «Прогресс», 1978

С $\frac{70600-299}{006(01)-78}$ 104-78

ДРАМАТУРГИЯ ЯНА СОЛОВИЧА

Ян Солович работает плодотворно: из-под его пера вышло свыше двадцати пьес для театра, телевидения и радио. Пьесы Соловича с неизменным успехом играют на сценах Чехословакии и других стран. В СССР поставлены комедии «Загадочный нищий» и «Кошмарная ситуация, или Сор из избы»*. Постановка «Загадочного нищего» московским театром имени Ермоловой вызвала живой интерес публики и была широко отмечена театральной критикой. С той поры, с 1970 года, произведения талантливого словацкого драматурга привлекают внимание не только советского зрителя, но и читателя, ибо драмы и комедии Яна Соловича печатались в наших изданиях.

Объяснить популярность пьес этого драматурга нетрудно: свой талант он обращает к делам и заботам, которыми живет современный человек. С пристальностью исследователя Солович всматривается в яркий, быстро меняющийся лик современности. Находит животрепещущие проблемы и отзывается на них словом художника.

В этом смысле весьма показательна трилогия «Меридиан», «Серебряный ягуар» и «Золотой дождь». В поле зрения автора семья рабочего, машиниста Томаша Бенедика. Глава семьи — достойный человек, ветеран партизанской войны против гитлеровцев и герой труда. В финале пьесы «Меридиан», первой в трилогии, его жизнь обрывается. Однако же на событиях двух следующих частей трилогии сказывается заложенное Томашем — его жизнь как бы продолжается в судьбе его младшего сына Мики. Характеры братьев Бенедиков, Ильи и Мики, несут в себе современнейшие черты. Конфликт между сыновьями Томаша интересен сегодня зрителям и читателям всех поколений. Это конфликт высокой идейности, самоотверженного служения обществу — и мещанского эгоизма.

Зная драматургию Яна Соловича, можно с уверенностью говорить о своеобразии этого автора. Он строит сюжет с остротой, доходящей до парадоксаль-

* В настоящий сборник эта пьеса вошла в новом переводе под названием «SOS! или Совершенно Особая Ситуация». — Прим. ред.

ности. Причем сознательно уходит от разветвленности, многослойности; фабульное начало строго ограничивает одной главенствующей линией, ограничивает для того, чтобы глубже эту единственную линию развить. Светлый, мягкий юмор окрашивает в пьесах самые драматические ситуации, и в юмористической подсветке они обретают еще большую достоверность.

Во всем своем творчестве драматург остается верен благородному принципу: он черпает материал из жизни и пишет, вторгаясь в жизнь, чтобы сделать ее лучше.

Ян Солович — заслуженный писатель ЧССР, лауреат Государственной премии ЧССР имени Готвальда. Много сил отдает общественной работе: он — член президиума и председатель Комиссии по вопросам культуры и просвещения Словацкого Национального Совета, первый секретарь правления Союза словацких писателей. Общественная деятельность вдохновляет его, сообщает его таланту высокую целеустремленность.

Знакомство с драматургом Яном Соловичем доставляет истинную радость — радость общения с наблюдательным и тонким выразителем дум и чаяний словацкого народа.

Афанасий Салынский

Меридиан

Перевод Л. Васильевой

Пьеса в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Томаш Бенедик.

Эва, его жена.

Илья }
Микулаш (Мики) } их сыновья.

Магда, одноклассница Микулаша.

Петер Гайнош, врач.

Действие происходит в наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Пятница. Жаркий летний вечер. Гостиная типовой двухкомнатной квартиры на пятом этаже панельного дома в новом районе города на юге Словакии. За окнами видны провода железной дороги, по которой время от времени с шумом проносятся электропоезда.

Явление первое

Томаш

Пронзительный гудок электропоезда. Томаш открывает дверь в квартиру, входит, снимает фуражку железнодорожника и форменный пиджак, распахивает окно и проверяет по часам, вовремя ли прошел экспресс «Меридиан». Экспресс промчался точно по расписанию, Томаш убеждается в этом, глядя на часы, которые он держит на ладони, но его рано постаревшее лицо сохраняет прежнее озабоченное выражение. Что-то — может быть, усталость, а может, нездоровье — заставляет Томаша отойти от раскрытого окна и сесть на заваленную многочисленными подушечками тахту. Томаш пытается расстегнуть пуговицы на пропотевшей рубашке, но пальцы его не слушаются, он ложится. Тишину нарушают лишь детские голоса, доносящиеся откуда-то из глубины двора, да гудение лифта. Слышно, как он останавливается. Хлопает дверь.

Явление второе

Томаш и Эва

Эва (входит с полными авоськами). Ты уже дома? Что так рано? Господи, ну и жарко сегодня. Я думала, меня удар хватит за этой кассой, но нашему заву хоть кол на голо-

ве теши — делает вид, что ничего не слышит, а я ведь с мая прошу, чтобы поставили вентиляторы. Такой магазин — и без вентиляторов. А нашему заву наплевать! Когда ему жарко, он к себе на склад забирается, а ученицы еще и пивко ему открывают... Больно его интересует какая-то кассирша. Пусть себе вкальвает восемь часов на солнцепеке. Ему — хоть бы хны... Да... погляди-ка, Томаш. *(Достает из сетки бутылку.)* Мы получили новый чай, в бутылках. *(Она еще не обратила внимания, что муж плохо себя чувствует.)* Представляешь, расхватали за полчаса. Говорят, в нем нет этого, ну, как его... в общем, того, что в кофе называется кофеин, а в чае — как-то иначе. И кто-то придумал, будто этот чай помогает от рака. За полчаса триста бутылок как корова языком слизнула. Господи, скажи людям, что динамит — средство от старости, так ведь и его раскупят. А Илья прошлый раз говорил, что в Братиславе этот чай уже давно продается, им все магазины завалены, и никто на него даже не смотрит... Томаш! Что же там с нашим мальчиком? Он ведь давно не приезжал и даже не пишет. Господи! У меня дурное предчувствие. Может, съездим к нему? Завтра после обеда? Или в воскресенье? *(Эва только сейчас заметила, что муж ей не отвечает. Она подходит к тахте и склоняется над Томашем.)* Томаш! Боже мой! Что с тобой?

Томаш. Открой окно.

Эва. Ведь оно же открыто!

Томаш. Душно.

Эва. Душно?

Томаш. Ужасно.

Эва. Что с тобой? Что у тебя болит? Ты побледнел... И руки холодные — в такую жару!

Томаш. Ты не принесла каких-нибудь таблеток?

Эва. Каких? Что ты говоришь?

Томаш. Мне бы...

Эва. Что? Вызвать неотложку?

Томаш. Не надо.

Эва. Как это не надо. *(Бросается к телефону, снимает трубку, но гудка нет.)* Господи! Надо же было ему сломаться именно сейчас.

Томаш. Может, у тебя есть что-нибудь?

Эва. Господи, да что?

Томаш. Какая-нибудь таблетка...

Эва. Погоди... Ведь у нас в доме живет доктор, я сбегаю позову его.

Томаш. Нет! Только не его!

Эва. А кого же?

Томаш. Никого. Не надо.

Эва. Нет, надо, ты же весь дрожишь. Боже мой, лежи и ни в коем случае не двигайся! Я сейчас же вернусь... *(Выбегает из квартиры.)*

Томаш пытается встать. Это ему не удается, тогда он садится — так ему легче дышать; подкладывает под спину большую вышитую подушку. На минуту он чувствует облегчение. Кругом тишина; ее нарушает гудение электровоза, ведущего грохочущий товарный состав. Томаш опять вынимает часы, сверяет время и, услышав шаги в коридоре, успевает поднять брошенную газету и включить приемник над тахтой. В комнате сразу же меняется настроение — раздаются звуки известного «Марша повстанцев» Яна Цикера.

Явление третье

Те же и Гайнош

Гайнош. Ну и ну! Кажется, милая пани меня...

Томаш. Напрасно утруждала.

Эва. Напрасно? Да вы взгляните на него получше, пан доктор!

Гайнош. Ну да, конечно... Нам обоим уже добрых пятьдесят, но это еще не значит...

Томаш. Что нас можно просто так, ни с того ни с сего, взять — и списать.

Эва. Никто тебя списывать не собирается! Ты сам себя доконаешь, если будешь и дальше тянуть эту лямку. Подумать только! Мало того,

что он машинист и ему вздохнуть между рейсами некогда, так у него еще куча всяких общественных нагрузок. Представляете, доктор, он в трех местах председательствует. И бог знает, сколько у него еще работы, кроме этого.

Гайнош (*усевшись возле Томаша, меряет ему давление, считает пульс*). Да, да, конечно. Но что поделаешь, милая пани, такое уж нынче время. Правда, некоторые из нас и в самом деле работают на износ.

Эва. Э, я давно уже это ему твержу, да что толку — он меня не слушает. Как об стенку горох. (*Заметив, что Гайнош берет фонендоскоп, выключает радио.*) Да вот, взять хотя бы радио. Ну, скажите, кому нужно, чтобы оно орало целый день.

Гайнош. Да-а, а между прочим, когда этот марш загремел впервые, мы были на тридцать лет моложе — бравые были ребята...

Эва. Бравые ребята!.. Все это было, да былшем поросло... Но ему до сих пор кажется, что он по-прежнему может лазать через заборы, как когда-то.

Гайнош. Ну уж нет. Заборы надо оставить молодым.

Эва. А у них, к счастью, вроде бы, ума побольше. На них так легко все заботы переложить, их не очень-то нагрузишь. И молодцы, правильно делают — пусть хоть поживут в свое удовольствие.

Гайнош. А как ваш?

Эва. Который?

Гайнош. Старший...

Эва. Скоро кончает архитектурный.

Гайнош. Ого. Значит, художник.

Томаш. Да, такой художник, что дальше некуда.

Гайнош. А младший, он, кажется, кончил школу вместе с моей дочерью?

Томаш. Да, Мики говорил, что они вместе учатся.

Эва. С отличием кончил.

Гайнош. Способный мальчик. Будет иметь успех не только у девушек.

Эва. Хорошо бы. Он подал на медицинский. Экзамены уже сдал, но результат пока не известен.

Гайнош. Все будет в порядке.

Эва. Вы думаете?

Гайнош. Конечно. Если кончил школу с отличием, и к тому же анкета в порядке, то никаких осложнений быть не может. Отец у него — заслуженный человек, ведет большую общественную работу... разве не так?.. Там сложности возникают только, если... Да, а вот давление не ахти.

Эва. Что?

Гайнош. Давление, говорю, неважное, но ничего страшного. Просто нужен покой, отдых. Это, конечно, нервы. Приходите ко мне в понедельник. Вам надо на время забросить все дела.

Томаш. Забросить дела?

Эва. А почему бы и нет?

Гайнош. Или, если хотите, я пошлю вас на обследование, чтоб гарантия была на сто процентов.

Томаш. Сейчас, конечно, мне только по больницам ходить...

Эва. Что я вам говорила? И так всегда. Вы слышите? У него нет времени. Интересно! У других время есть, только у него нет!

Гайнош. Я вас понимаю, но ведь с каждым может случиться, что...

Эва. Что его хватит кондрашка, и тогда уж в самом деле можно навсегда забросить дела.

Томаш. Ты вечно всюду видишь одни ужасы.

Эва. Я? Разве это я мерила тебе давление?

Томаш. Это все из-за жары.

Эва. Ну да, конечно. А зимой — из-за ветра. Все твои отговорки я знаю наизусть. Старая песня.

Томаш. Но в понедельник я и в самом деле не могу.

Гайнош. Тогда во вторник.

Томаш. Во вторник у нас важная проверка.

Гайнош. На стройке?

Эва. Обойдутся и без тебя!

Гайнош. Подумать только, скольким людям эта стройка выматывает все нервы!

Эва. Если б речь шла о гараже или, скажем, о собственном доме, я бы и слова не сказала. Но они ведь строят новое здание депо уже который год и могли бы строить еще несколько лет, так нет — кому-то взбрело в голову, что они должны закончить строительство именно сейчас, к годовщине восстания.

Томаш. Так и будет.

Эва. Только на меня не рассчитывай, не думай, что я пойду вместе с вами на бетонные работы. Хватит и того, что парнишка надрывается там уже третью неделю.

Томаш. Он прилично заработает. В наше время мы работали на таких стройках за спасибо. За хлеб с повидлом. Вот, например, в Гронской Дубраве, на «дороге молодежи»...

Гайнош. Что верно, то верно.

Томаш. А вы в каком лагере были?

Гайнош. Простите, не понял...

Томаш. Я не припоминаю, чтобы мы с вами встречались на той стройке.

Гайнош. Ну как же, наверняка встречались, но ведь там нас было как муравьев в муравейнике. И все же в той стройке была своя романтика, а, пожалуй, именно ее-то теперь молодым и недостает. Они тут работают на строительстве депо и только и знают, что прикидывают, сколько им это даст. И все. А где идеалы? Разве я не прав?.. Да, если у вас это получится... Я имею в виду депо... Если вы закончите в срок, то... Я слышал, что тогда, вроде, приедет делегация на высоком, даже на высшем уровне. Это правда?

Томаш. Главное — успеть. А делегация — уж как-нибудь к нам приспособится.

Гайнош. Это было бы неплохо. Такая возможность бывает нечасто.

Томаш. Какая возможность?

Гайнош. Ну... Встретиться со старыми друзьями, товарищами.

Томаш. На высшем уровне?

Гайнош. А что вы думаете: многие из них сейчас занимают самые высокие посты!

Эва. Боже мой! Пан доктор, в самом деле?

Гайнош. Представьте себе, но ведь когда мы в землянке согревались дыханием друг друга, то об этом вовсе и не думали.

Томаш. Да, верно.

Гайнош. И вот, теперь это даже трудно вообразить. Моя дочь твердит, что все это сказки, легенды, в которые мы сами успели поверить за тридцать лет.

Томаш. В самом деле? А вы? Как же получилось, что вы...

Гайнош. Что я?

Томаш. Что вы тоже не оказались...

Гайнош. Где?

Томаш. Ну, как бы это сказать... На высшем уровне.

Гайнош. Я человек другого склада.

Эва. Хорошо вам, пан доктор.

Гайнош. Люди живут всюду, и врач, если хочет, найдет себе применение где угодно. Я не говорю, что не мог бы работать на уровне выше... Наши, из Союза участников Сопротивления, уже давно предлагали мне всякие должности.

Эва. Но вы, конечно, как разумный человек, в отличие от моего мужа сказали им: «Покорно благодарю».

Гайнош. Что тут говорить, мне тоже приходится тянуть целый воз всяких нагрузок — их у меня даже больше, чем у моих молодых коллег. Они — другое поколение, а мы... Мы

просто не можем оставаться в стороне и не включаться в общее дело.

Томаш. Если бы вы смогли направить на стройку человек десять шоферов из вашей больницы, вы бы сослужили большую службу этому общему делу.

Гайнош. Шоферов? Рад бы, но вряд ли. Они сейчас на вес золота.

Томаш. Если б только они. Скоро у нас на вес золота будет обычный рабочий.

Эва. А я все же никак не возьму в толк, почему именно ты ломаешь себе голову? Ведь есть же начальники, замы и всякие там прорабы. Они и должны обо всем заботиться. А ты — обычный, рядовой машинист.

Гайнош. Ну, не скажите, не совсем рядовой. Секретарь партийной организации целого депо — это вам не шутка. Большая ответственность, тут нельзя быть равнодушным. Это я понимаю. Это логично.

Эва. А я вот не понимаю. И никогда не пойму. Что это за логика? Один разрывается на части, а другие спокойно на это смотрят и думают только о своих садовых участках.

Гайнош. А между прочим, садовые участки при нашем образе жизни — дело полезное. Физический труд на свежем воздухе никому не повредит. Кстати, а у вас нет участка? Вы ничего не выращиваете?

Эва. В горшках. На балконе.

Гайнош. Жаль, жаль.

Эва. Когда распределяли участки, председатель местного комитета (*показывает на Томаша*) сумел все раздать так, что нам уже не хватило.

Томаш. Будто тебе мало твоих горшков.

Гайнош. Да, я обратил внимание. У вас превосходная герань. Такую я видывал только у нас дома, в Люпче.

Эва. Боже мой... в Люпче? Пан доктор, так вы с Томашем земляки?

Гайнош. А вы разве не знали?

Эва. Вот, теперь вы хоть понимаете, как мы живем. У нас просто нет времени поговорить о важных вещах.

Гайнош. Да, да. Кто бы подумал, что нас, ребят с гор, жизнь забросит сюда, на эту знойную равнину. Что поделаешь? Люди живут всюду, но, скажу вам, я к этим местам привыкал с трудом. Простор без конца и края — и никаких гор. Это не для меня.

Эва. Вы словно ему в душу заглянули. Он тоже так говорил, когда мы сюда приехали. Ну, да со временем человек ко всему привыкает.

Гайнош. У вашего мужа все несколько иначе. Всю жизнь на колесах. Утром тут, а в обед, глядишь, он со своим поездом уже в горах.

Эва. Надо же, а я бы никогда не подумала, что вы земляки. Из одного края — и, можно сказать, не знакомы.

Томаш. Да как-то все не получалось.

Эва. Нет, ты мне не говори! Да встретить я тут одноклассницу, бросилась бы к ней на шею, может, даже расплакалась бы от радости и уж, конечно, не стала бы ей «выкаты»!

Гайнош. Да как-то до сих пор не было повода... То есть... Чтобы перейти на «ты»...

Эва. Ну, прошу вас, пан доктор...

Гайнош. Ваша правда... Вы абсолютно правы, милая пани. А я, по-моему, на пару лет старше, значит, я и должен сделать первый шаг. (*Подает руку Томашу.*) Я — Петер. Ну что мы в самом деле?.. Неудобно.

Томаш пожимает протянутую руку.

А ты — Томаш, если мне не изменяет память.

Эва. Это надо спрыснуть.

Гайнош (*с протестующим жестом*). Нет, нет, нет. Я не настолько придерживаюсь старых славянских обычаев...

Томаш. Но главное, наверное, из-за моего давления?

Гайнош. С давлением шутить не стоит. Приходи к нам, и мы приведем тебя в порядок.

Эва. Вот именно, доктор. Вы даже не можете себе представить, как я рада...

Томаш. Отправить мужа в больницу? Ну, этого ты так скоро не дождешься.

Гайнош. Кстати, Томи, ведь мы были, по-моему, в одной бригаде.

Томаш. Не припоминаю.

Эва. Вот, пожалуйста! Ему всего пятьдесят, а уже склероз, но лечиться он и не думает.

Гайнош. Да, да, точно — я хорошо помню. У меня, кажется, и фотографии есть.

Эва. Ой, вы должны мне их показать. Мне б хотелось взглянуть на Томаша-партизана. Кроме свадебной, у нас нет ни одной фотографии, где он молодой.

Гайнош. А у меня наоборот — все сохранилось. Целый архив, так сказать, полный комплект. Никогда не знаешь, что может пригодиться. Вот и сейчас... Надо же... Я как раз собирался к Винценту, он теперь где-то в самой Праге. Как здорово, Томи, что мы с тобой встретились! Ты, по крайней мере избавишь меня от лишних хлопот. До Праги и обратно, да еще там денек — это целых три дня, а тут я могу принести тебе все бумажки прямо сюда. Как говорится, прямо на кухню.

Томаш. Не понимаю.

Гайнош. Тебя это удивит, но у меня до сих пор нет удостоверения, что я активный участник восстания.

Томаш. И что же тебе от меня надо?

Гайнош. Автограф.

Томаш. Мой?

Эва. Боже мой, Томаш, я думаю, ты...

Томаш. Прошу тебя, будь так добра...

Эва. Ну хорошо, хорошо... *(Уходит в кухню.)*

Гайнош *(когда они остаются одни)*. Может быть, у тебя есть какие-то сомнения?

Томаш. Будет лучше, если ты все же съездишь в Прагу.

Гайнош *(встает)*. Ну что ж... Разумеется. Я не буду тебя уговаривать. Разумеется. Просто я думал...

Томаш. Видишь ли...

Гайнош. Я подберу все документы.

Томаш. Не надо. Я хотел сказать, что с моей памятью дело обстоит не так уж скверно.

Гайнош собирает со стола свои инструменты.

Эва *(появляясь в дверях)*. А до понедельника вы ему ничего не пропишете?

Гайнош *(уходя)*. Нет. Ничего не надо. Необходим только покой. Никакой нервотрепки, и абсолютный отдых. *(Выходит в переднюю.)*

Эва *(идет за ним, закрывает дверь, потом возвращается)*. В чем дело?

Томаш. Ты же слышала.

Эва. Но ведь он говорит, что у него есть все доказательства, документы.

Томаш. Почему же, интересно, несмотря на такую полную документацию, он не сумел собрать подписи до сегодняшнего дня.

Эва. Врач, который будет тебе многим обязан, да еще и живет в твоем же доме — это, по-моему, стоит одной подписи.

Томаш. Ты так плохо меня знаешь?

Эва. В том-то и дело, что даже слишком хорошо, но я все-таки скажу тебе: многие уже поумнели на старости лет, а ты...

Томаш. Ну, тогда и я скажу тебе кое-что. Этот твой Петрик, с которым и ты чуть было не перешла на «ты»...

Эва. Я?

Томаш. Так вот, в партизанском лагере он думал только о том, как ему найти потертую зубную щетку. А когда она наконец нашлась, оказалось, что он страдает без хорошей зубной пасты.

Эва. Ну и что? Он просто чистюля — как любой врач. Что тут такого?

Звонит телефон. Томаш хочет снять трубку, но Эва опережает его.

Слушаю!.. Что?.. Заседание?.. (Томашу.) Из уличного комитета.

Томаш (берет у нее трубку). Да, слушаю... (Смотрит на часы.) Приду. Начинайте без меня.

Эва (вырывает у него трубку). Никуда он не придет! Он болен! Один раз можете обойтись и без него... Заседать они придумали! То же мне, выбрали время! В пятницу вечером!

Томаш. А когда же? Когда, по-твоему, лучше?

Эва. Неужели ты не хочешь послушаться даже врача?

Томаш. Но ведь я не в другой конец города иду. Только спущусь в подвал.

Эва. Вывозить мусор раз в неделю или два — это они могут решить и без тебя.

Томаш. Если бы речь шла только о мусоре...

Эва. А о чем еще?

Томаш (с нежностью погладив жену по плечу). Ты же прекрасно знаешь.

Эва. Когда ты вернешься?

Томаш. Через час.

Эва. Значит, до двенадцати ночи?

Томаш. Ну, мать! Что это с тобой?

Эва. Со мной? Посмотри лучше на себя в зеркало!

Томаш (глядя в зеркало). Пустяки. Просто надо побриться новым лезвием. Завтра я опять буду как огурчик, чтобы ты не ворчала.

Эва. Ты все только обещаешь.

Явление четвертое

Те же и Мики

Мики только что окончил школу. Загорелый, атлетического сложения парень в белом костюме, с сумкой через плечо, он останавливается в дверях — после пляжа у него хорошее настроение.

Мики (шутливо поет на мотив народной песни). Добрый вечер вам, почтенные родители.

Томаш (с удовольствием глядит на любимого сына). Ну что?

Мики. Все в норме.

Эва. Смотри не переусердствуй со своим купаньем. Каждый божий день с обеда до вечера на солнце.

Мики. Да ну, мамуля.

Эва. Нечего подлизываться! Уже третью неделю не спишь нормально. Все почти на стройке. А до обеда что это за сон? Чуть-чуть вздремнешь, а потом полдня — в воде. Туберкулез хочешь заработать? Тебе сейчас, после школы, только этого не хватало.

Томаш (шепотом). Сегодня у нашей матери одна медицина на уме.

Мики. Что так?

Томаш. Ты же ее знаешь. Это пройдет.

Мики. Да, кстати, отец, если можешь, нажми, пусть пришлют солдат!

Томаш. Как? Их еще не прислали?

Мики. Ни одного. В почную нас ходит всего несколько человек, а ведь работы хоть отбавляй.

Томаш. Я позвоню начальнику.

Мики. Ничего он не сделает. Надо пойти прямо в гарнизон. Слушай, подожди, я пойду вместе с тобой.

Эва. А ужинать когда?

Мики. Я поужинал у Магды.

Эва. У Магды? Это что за новости?

Мики. Она пригласила нас. Всю бригаду. На шпекачки.

Эва. Шпекачки. Это на нее похоже. И ты теперь на одних шпекачках собираешься возить тачку до утра?

Мики. А какое меню у нас?

Эва. У нас? Что за вопрос. Все, что надо.

Мики. Ну, тогда ты мне оставь. Я поем утром. Мне теперь с утра что-то жуть как есть хочется.

Эва (Томашу). Ты слышишь? Ведь ты же отец. Скажи ему. Это плохо кончится.

Мики (бросается к матери, обнимает ее, а потом приподнимает, как в танце). Ну, мамуля!

Эва. Сумасшедший! Надорваться хочешь?

Мики. По почте ничего не приходило?

Эва. Ничего.

Мики. Там тоже не больно торопятся.

Эва (ласково). Не бойся. Говорят, сто процентов за то, что ты пройдешь.

Мики. Откуда ты знаешь?

Эва. Я разговаривала.

Мики. С кем?

Томаш. С одним человеком, у которого хорошие связи.

Эва. Ты был бы не ты, если бы все сразу не высмеял. А что, если Мики не примут? Что тогда? Ты слышал, у доктора есть связи даже в Праге.

Томаш. Если б только в Праге. У него наверняка найдутся знакомства и в ООН.

Эва. Где?

Мики (по-английски, со школьным произношением). Огэнайзешн оф юнайтэд нэйшнз.

Звонит телефон.

Томаш (берет трубку). Слушаю. У телефона. Нет. Не могу. У меня комитет... Завтра? Когда? Только если с утра. Хорошо, приду. Честь!*

Эва. Мы же завтра едем к Илье.

Томаш. Придется тебе поехать одной.

Мики. А в казармы ты сейчас заскочить не сможешь?

Томаш. Как бы вот только успеть? Все сразу.

* Ответ на приветствие «Честь труду» (первый собеседник говорит: «Честь труду!», второй отвечает: «Честь!»). — Здесь и далее примечания переводчиков.

Мики (уходя с отцом). Я знаю их нового политрука. Он живет в первой башне. Мы могли бы перехватить его по дороге.

Их голоса постепенно заглушает гудение лифта.

Эва (оставшись одна). Боже мой. Трое мужчин в семье — а будто ни одного. Вечно они где угодно, только не дома. Ну и жизнь. (Включает радио.)

Звучит приятный женский голос.

Голос. ...Жены и матери партизан провожали мужей и сыновей, дав им на дорогу по караваю свежего хлеба, и потом жили ожиданием встречи. Сколько выстрадали материнские сердца, когда за суровой осенью пришла жестокая зима, когда занесло снегом горные тропки, ведущие к печам, в которых женщины выпекали хлеб...»

Эва выключает радио.

Эва. И эти все про то же. Хорошую музыку и раз в году не услышишь. (Берет оставленную Мики сумку, достает из нее плавки, полотенце, разглядывает потрепанную книжку.) Биология. (Перелистывает ее и уже собирается положить обратно, но из книжки выпадает фотография; Эва поднимает ее и с интересом разглядывает.) Ярмилка? Интересно. Об этой я не слышала. На вид ничего. Гораздо лучше, чем эта Магда.

Хлопает дверь лифта. Эва быстро вкладывает фотографию в книгу. Раздается звонок, Эва идет открывать дверь.

Явление пятое

Эва и Илья

Эва (стоя в дверях, радостно). Илья! Илюшка! Сыночек мой!

Входит Илья, рослый студент, старше Микулаша на шесть лет. С привычной беспечной и несколько снисходительной улыбкой он отстраивает мать, припавшую к его груди.

Илья. Привет, мама!

Эва. *(Обрадованно разглядывает сына, и в эту минуту ее совсем не трогает, что волосы у него намного длиннее, чем он обычно носил, не раздражают ее и яркие полосатые брюки; она всматривается в слегка похудевшее лицо Ильи и, не удержавшись, нежно проводит пальцами по шраму на носу и щеке — из-за этого шрама всего год назад она столько пережила.)* Ты не встретил отца? Он пошел вниз вместе с Мики.

Илья. Видимо, мы разминулись.

Эва. Боже мой, Ильюшка. Я так счастлива, что ты здесь. А мы как раз собирались завтра к тебе поехать.

Илья *(удивленно)*. Ко мне? Зачем?

Эва. Мне в последнее время снились разные кошмарные сны.

Илья. Серьезно?

Эва. Как хорошо у тебя зажил этот шрам. Уже почти не заметно.

Илья. Вот видишь. Может, я еще и пожелаю о нем. *(Смотрится в зеркало.)* Все говорят, что он делал меня интереснее.

Эва. У меня — ну прямо как в прошлом году, перед этой катастрофой — было ужасное предчувствие. Вчера, позавчера... Господи, Ильюшка, ты не можешь себе представить, как у меня отлегло от сердца...

Илья. Ты говоришь — предчувствие, как в прошлом году?

Эва. Точь-в-точь.

Илья. Любопытно.

Эва. Да сядь же ты. Садись и рассказывай, что нового. Как последний экзамен? Когда будут вручать дипломы?

Илья. Я все тебе расскажу, только оподосну руки...

Эва. Иди. Быстренько прими душ. Слушай, а может, я все-таки позову отца? Он пошел на заседание комитета; по крайней мере у него хоть будет отговорка.

Илья. Ты что, нашего отца не знаешь? Какие могут быть отговорки, если у него собрание?

Эва. Ох, ты прав. Он все такой же, и знаешь, он в последнее время очень плохо выглядит. А сегодня он чуть не упал в обморок.

Илья. Зря он так усердствует.

Эва. Ты бы сказал ему.

Илья. Меня он не послушает. А как Мики?

Эва. Вкалывает на стройке каждую ночь, уже третью неделю, с самого начала каникул.

Илья. Я читал в какой-то газете, что им хотят присвоить звание «Депу имени Словацкого национального восстания».

Эва. Эх, если бы... но я боюсь, они не успеют в срок, и все лопнет как мыльный пузырь. *(Подает Илье полотенце.)*

Илья держит полотенце в руке, но не встает со стула.

Напустить воды в ванну?

Илья. Нет, не надо.

Эва. Ты ведь наверняка весь потный.

Илья наблюдает за матерью и не отвечает.

И в Братиславе такая же жарница?

Илья. Мама! *(После паузы.)* Ты сказала, что у тебя было такое же предчувствие, как в прошлом году, перед тем как я попал в автомобильную катастрофу?

Эва *(замирает)*. Господи боже.

Илья. Не знаю, как тебе сказать...

Эва. Экзамен?.. Ты завалил последний экзамен и не получишь диплома?

Илья. Получу...

Эва. Но что случилось? Когда?

Илья. В поезде я всю дорогу думал, как тебе это сказать. Послушай, мама... Сядь, прошу тебя...

Эва молча садится рядом с сыном.

На этот раз я, как будто, выбрался из катастрофы без шрама.

Эва. Боже мой!

Илья. По крайней мере его не видно.

Эва. Ты же пообещал мне, что больше не сядешь за руль.

Илья. А я и не садился. Автомобиль тут не при чем.

Эва. А что же тогда?

Илья. Мамуля!

Эва. Ну?

Илья. Я должен жениться.

Эва. А диплом?

Илья. Диплом будет.

Эва. Когда?

Илья. Осенью, скоро.

Эва. Боже мой. Жениться... Ильюшка, а на ком?

Илья. На одной женщине...

Эва. Я понимаю, что не на двух.

Илья (*обрадованно обнимает мать*). Мамуля! Ты знаешь, ты просто гениальный человек!

Эва. Что?

Илья. У тебя инстинкт... Да что там инстинкт — настоящий рентген на расстоянии. Представь себе, что их, в общем-то, уже двое.

Эва (*после долгой паузы*). Что?

Илья. Да, именно так. Все так, как я тебе говорю.

Эва. Нет, этого не может быть.

Илья. Ну почему же, все вполне логично, это только кажется невозможным. Дело в том, что у нее уже родилась дочь, вот я и обязан жениться; главным образом из-за ребенка.

Эва. Боже мой.

Илья. Мамуля! Погоди, дай сообразить, все ли я тебе сказал?

Эва. Господи, что же еще?

Илья. Не забыл ли я что-нибудь?

Эва. Ильюшка, сыночек! Бога ради, ну что там еще?

Илья. Я тебе потом подробно расскажу. Я просто боялся, что не сумею объяснить тебе все быстро и ясно.

Эва. Нет, этого не может быть. Ты, наверно, шутишь, разыгрываешь меня!

Илья. Мама! Ну что ты, такими вещами не шутят.

Эва. Я знаю, просто хочу хоть на минутку успокоиться. Господи, да ты хоть понимаешь, что это значит?

Илья. Понимаю. Прекрасно понимаю. Всю ответственность я беру на себя.

Эва. Когда это случилось?

Илья. Что ты имеешь в виду?

Эва. Ох! Ничего. Я ничего не имею в виду.

Илья. Ах, это? Малышка родилась месяц назад.

Эва. Кто эта женщина?

Илья. Чудесная, золотая девушка. Катка... Вот увидишь, ты полюбишь ее.

Эва. Так же, как ты?

Илья. Конечно.

Эва. Ты говоришь — Катка? Но ведь ты никогда ни о какой Катке не рассказывал.

Илья. Она учится у нас, на втором курсе.

Эва. На втором? Боже мой.

Илья. Но она в самом деле золото.

Эва. Могу себе представить. Вся так и блестит. Хороша девица, если она способна искалечить парню жизнь перед самым дипломом.

Илья. Не волнуйся, диплом будет! На сто процентов.

Эва. Ты пойдешь получать его с Каткой под руку? Может, еще и малышку с собой прихватите?

Илья. Зачем ты так! Малышка вся в тебя.

Вылитая бабушка. Мы потому и назвали ее Эвичка.

Эва. Эвичка...

Илья. Если бы ты только ее увидела! Эти глазенки, пальчики...

Эва. Господи! Нет. Этого не может быть! Почему ты нам раньше об этом не сказал?

Илья. Я до последней минуты надеялся, что все утрясется.

Эва. Это в твои-то годы? Утрясется! Думал бы, что говоришь.

Илья. И потом... Ты ведь знаешь нашего отца.

Эва. Боже мой! Отец... Ему ни в коем случае нельзя об этом говорить.

Илья. Почему?

Эва. Только не сейчас!

Илья. А когда же?

Эва. Нет, это его добьет. Наверняка... Ты не должен... Не смей говорить ему об этом.

Илья. Но мамуля...

Эва. Я, я помогу тебе, как только смогу... Да, я помогу... Но отец... Отца мы должны убедить от этого удара.

Илья. Но он все равно ведь когда-нибудь узнает.

Эва. Когда будет свадьба?

Илья. Когда? Это зависит от того, как мы договоримся.

Эва. Боже мой! Они еще о свадьбе не договорились, а ребенок уже родился. Нет, это просто не укладывается у меня в голове.

Илья. Я приехал не из-за свадьбы.

Эва. А из-за чего?

Илья. Свадьба может и подождать.

Эва. Подождать?

Илья. Мне надо устроиться на работу.

Эва. Не получив диплома? Не окончив институт? Да кто тебя возьмет без диплома?

Илья. У меня есть на примете хорошее место. Впрочем, хорошее — не то слово! Просто отличное.

Эва. Отличное? Что по-твоему значит «отличное»? И к тому же, в твоём нынешнем положении...

Илья. Это значит, что, работая там, я смогу спокойно закончить учебу. И при этом буду работать по специальности. В Братиславе. А самое главное — на предприятии высшего класса. Мне там сразу же дадут однокомнатную квартиру.

Эва. С женой и ребенком ты хочешь жить в однокомнатной?

Илья. А что делать? Неужели ты думаешь мне где-нибудь предложат трехкомнатную?

Эва. Ты хочешь исковеркать себе всю жизнь ради крыши над головой?

Илья. Мамуля! Пойми, я не могу иначе. Эта работа — уникальный вариант, за нее ухватился бы любой. Знаешь сколько там претендентов? Это предприятие, каких мало.

Эва. А ты уверен, что возьмут именно тебя?

Илья. Возьмут, наверняка возьмут, если отец...

Эва. Что — отец?

Илья. Надо, чтоб он мне помог. Я его никогда ни о чем таком не просил, но сейчас...

Эва. Как он должен тебе помочь?

Илья. Похлопотать за меня.

Эва. Где?

Илья. На этом предприятии. Он это может через райком... Теперь так делают.

Эва. Ты что, не знаешь нашего отца?

Илья. Знаю, но в такой ситуации... Один раз поговорить с кем надо по телефону — это даже он может себе позволить, особо не терзаясь угрызениями совести.

Эва. Отец ни о чем не должен знать! Я помогу тебе, обязательно, но отец...

Илья. Мама, ну подумай — чем ты можешь мне помочь? А у отца тьма нагрузок, но связей еще больше. Тут ведь важна цепочка — один позвонит другому, а тот — третьему.

На площадке хлопает дверь лифта, слышно, как в замочную скважину вставляют ключ. Эва удивлена, увидев в дверях Томаша.

Явление шестое

Те же и Томаш

Томаш (*из передней, не видя Илью*). Ты удивлена, а? Мне обычно редко удается вернуться так быстро.

Эва. Ты ушел с собрания?

Томаш. Нет, мы все закончили. Они понемногу начинают понимать, что я прав: любое заседание, которое длится больше часа, ни к черту не годится. И ведь, ей-богу, не я это выдумал. (*Увидев Илью*.) Вот это да! У нас гости?

Илья подает руку отцу.

Послушай, мать, ты у нас прямо магнит — притянула сыночка домой, чтобы самой к нему не ехать. Это мало кому удается. (*Внимательно оглядывает сына*.)

Илья, нервно переминаясь с ноги на ногу, хочет что-то сказать, но мать знаками приказывает ему молчать.

Послушай, архитектор, что у тебя за вид?

Илья. А что?

Томаш. Ну и волосы!

Эва. Сейчас так модно, отец.

Илья. Но если тебе это не нравится, я могу подстричься.

Томаш. Доставишь мне хотя бы эту радость?

Илья. В общем-то, конечно, это формализм.

Томаш. Ты так считаешь?

Илья. Да, естественно.

Томаш. Сколько времени у тебя уходит, чтобы расчесать эту гриву? А может, ты ходишь в женскую парикмахерскую?

Илья. Ну, знаешь, отец... словно у нас у всех нет других забот и проблем...

Томаш. У тебя — заботы? Да что ты говоришь? Ты что, опять не сдал экзамен?

Эва. Томаш, прошу тебя...

Томаш. Что?

Эва. Не приставай к ребенку.

Томаш. Ты привез приглашительные билеты на торжественное вручение дипломов?

Эва. Еще привезет.

Томаш. Когда?

Илья. Осенью.

Томаш. Опять какая-нибудь катастрофа?

Эва. Томаш, я прошу тебя...

Томаш. А что это за брюки?

Илья (*помолчал*). Пожалуйста... Чтобы доставить тебе удовольствие... Я могу снять их прямо сейчас. (*Снимает брюки и остается в трусах*.)

Томаш. Не устраивай тут цирк!

Эва (*забирает брюки*). Дай-ка я их, кстати, постираю. До утра высохнут.

Илья (*отцу*). Но это уж формализм в высшей степени. Я думаю, ты с этим согласишься.

Томаш. И в таком виде ты ходишь по Братиславе?

Эва. Тебе, конечно, было бы больше по душе, если бы все ходили в железнодорожной форме.

Томаш (*после паузы*). Так в чем же дело? Что стряслось на этот раз?

Эва. Боже мой, ну что ты сразу устраиваешь допрос. Пусть он хоть оденется.

Илья. Отец, мне надо очень серьезно поговорить с тобой. В самом деле, серьезно.

Томаш. А когда мы с тобой разговаривали несерьезно?

Эва. Но прежде всего давайте поужинаем.

Илья. У меня кусок в горло не полезет, пока отец мне не пообещает...

Эва. Илья, что я тебе сказала?!

Томаш (Эве). У него опять нет денег?

Илья. Нет. Деньги как раз есть. Дело не в деньгах. Денег, пожалуй, я у вас больше брать не буду... Отец, пойми, прошу тебя, я наконец встаю на ноги...

Томаш. Рад слышать.

Илья. Но нужно, чтоб ты сходил в райком.

Томаш. За твоими ногами?

Илья. Я устраиваюсь на работу.

Томаш. Да что ты? Почему так скоропалительно?

Илья. Первоклассное предприятие, туда не всякого берут.

Томаш. Вот как?

Илья. Меня возьмут и без диплома, главное — не прозевать, не упустить случая. Ждать, пока я кончу институт, там не будут.

Томаш. Что же это за шарашкина контора?

Илья. Превосходное место. И достаточно одного звонка по партийной линии.

Томаш. Да ну? Что ты говоришь?

Илья. Отец, прошу тебя!

Эва. Томаш, и я тоже прошу!

Томаш. Но вы же оба прекрасно знаете, что я никогда в жизни никому не протектировал и не собираюсь. К тому же это бессмыслица — лезть в такое заведение без диплома. Что ты думаешь там делать? Будешь работать чертежником? Стоило ли тогда пять лет учиться? Если тебе нужны деньги... Пожалуйста... Мы как-нибудь выдержим. Но прежде всего ты должен окончить институт, а уж потом... с дипломом... ты можешь...

Илья. Мух ловить! Ты думаешь, там будут меня дожидаться?

Томаш. Ну, коли не дождутся там, мы тут подождем.

Илья. Я должен остаться в Братиславе.

Томаш. Само собой! Оставайтесь там все! Все! Можно подумать, кроме Братиславы, люди нигде не живут.

Илья. Ты хочешь предложить мне остаться в нашей задохнутой пыльной дыре? А чем я тут буду заниматься? Сидеть в строительном управлении и до бесконечности переделывать проект вашего депо?

Томаш. Бесчувственный чурбан!

Эва. Ну хватит! Вечно вы так — не можете сразу же не сцепиться!

Илья. Что ж, хорошо... Если ты не хочешь сделать это через райком, есть и другая возможность.

Томаш. Меня уже не удивляет, что тебе некогда сдавать экзамены, — у тебя все время уходит на изыскание *возможностей*.

Эва. Какая еще возможность?

Илья. Об этом никто и знать не будет. Достаточно поговорить с одним человеком.

Эва. С кем?

Илья. У директора предприятия есть брат. Он живет здесь.

Эва. Брат?

Илья. Доктор Гайнош, наш сосед. Неужели он не позвонит своему брату, если его попросит секретарь парторганизации депо, где он работает рядовым врачом.

Томаш (*подходит к сыну, который по-прежнему стоит перед ним почти голый*). Сейчас мне ужасно хочется влечь тебе затрецину, чтоб ты хорошенько запомнил этот день... день, когда ты начал указывать собственному отцу. Но я не сделаю этого, потому что доктор Гайнош рекомендовал мне не волноваться.

Снизу слышен гул поезда. Томаш, вынув часы, проверяет время. Гаснет свет. Темнота. Слышно, как мимо окон идут поезда.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Суббота. Утро. В окно сквозь опущенные жалюзи пробивается яркое утреннее солнце. На тахте спит Илья, двери в спальню открыты, видны неубранная постель и раскиданные пуховые одеяла. Родители уже ушли. Откуда-то сверху доносится тоскливое поскуливание собаки, нетерпеливо ожидающей утренней прогулки; поскуливание заглушается гудением лифта. Сильно хлопает дверь шахты. В замке поворачивается ключ, и в комнате появляется Мики в запыленном комбинезоне.

Явление первое

Илья и Мики

Илья на мгновение просыпается и, что-то неразборчиво пробормотав, тотчас же отворачивается к стене.

Мики. Привет, братишка. Что это ты показываешь мне спину, давай-ка слезай с дивана. Сейчас я завалюсь.

Илья (*садится и заспанно глядит на брата*). Без балды?

Мики. Я с ночной, а сегодня мы вкалывали как никогда.

Илья. Без балды?

Мики (*снимает комбинезон*). Заладил — без балды, без балды! Если ты собираешься дрыхнуть дальше, топай в спальню.

Илья. Э, да ты весь в цементе. Не трясина меня.

Мики. Аллергия от пыли?

Илья. Будущий медик! Ты и в самом деле вкалываешь на бетоне? А я-то думал, ты ходишь туда просто ради денег.

Мики. А на что они мне, по-твоему?

Илья. На что? Думаешь, с сентября тебе

будет хватать стипендии и того, что вытянешь из наших?

Мики. Поживем — увидим. Пока что я над этим голову не ломаю.

Илья. Молодо-зелено.

Мики. В крайнем случае обращусь за помощью к богатому брату, который к тому времени будет работать в первоклассной конторе.

Илья (*встает*). Откуда ты знаешь?

Мики. Тут все всё знают.

Илья. Не валяй дурака.

Мики. Чего это ты так разволновался с утра пораньше?

Илья. Кто тебе сказал?

Мики. Я забегал к маме выпить лимонаду до открытия магазина.

Илья. Значит, она уже успела все тебе доложить.

Мики. Откуда мне знать, что по-твоему значит «все»; хотя из того, что она сказала, я понял, что ты изрядно влип, братан; что правда, то правда.

Илья. Ну и влип, подумаешь. И нечего ухмыляться, у тебя все еще впереди. А кроме того, не я первый и не я последний оказался в такой ситуации.

Мики. Превосходное слово! «Ситуация».

Илья. И если ко мне здесь отнесутся с маломальским пониманием, я из этой ситуации выйду играючи.

Мики. Да только вот отец не хочет понимать.

Илья. А ты знаешь, пока что я ему сказал, или, вернее, открыл, только меньшую, лучшую часть...

Мики. Ситуации?

Илья. Мама меня упростила.

Мики. И мне тоже приказала молчать.

Илья. Не знаю только, до каких пор она хочет это скрывать.

Мики. Последнее время он совсем не в форме.

Илья. Ничего удивительного. Семь общественных нагузок свалят с ног и Геркулеса. Да еще суматоха из-за этого депо...

Мики. Эх, пришло бы раньше на стройку хоть раз столько же народу, сколько там работает сейчас, — мы бы успели до праздников.

Илья. «Мы»? Кто это «мы»?

Мики. Кто, кто. Мы все. Да пойми ты, ведь если депо не закончат в срок, это позор для всего города.

Илья. Неужто и ты успел выбиться в делеги?

Мики. В каком смысле?

Илья. У тебя теперь какой-то чудной лексикон.

Мики. Чудной?

Илья. Если ты мне еще скажешь, что ходишь вкалывать по ночам ради того, чтобы вам вручили вымпел бригады социалистического труда, я сразу потеряю дар речи.

Мики. Ну и фрукт из тебя получился, как я погляжу!

Илья. Ты, может, уже вступил и в Социалистический союз молодежи?

Мики. А ты — нет?

Илья. Спасибо, не надо.

Мики. Не вступил, и, несмотря на это, учение все равно идет со скрипом?

Илья. Поосторожней на поворотах! Ты еще не знаешь жизнь. Братислава — это тебе не наша дыра. Кстати, мама просила тебе передать, чтобы ты поел, прежде чем завалишься спать. Она боится, что ты заработаешь чахотку из-за этой стройки... А, кстати, сколько это тебе дает? За одну смену?

Мики. Ты же спец. Строитель. Вот и рассчитай!

Илья. Боишься, что попрошу займы?

Мики. А ты знаешь, могу и одолжить. Ей-богу. Если попросишь, папаша, я одолжу, но на коляску, говорят, выдает государство.

Илья. Сопляк.
Мики (*добродушно обнимает брата*). Ну, а он хоть красивый?

Илья. Что? Кто?

Мики. Ну, твой малыш. На кого он похож?

Илья. Представь себе — я даже не знаю.

Мики. Надеюсь, что буду для него образцовым крестным отцом.

Илья. Послушай, Мики... Ты должен мне помочь.

Мики. Как?

Илья. Отец тебя обожает.

Мики. Меня?

Илья. Мама говорит, что у вас одинаковый характер. Но я знаю, что ты...

Мики. Что я?

Илья. Настоящий брат.

Мики. Это означает...

Илья. Что ты поможешь мне уговорить отца хотя бы сходить к этому Гайношу.

Мики. К доктору с седьмого этажа? А что у вас с ним общего?

Илья. Мама тебе не говорила?

Мики. Нет.

Илья. Его брат — руководитель того предприятия, куда меня могут взять.

Мики. А знаешь, Гайнош вчера приходил.

Илья. Куда?

Мики. К нам. Мама попросила его посмотреть отца, а потом он пристал к отцу с просьбой.

Илья. С просьбой? Что он просил?

Мики. Он хотел, чтобы отец подписал ему эту, ну, бумажку, что он был активным партизаном.

Илья. А отец что? Не подписал?

Мики. Ты же его знаешь. Конечно, нет.

Илья. Он думает, что республика разорится, если какой-то доктор будет получать пенсию на несколько крон больше?

Мики. Дело, наверно, не в этом.

Илья. А в чем?

Мики. Отцу важен принцип.
Илья. Прости, Мики, но где вы все живете? На каком свете?

Звонок в дверь.

Явление второе

Те же и Магда

Илья (*идет открывать и видит в дверях Магду, одноклассницу брата; в руках у нее авоськи с бутылками кофолы**). Илья сразу оживляется). Магдушка! Добро пожаловать, красавица!

Магда. Приветик!

Мики (*не в восторге от раннего визита*). Чао. (*Своим тоном он как бы хочет дать понять, что ей тут нечего делать в такую рань.*)

Илья. Магда, девочка! С того времени, когда я тебя видел в последний раз, ты не только кончила школу, но еще и фантастически хорошеела!

Магда (*с наигранным смущением поглядывая на Мики*). Ну, я бы не сказала.

Илья. Если это говорю тебе я, можешь быть уверена на все сто процентов, что это именно так.

Мики. Да, можешь положиться на специалиста. Если уж он так считает...

Магда. В самом деле?

Мики. Ведь наш Илья...

Илья (*оглядывает полные сетки*). Красавица ты наша, а куда же ты держишь путь? С таким количеством напитков!

Магда. Тут у нас, если все с утра не купишь, через час в магазине ни бутылки не останется, хоть умирай от жажды до самого понедельника.

* Кофола — тоницирующий напиток типа кока-колы.

Илья. Выходит, ты не только выпускница, но еще и прирожденная хозяйка. Эй, Мики, держись за нее, не упускай такой вариант — наверняка сделаешь карьеру. С такой красоткой — верняк.

Магда. Меня сюда послала мама.

Мики. Чья?

Магда. Твоя, конечно.

Илья. Мама?

Магда. Она велела передать, чтобы ты вечером не ходил на стройку.

Мики. Почему?

Магда. Сегодня суббота, и наверняка никто не придет.

Илья. Вот это мама, а?

Магда. И еще она разрешила мне пригласить тебя...

Мики. Куда?

Магда. Я думала, что ты и сам придешь. У меня ведь... (*после паузы*) сегодня именины.

Илья. Да что ты говоришь! Серьезно? Так это просто великолепно! Это надо отметить! Мики, живо, цветы и бокалы!

Мики. Не сходи с ума...

Илья. У Магды именины сегодня, а у меня были позавчера.

Мики. Ты небось уже отметил.

Илья. К счастью, Илья — такое имя, которое встречается не на каждом шагу.

Магда. Мне оно нравится.

Илья. Но нет имени красивее, чем Магдалена. Мики, я сказал тебе — цветы!

Мики. Откуда прикажешь их взять! Срезать мамину герань на балконе?

Илья. Тю-ю... Тогда хотя бы рюмки. Не будем же мы пить лимонад по поводу таких прекрасных именин!

Мики исчезает в кухне.

Магда. Да, лимонад, пожалуй не...

Илья. А разве не чудесно звучит — «Магдалена»?

Магда. Мики!

Мики (*из кухни*). Что?

Магда. Вчера вечером у нас были ребята. Говорили, что надо бы устроить, не знаю уж через кого, чтобы, когда поступим в институт, первый рабочий семестр мы отработали дома. Ну, хоть в том же депо.

Входит Мики.

Илья. Мне бы ваши заботы! (*Наливает в рюмки коньяк.*) Магда, девочка! За твое здоровье, за твою прелестную, сказочную фигурку, и пусть исполнится все, о чем ты мечтаешь.

Магда. Ну, давайте.

Мики поперхнулся. Магда быстро открывает бутылку с водой и подает ему.

Держи! Первая помощь после травмы.

Илья. И он собирается учиться в институте?!

Магда. Он еще поупражняется. До октября времени хватит.

Илья (*снова наполняет рюмки*). Разве что так, в этом деле и правда нужна практика...

Мики. Ну, мне кажется, рядом с тобой...

Илья. Я буду болеть за тебя. А вообще-то, милые детки, если вы думаете добиться чего-то в Братиславе, оставаясь членами общества трезвенников, то это большое заблуждение. Вас засмеют уже в первом семестре.

Магда. Ты не слишком сгущаешь краски?

Илья. Не веришь? Увидишь сама.

Магда. Впрочем, рюмочка коньяку — вовсе неплохо.

Илья. А две — еще лучше. Ох, Магда, уж коли научишься чему хорошему в молодые годы, то и в старости оно от тебя не уйдет. (*Выпивает.*)

Мики. Братишка, а тебе не кажется, что ты задал слишком быстрый темп?

Магда (*тоже выпивает*). А знаешь, лимонад, если его зашить коньячком, — просто экстрекласс.

Илья. Ты попала прямо в точку! Ты просто прелесть! (*Снова наливает.*)

Мики. И тебе охота пить прямо с утра?

Илья. Ну, извини, утро или не утро, а когда у нас такая гостя, не буду же я за ее здоровье пить молоко.

Мики (*нехотя, как будто по обязанности, выпивает вторую рюмку*). Ну, как знаешь.

Илья. Вот видишь. Вторая попытка у тебя прошла вполне успешно. (*Он хочет снова налить брату, но Мики отодвигает рюмку.*)

Магда. Господи, как приятно — тепло по всему телу разливается.

Мики. Что, тебе уже в голову ударило?

Магда. Скорее не в голову, а в ноги. Я должна сесть.

Илья. Конечно, детка, конечно. (*Убирает одеяло с дивана.*) У нас тут малость не прибрано.

Магда. Ничего.

Мики (*Магде*). У тебя как-то опасно блещат глаза.

Илья (*к Мики*). Ну, ну, ну! Только без морали. (*Протягивая Магде рюмку.*) Еще раз за твое здоровье!

Мики. Магда, не надо!

Илья. Слушай, Микино...

Магда. Ты хочешь сказать, что тебе это не нравится?

Мики. Говорю — не пей!

Магда. А что, если мне нравится?

Илья. Брависсимо! Из тебя выйдет такой доктор, что вся больница будет носить тебя на руках.

Магда. Я и не знала, что ты такой компанейский парень.

Мики. Напилась! И сразу же попалась на крючок!

Илья. Не болтай ерунду!

Магда. Хочешь, я сделаю стойку?

Мики. Боже сохрани!

Магда. Боишься, что не смогу?

Илья. Давай устроим для него небольшое показательное выступление гимнастов?

Магда (*протягивает руку Илье*). Общими силами?

Илья. Объединенными усилиями. Кувырок или сальто?

Мики. Вы малость рехнулись, а?

Илья. Мики, ты что, шуток не понимаешь?

Мики. Когда как. После ночной смены, может, и не понимаю.

Магда. Он хочет всхрапнуть, а мы тут мешаем ему.

Илья. Заблуждаешься! Никто его здесь не держит. В соседней комнате две свободные постели. Иди спать, братишка. А мы с Магдой пока повеселимся.

Мики. Как угодно.

Илья. Надеюсь, ты не обиделся.

Магда. Нет, нет, я пойду.

Илья. Да ну, девочка, мы так здорово начали, а ты хочешь нас бросить.

Магда. Мики, неужели ты в самом деле так хочешь спать?

Илья. Не волнуйся, я его сейчас взбодрю. Давайте опрокинем еще по одной, а потом я научу вас новой игре — в нее сейчас играют во всех лучших домах.

Магда. Без балды? Мики, ну выпей еще одну. Чтобы мы были на равных.

Мики. Лучше не буду. А то во время этой игры живот разболится, что тогда?

Илья. Основной реквизит: спичечный коробок и спиртное — чем больше, тем лучше. Но на худой конец хватит и одной бутылки. Спиртное делится строго поровну. На край стола кладется спичечный коробок. На каждом игроке должно быть надето одинаковое количество вещей. Эталоном, естественно, служат дамы. Мы двое должны дополнить свой туалет

так, чтобы по числу вещей наша одежда соответствовала наряду нашей очаровательной дамы.

Мики. Ты изжариться хочешь?

Илья. Потерпи, братец, потерпи. Ничто не длится вечно. Игра заключается в том, что постепенно снимается всё.

Мики. Что все?

Илья. Вся одежда, разумеется.

Магда. С ума сойти!

Илья. Сначала щелчком подкидывают над столом спичечный коробок. Если он просто переворачивается, это пас, если падает широкой плоскостью, игрок снимает с себя один предмет, а если боковой, то — два предмета. Каждый бросок записывается одним глотком. Постепенный переход в райское состояние Адама и Евы гарантируется на сто процентов за сравнительно короткое время.

Магда. Кто начинает?

Мики. Магда!

Илья. Дамам, разумеется, предпочтенье.

Магда берет спичечный коробок и ставит его на край стола.

Мики. Мигутку, мигутку! Ведь Илья в пижамах. Это значит, что он окажется в одеянии райского жителя уже во втором круге?

Илья. Не волнуйтесь, я сейчас надену надлежащий костюм. Магда, радость моя, сколько на тебе вещей?

Звонок в дверь.

Ну вот, только этого не хватало. Звонок надо отключить.

Мики идет открывать. Илья подает Магде рюмку.

Магда. Уже? Это входит в правила игры?

Илья. Маленькая увертюра. Лучше пойдет.

Мики возвращается с конвертом в руках.

Магда. Что это?

Илья. Покажи! Э, да у тебя руки трясутся?!

Магда. Господи. Деканат медицинского факультета университета имени Яна Амоса Коменского.

Илья. Ну, наконец-то! Вот оно, долгожданное. Надеюсь, теперь-то у Мики появится аппетит и к еде и к игре.

Мики стоит, все еще не распечатав конверт.

Что ты стоишь? Распечатай... Да не трясись ты так! Ведь все в порядке, железно. *(Вырывает у него конверт и обрывает край.)*

Мики выхватывает у него письмо и читает про себя короткий текст, напечатанный на официальном бланке. Прочитав, Мики растерянно глядит по сторонам. Магда забирает у него бумажку, читает, но тоже не хочет верить лаконичному сообщению и в смятении протягивает письмо Илье. Тот, прочтя, многозначительно свистит сквозь зубы и начинает читать вслух.

Илья. «...Экзамен вы сдали успешно, но вас не зачислили в институт ввиду недостатка мест. Это решение вы можете опротестовать в течение пятнадцати дней со дня получения извещения. Честь труда. Декан». Подпись неразборчива.

Магда *(встает и стремительно бросается к двери)*. Не может быть.

Мики *(после короткой паузы)*. Что — не может быть?

Магда. Если не приняли тебя, думаешь, меня дома ждет другой ответ?

Илья. Да вряд ли.

Магда *(уже в дверях)*. Ну, бывайте, ребята... До сви...

Мики. Подожди! Я пойду с тобой.

Илья *(удерживает брата)*. Никуда не ходи!

Мики. Почему?

Илья. Зачем тебе идти?

Мики *(кричит вслед Магде)*. Магда, позволь мне!

Илья *(когда они остались одни)*. Ни к чему. Если не приняли тебя, то и она не зря волнуется.

Мики. Из-за недостатка мест.

Илья. Изрядное свинство, ничего не скажешь.

Мики. Из-за недостатка мест.

Илья. Не будь наивным.

Мики. А я так радовался.

Илья. Вот видишь, и ты погорел ни за что ни про что. Но теперь уж...

Мики. Что?

Илья. Надеюсь теперь, отец проявит себя как...

Мики. Как ему еще нужно себя проявлять?

Илья. Как настоящий отец.

Мики. Ты думаешь, он...

Илья. Если он хочет, чтобы ты стал медиком, ему придется что-то предпринять.

Мики. Какая гадость!

Илья. Житейское дело.

Мики. Я его ни о чем просить не собираюсь.

Илья. Для тебя он это сделает и без твоих просьб.

Мики. Наш отец?

Илья. А если он похлопочет за тебя, у него уже не возникнет никаких угрызений и когда придется хлопотать за меня.

Мики. Илья!

Илья. Да. Все именно так. Жестоко, но... В жизни и не то бывает. Так сказать, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Мики. А что, если я не захочу? Если я против?

Илья. Думаешь, я не вижу, как ты сдерживаешься, чтобы не заплакать?

Мики. Сдерживаюсь — не сдерживаюсь. Кому какое дело!

Илья. Рыцарство и красивые жесты спрячь

в чемодан, в самый низ. Без них ты в жизни обойдешься, поверь.

Мики. Я только не могу понять, почему?

Илья. Что — почему?

Мики. Почему нет места именно для меня?

Илья. Ах ты, бедненький. Да таких — сотни! Может быть, даже тысячи, если взять по всей республике.

Мики. Но почему именно я?

Илья. Сын такого отца?

Мики. Отца сюда не приплетай.

Звонит телефон.

(Подскакивает к телефону, снимает трубку.)
Да... Что? Тебя приняли? Поздравляю! *(Почти шепотом.)* Магду приняли.

Илья. Вот видишь. Наверно, у нее отец половчее. Он в отличие от нашего строит не депо имени Национального восстания, а собственный дом с гаражом на две машины и, помимо, больше заботится о будущем своей дочери, а ведь кто он такой? Активист-общественник? Ничего подобного! Самый обычный буфетчик... Правда, работает на бойком месте...

Мики. Но если приняли Магду...

Илья. Примут и тебя, только не складывай оружие.

Мики. Я и не складываю.

Илья. Ну что ж. Главное — не бояться. Теперь у нас обоих, в общем-то, одинаковые шансы.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Суббота. Вечер.

Явление первое

Томаш, Илья, Мики и Эва

Та же комната. Тахта застелена, на столе остатки ужина. Семья, наверное, уже давно поужинала, но все по-прежнему сидят за столом. Когда на сцене загорается свет, никто не спешит заговорить. Чувствуется, что атмосфера напряженная. Мики тянется через стол и берет спичечный коробок. Все ждут, что он будет делать дальше. Мики ставит коробок на угол стола и щелчком подкидывает его вверх. Когда он повторяет эту операцию еще раз, Эва решительно отнимает у него коробок. Издали доносится шум приближающегося поезда. Томаш встает из-за стола. Экспресс с гудением промчался мимо.

Томаш *(проверяет время, по часам, а потом недовольно говорит, скорее себе, чем остальным)*. Черт знает что. Опаздывает почти на полтора часа. Этим людям на все наплевать. *(Выходит в спальню.)*

Илья *(обращаясь к матери и брату, по-прежнему сидящим за столом)*. Ну вот, пожалуйста. Слышали?

Эва. Илья, я прошу тебя!

Илья. «Меридиан» опаздывает на час. Это для него катастрофа. Вот увидите, он сейчас будет звонить на станцию... Из-за какого-то запаханного экспресса. А то, что дома...

Мики. Оставь нас в покое.

Эва. Мики напишет заявление в апелляционную комиссию.

Томаш *(стоя в дверях спальни)*. В течение пятнадцати дней.

Илья. И вы надеетесь, что, если никто не похлопочет, ответ будет другой? Не такой, как сегодня?

Томаш. А почему он должен остаться таким же?

Илья *(после короткой паузы)*. Ах, вот оно что? Понимаю.

Томаш. Что ты понимаешь?

Илья. Что в случае с Мики ты не будешь сидеть сложа руки, а будешь действовать.

Мики. Не будет.

Илья. Как это?

Мики. Я запрещаю. Я просто не хочу этого.

Эва. А ты помолчи.

Мики. Если у них не будет места и после апелляции, я пойду работать.

Илья. С аттестатом зрелости. Всюду только и ждут таких «специалистов», прямо со школьной скамьи.

Мики. До октября поработаю на стройке.

Эва. А потом что?

Мики. Пойду в армию.

Илья. Великолепная перспектива! Там ты станешь шофером, а через два года...

Мики. Меня возьмут в таксисты.

Илья. Отец! А ты что скажешь? Ты с этим согласен?

Мики. С чем?

Илья. Чтобы человека, который за все время учебы в школе ни разу не приносил табель с плохими отметками, не приняли в университет.

Томаш. Я верю, апелляционная комиссия во всем разберется.

Илья. Отец, прошу тебя! Не будь смешным. Они уже давно все взвесили. Если он хочет туда попасть, надо, чтобы на медицинском факультете у него была поддержка.

Томаш. Ты во что бы то ни стало хочешь меня убедить, что за тысячами молодых людей, которые поступают в вузы, стоят тысячи тех, кто им протезирует?

Илья. Может, и не тысячи, но...

Томаш. Я знаю, что есть и такие случаи.

Илья. И немало.

Томаш. Только я, мой милый, по этому пути не пойду!

Илья. Но по этому пути идут и весьма уважаемые товарищи, даже те, которые занимают очень высокие посты.

Томаш. Это дело их совести.

Илья. А что, если они защищают интересы тех, за кого стоит похлопотать? Что плохого, если кто-нибудь замолвит в апелляционной комиссии словечко за абитуриента Микулаша Бенедика?

Томаш. Я и не догадывался, что ты так горячо любишь своего младшего брата.

Илья. Он наивен и неопытен. И не знает, что такое жизнь.

Томаш. Зато ты — ты уже в совершенстве изучил все подводные течения. Но только меня, мой милый, на кривой не объедешь.

Илья. Я и не объезжаю, я всего лишь тебе советую.

Томаш. А я не советую тебе давать мне советы.

Илья. Ну конечно. Ты все еще считаешь нас детьми, которых ты совсем недавно водил за ручку в ясли. Но пойми, и вокруг нас, и в нас самих многое изменилось. И водить в ясли скоро будешь не ты...

Эва. Боже мой! Илья! Замолчи! Как ты смеешь так разговаривать с родным отцом?

Томаш. Пусть договорит.

Звонит телефон.

Мики *(берет трубку)*. Да? Кого? *(Обращаясь к отцу)*. Тебя.

Томаш. Слушаю...

Эва *(шепотом)*. Ильюшка, прошу тебя...

Илья. До каких пор? До каких пор я должен ждать?

Томаш *(в трубку)*. В понедельник? Это

значит... Понимаю... Да... Приду... Разумеется. Я уже иду. *(Кладет трубку.)*

Э ва. Куда ты?

То маш *(к Мики)*. В понедельник на стройку придет комиссия из министерства. Если им покажется, что у нас еще мало сделано, они снимут свое предложение.

Мики. Значит, мы вкалывали зря?

Илья. И такое случается. Довольно часто.

То маш берет фуражку.

Э ва. То маш, куда ты?

То маш. Звонил начальник. Надо что-то предпринимать.

Мики. Солдаты! Нас могут выручить только солдаты. Человек двести... И машины. Все, что есть под рукой.

Илья. Послушай, отец, когда ты вернешься?

То маш. А что?

Илья. Я обязательно должен с тобой поговорить.

То маш. Разве мы не обо всем поговорили?

Илья. Нет. Я сказал еще не все.

То маш *(кладет фуражку на место)*. Ну, давай. Начинай.

Э ва. То маш... если тебя звал начальник, неужели ты будешь задерживаться... из-за каких-то пустяков.

Илья. Это вовсе не пустяки, мама, ты же прекрасно знаешь...

То маш. Я жду.

Звонит телефон.

Илья *(раздраженно)*. Возьмите же кто-нибудь трубку и скажите, что он уже ушел.

То маш. С чего это ты такой первый?

Илья. Я?

То маш. Повышаешь тон, и руки трясутся.

Илья смотрит на свои руки.

Э ва *(в трубку)*. Да... Да... *(Кладет трубку.)*

То маш. Кто звонил?

Э ва. Кто? А действительно, кто? Представляешь, я уже забыла.

То маш. Ты серьезно?

Э ва. Вы совсем сбили меня с толку.

То маш. Кто — мы?

Э ва. Шел бы ты на стройку. Если тебя срочно вызывают, то это, видно, и в самом деле серьезно.

Илья. Мама, прошу тебя...

Э ва. Я же сказала.

То маш. Что вы все такие первые?

Э ва. Я? Я ничего. В этой семье, кажется, у меня одной нервы пока еще в порядке.

Мики. Ведь этим специалистам из министерства, им же наверняка все равно. Прогуляются по стройке полчаса и скажут: «Не прием». Откуда им знать, сколько туда вложено сил, нервов.

Илья. И еще немало вложите, я вам гарантирую: сегодня потемкинской деревней никого не проведешь.

То маш. Почему ты думаешь, что это — потемкинская деревня?

Илья. Я проезжал мимо.

Мики. На экспрессе.

Илья. До праздника вы просто не можете это успеть. Исключено.

То маш. Ты говоришь как будущий специалист, или это всего лишь беглый взгляд из окна скорого поезда?

Илья. И в конце концов, что случится, если это дело не откроют торжественно в праздники? Вы обходились тут без него двадцать лет. Что случится, если ленточку перережут позже? Неужели вам в самом деле так уж важно это название и награды, которые товарищи из министерства обещали вам привезти на разукрашенном флаге «Меридиане»?

То маш. Ты прекрасно знаешь, что «Меридиан» у нас не останавливается.

Илья. Ради такого торжества вы бы наверняка смогли его здесь остановить.

То маш. Ты говоришь так, словно тебя радует, что у нас все может сорваться.

Илья. Я говорю так потому, что не перепошу формализма.

Эва. Илья, прошу тебя!

То маш. Не перебивай его, пусть облегчит свою молодую страждущую душу и пусть поведает нам, кто тут формалист.

Илья. Вы хотите убедить меня, что штурмовщина на стройке, которую замораживали много лет, и к тому же на стройке абсолютно незначительной, что вся эта спешка именно теперь — к годовщине восстания — не пустой формализм?

То маш. Весьма оригинальный взгляд, ничего не скажешь — и это после пяти лет учебы в институте.

Мики. Люди, можно сказать, наконец-то проявили инициативу...

То маш. На стройке, которая действительно была заморожена много лет... А он взял и навесил ярлык — формализм!

Илья. Вы хотите сказать, что тогда, тридцать лет назад, это дело и этот городишко имели какое-нибудь отношение к восстанию? Ничего подобного! Так для чего же вы во что бы то ни стало хотите повесить на дело табличку: «Имени Словацкого национального восстания»?

То маш. Мы ничего никуда не вешаем. А читать тебе лекции о том, что имеет и что не имеет отношения к восстанию, я не буду. Я предполагал, что тебе это и так давно известно.

Илья. Так же, как и то, что меня назвали Ильей в честь русского партизана, который умер у тебя на руках?

То маш угрожающе поднимается. Эва подсказывает к мужу, чтобы в случае чего вмешаться.

То маш (*после паузы берет фуражку и идет к двери*). Хотя бы так. Ему было тогда

столько же лет, сколько тебе сейчас, и ему еще очень, очень хотелось жить. И если я могу попросить тебя кое о чем, то...

Илья. Ты — меня?

То маш. Постарайся быть достойным этого имени. (*Уходит.*)

Долгая пауза, во время которой Эва провожает То маша на лестницу: братьям после слов отца уже нечего сказать друг другу.

Эва (*вернувшись*). Боже мой. Вот никогда не думала, что доживу до такой нервотрени. И все из-за собственных детей.

Мики. Из-за меня можешь не нервничать.

Илья. Разумеется, в каждой семье всегда только одна паршивая овца.

Мики. Изволил оскорбиться?

Илья. У тебя все впереди, ты еще узнаешь, что такое жизнь.

Мики. Хватит меня пугать.

Илья. Но эгоист в тебе проклюнулся первоклассный.

Мики. Во мне?

Илья. А в ком же еще? Ты ведь мог бы мне помочь.

Мики. Ты слышал, что сказал отец?

Илья. Конечно. А ты еще больше укрепляешь в нем его чистоплюйство... своими благородными разговорчиками, что, дескать, не нуждаешься в его протекции.

Мики. Я и в самом деле не нуждаюсь.

Илья. Чокнутый!

Мики. Какой есть.

Илья. Интересно, до каких пор ты таким останешься?

Мики. Навсегда.

Илья. Такой у нас твердый характер?

Мики. А у тебя уже нет никакого?

Илья. Чего?

Мики. Ты ж говоришь о характере...

Илья. Чокнутый!

Мики. Как тебе угодно.

Илья. Именно так, как я говорю.

Эва. Ну довольно! Я не желаю больше слушать!

Мики. Я его не обзываю.

Илья. Ну что тебе стоило просто сказать отцу, чтобы он перестал валять дурака!

Мики. Почему ты сам ему это не скажешь?

Илья. Да ведь я говорил, я даже просил его.

Мики. Ты уверен, что если я попрошу его за тебя?..

Илья. Не за меня. За меня не надо, ты попробуй за себя.

Мики. Ну и логика! Сначала за себя, а потом за тебя...

Илья. Ну хорошо, хорошо, тогда пусть он это делает только ради меня.

Мики (*после паузы протягивает Илье руку*). Договорились.

Илья. Что?

Мики. Я пойду поищу его.

Эва. Куда?

Мики. Я еще успею его догнать.

Илья (*проводит Мики до дверей*). Я твой должник.

Мики. Но я надеюсь, что своего «эгонста» ты возьмешь обратно.

Эва (*оставшись с Ильей*). Только захочет ли отец слушать? Боюсь, что нет.

Звонит телефон.

Илья (*берет трубку*). Да... Нет... Он только что ушел. Когда? Завтра в девять? Но ведь завтра воскресенье... Да... Понял. Хорошо, я ему передам.

Эва. Кто звонил?

Илья. Какая-то деятельница.

Эва. О господи!

Илья. Надо не забыть напомнить отцу, что завтра утром у него пленарное заседание участников Сопротивления.

Эва. Какое заседание?

Илья. Его приглашают партизаны.

Эва. В воскресенье?

Илья. У них, мол, оно всегда проводится по воскресеньям. С утра. Она мне это так назидательно сказала, что ой-ё-ёй!

Эва. Роза?

Илья. Откуда я знаю, как ее зовут.

Эва. Наверняка Роза. Она посылает ему их газету. Очень хорошая женщина. Без руки, а вырастила четверых детей. И уже давно могла бы пойти на пенсию. Но все еще работает, разносит газеты, и прекрасно справляется. А братья у нее, оба — полковники.

Илья. Это те двое, что с отцом на фотографии? Те солдаты?

Эва. Да, они самые.

Илья. Вот видишь. Они уже полковники, да и остальные, которые мерзли вместе с ним в землянке под Дюмьером, тоже если не министры, то хотя бы замы министров или директора предприятий. Один наш отец так и остался простым машинистом.

Эва. Да. Но я никогда его за это не упрекала. И ты не должен. Таким уж он уродился, другим не станет.

Илья. Но ведь все хоть что-нибудь имеют от этого своего восстания, а мы...

Эва. А что бы ты хотел?

Илья. При чем тут я? Разве ты ничего не заслужила?

Эва. Я?

Илья. Да хотя бы работу получше и поспокойнее, чем за кассой в магазине. А отец? На что он рассчитывает? Думает, что его хватит на сто лет? Вкалывать на электровозе, плюс вся эта его общественная работа!

Эва. Что да, то да. Ох, уж эта мне общественная работа!

Илья. Ну, от нее-то он мог бы и отказаться, конечно, если бы место было получше. Его уже все давно обошли. Начальник станции — совсем молокосос, немного старше меня... а отец? Да что он, собственно, имеет от своего

партизанского прошлого? Ничего. Или, может, у нас есть собственная вилла, машина? Нет, мы живем в обычной государственной квартире, к тому же тесной, двухкомнатной. А может, у нас есть счет в банке?

Эва. Боже мой, Илья! Ну откуда ему взяться?

Илья. Короче, мы не имеем от восстания ничего, кроме нервозности и хлопот по случаю его годовщины.

Эва. Ты не смеешь так говорить.

Илья. А как? Как мне в конце концов сказать ему правду?

Эва. Я... Я попробую вечером поговорить с ним.

Илья. Ты мне обещала это еще вчера.

Эва. Я боялась... так сразу...

Илья. А сегодня? Сегодня не побоишься?

Эва. Ох, не знаю! Я все думаю, вспоминаю — какую жизнь я прожила. С вашим отцом. С вами.

Илья. Тебе никто не позавидует.

Эва. А мне и не надо, чтоб мне завидовали!

Илья. Но ты только представь, как ты могла бы жить.

Эва. Я буду рада, если у тебя все сложится удачно.

Илья. Хорошо бы.

Эва. Дай-то бог. *(Включает приемник.)*

В наступившей паузе раздается марш повстанцев. Когда Эва выходит в кухню, Илья начинает крутить ручку приемника, пытаясь поймать какую-нибудь другую станцию.

Явление второе

Те же и Мики

Мики появляется из передней. Эва и Илья следят за ним долгим испытующим взглядом.

Илья. Ты не догнал его?

Мики *(устало)*. Догнал.

Илья. И что?

Мики. Ничего.

Эва. Я так и знала.

Илья. Ты сказал ему?

Мики. Сказал.

Эва. Все?

Мики. Абсолютно все. Пусть знает правду.

Эва. Боже мой, Мики!

Илья. А как ты сказал?

Мики. Так и сказал, как есть. Дескать, если он не хочет это сделать ради тебя, пусть делает ради малышки.

Эва. Прямо так и сказал?

Мики. Я думал, что как дед он будет помягче...

Эва. О господи!

Илья. А он что?

Мики. Не верит.

Илья. Чему?

Мики. Что он — дедушка. Смеется — это, говорит, просто фокус... ты это придумал, чтобы обвести его вокруг пальца... и устроиться на тепленькое местечко.

Илья. Значит, не верит?

Мики. Он сказал, что хотел бы посмотреть на эту внучку.

Эва. Прямо так и сказал?

Мики. Я давно не видал, чтоб он так смеялся.

Эва. Боже мой!

Мики. Люди на улице оглядывались.

Илья *(встает — он принял какое-то решение)*. Что ж, хорошо.

Эва. Что ты задумал?

Илья. Очень скоро у него пройдет охота смеяться.

Мики. Слушай, Илья, ты знаешь, а я ведь тоже начал сомневаться!

Илья. Тебе я не удивляюсь. *(Снимает трубку и набирает номер.)*

Эва. Куда ты звонишь, что ты еще придумал?

Илья. Хочу убедить неверующих.

Эва. Как?

Илья (*в трубку*). Междугородная? Алло! Это двести десять-тридцать три? Пожалуйста, Братиславу. Триста тридцать-восемьсот десять. (*Кладет трубку.*)

Эва. С кем ты хочешь говорить? О чем?

Илья. Ты слышала? Отец не верит.

Мики. Но ведь это и в самом деле звучит почти невероятно.

Илья. Как для кого.

Звонит телефон.

(*Снимает трубку.*) Да. Заказывал... Жду... Алло?.. Это Илья... Добрый день. Будьте добры — Катку... Да, Катку, пожалуйста... Хорошо.

Эва. Что ты хочешь ей сказать?

Илья (*в трубку*). Катка! Привет! Это я... Что случилось? Ничего, все в порядке... Ну... Ты удивлена, да? У меня к тебе просьба. Будь добра, возьми утром малышку и приезжайте сюда... Что?.. Как? Первым поездом... Коляска? Как без коляски? Ничего страшного — мы донесем ее на руках. Сейчас тепло. Не бойся... Не простудится. Это всего час езды... Что? Нет, просто дедушка хочет на нее посмотреть... Да... Вот видишь... А ты боялась... Так я вас жду утром на станции. Привет... (*Кладет трубку.*)

Эва (*шепчет*). Боже мой.

На сцене медленно гаснет свет. В тишине слышится гудок электропоезда.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Воскресенье. Утро. На тахте спит Илья. Сквозь опущенные жалюзи пробивается яркое утреннее солнце.

Явление первое

Илья и Эва

Эва выходит из спальни, проходит мимо спящего сына и поднимает жалюзи; комнату заливают солнце.

Илья (*просыпается и наблюдает за матерью, стоящей у окна*). Доброе утро.

Эва. Доброе... Кому как. Я всю ночь глаз не сомкнула.

Илья (*поглядев на двери спальни*). Ты говорила?

Эва. С кем?

Илья. Как отец?

Эва. Он не возвращался.

Илья. Где же он может быть?

Эва. Откуда я знаю.

Илья. Ты в депо звонила?

Эва. Никто не отвечает.

Илья. А у начальника?

Эва. И там тоже.

Илья (*начинает торопливо одеваться*). Вы сказали ему, кого я позвал?

Эва. Когда, по-твоему, мы могли ему сказать?

Илья. И он... у него не хватает смелости посмотреть в глаза своей внучке? То-то он исчез. Хочет нас переупрямить.

Эва. Скорее всего, он просто остался на почную смену.

Илья. Где Мики?

Эва. Только что ушел.

Илья. В такую рань? Куда? Сегодня же воскресенье? Он что, тоже не хочет видеть нас в полном сборе?

Эва. Боже мой, да нет же. Наоборот.

Илья. Что — наоборот?

Эва. Он просил меня, чтобы я не проговорила. Он... Ну, чтоб вам не пришлось нести малышку со станции на руках... В общем, он пошел одолжить коляску. У Магдиной сестры маленький ребенок. В воскресенье они могут обойтись и без коляски. Он хочет сделать тебе сюрприз.

Илья. Вот как?

Эва. Он будет ждать вас... на станции.

Илья. Мики? С коляской?

Эва. Смотри не испорти ему настроение. Он так хочет сделать тебе приятное.

Илья. Настоящий ребенок!

Эва. Не делай вид, что тебя это не тронуло.

Илья. Откуда мне знать? Я его не понимаю. Мы уже пять лет видимся только в капюлу. *(Собирается уходить.)*

Эва. А завтрак?

Илья. Потом.

Эва. Ты бы выпил хоть чашку чая — поезд придет еще только через час.

Илья. Сначала я попробую его найти.

Эва. Отца?.. Илья, прошу тебя...

Илья. Знаю, знаю.

Эва. Кстати, что приготовить на обед?

Илья. Что хочешь. Как обычно.

Эва. Но для гостей?

Илья. Как для своих.

Эва. О господи! Голова кругом идет!

Илья. Надеюсь, молочную смесь они привезут с собой.

Эва. Ее уже кормят смесями? Боже мой, что же это за мать?

Илья. Да ведь теперь...

Эва. Такая мода?

Илья. Врачи так рекомендуют.

Эва. А что мне надеть?

Илья. Мамуля, неужто ты волнуешься?

Эва. А тебя очень удивляет? Столько всего сразу на мою бедную голову!

Илья. Ну, я отвалил.

Эва закрывает за сыном дверь, потом подходит к окну. На лестнице громко хлопает дверь лифта. Эва включает радио, и в воскресной тишине, наполненной утренним солнцем, звучит Восьмая симфония Шуберта. Музыка как будто помогает Эве стряхнуть с себя ощущение беспокойства и усталости после бессонной ночи; она бесцельно бродит по квартире, словно не зная, за что взяться, с чего начать. С этой минуты симфония ненавязчиво звучит до самого конца пьесы. Вновь гудит лифт. Эва настораживается и идет открывать дверь.

Явление второе

Эва и Томаш

Эва. Господи, Томаш, где ты пропадал?

Томаш *(усталый после ночной смены, он нежно гладит жену по щеке и кладет на столик фуражку и пустой портфель)*. Разве ты не знаешь, где я брожу по ночам?

Эва. Ты мог хотя бы позвонить!

Томаш. Вечером я было собрался домой, а тут вдруг — целый поезд. Пришли вагоны на стройку... Надо было сразу же распределить, что куда, а на маневровом, конечно, никого. Болеют. Ну, что было делать — оставлять до утра?

Эва. Ты-то, конечно, не оставишь.

Томаш. Ничего, сегодня отосплюсь... Молодежь наверняка отправится купаться, будет тихо... *(Ожидывает взглядом комнату.)* Они что, уже пошли на реку?

Эва. Не знаю.

Томаш *(обратив внимание на радио)*. Что это ты слушаешь?

Эва. Я?

Томаш. Это наши передают такую грустную музыку в воскресное утро?

Эва. Не знаю кто... Мальчики вечером настраивали.

Томаш. Знаю я, как они настраивают — прыгают с волны на волну... По телевизору ничего не было?

Эва. Мы не смотрели.

Томаш. Вчера, говорят, что-то снимали для кино.

Эва. Где?

Томаш. У нас на стройке.

Эва. Значит, все же?..

Томаш. Не знаю. Мы не поняли — то ли нам хотят помочь, то ли собираются все прикрыть. Да, а все же, где ребята?

Эва. Илья тебе не встретился?

Томаш. Нет.

Эва. Ушли.

Томаш. Куда?

Эва. Ну как бы тебе сказать...

Томаш. В воскресенье они ведь обычно долго валяются в постели.

Эва. А сегодня, как видишь, нет.

Томаш. Что, изменили программу?

Эва. Изменили, и похоже, что очень.

Томаш. Да?

Эва. Томаш, прошу тебя...

Томаш. Вижу.

Эва. Что ты видишь?

Томаш. У тебя заплаканы глаза.

Эва. Тебе только кажется.

Томаш. Да нет, я еще хорошо вижу и без очков.

Эва. Томаш, прошу тебя...

Томаш. Сядь.

Эва. Незачем.

Томаш (*садится сам*). Я понимаю. Большие детки, большие бедки.

Эва. Хорошо, что ты хоть это понимаешь.

Томаш. Думаешь, меня это не мучает?

Эва. Что же нам делать?

Томаш. Мики напишет в апелляционную комиссию.

Эва. Да, Мики напишет... а что же с Ильей?

Томаш. Тебе не кажется, что здесь как-то душно?

Эва. Душно?

Томаш (*растегивает рубашку*). Да.

Эва. Все окна раскрыты настежь.

Томаш. Говоришь, что с Ильей?

Эва. Томаш, дорогой... Я должна очень серьезно, по настоящему поговорить с тобой.

Томаш. Ты слепа к нему. Я знаю. Каждая мать любит так своего первенца.

Эва. Видишь ли, чтоб ты знал всю правду...

Томаш. Это ты о том...

Эва. То, что сказал тебе вечером Мики, не шутка.

Томаш (*после паузы*). Открой, пожалуйста, окна пошире!

Эва. Ведь он... Илья в самом деле...

Томаш. Должен жениться.

Эва. Если б только это.

Томаш. Он уже...

Эва. Отец.

Томаш (*после паузы*). Это значит...

Эва. Что ты и я...

Томаш. Понимаю.

Эва. Но и это еще не все.

Томаш. Что еще?

Эва. Дело в том, что он...

Томаш. Что?

Эва. Вызвал их сюда... И сейчас пошел встречать.

Томаш. Кого вызвал?

Эва. Боже мой, ну кого же? Конечно, невестку с внучкой. Они приедут утренним поездом, сюда, к нам.

Томаш (*после паузы*). Ну что же! Значит, у нас будут гости.

Эва. Томаш, прошу тебя!

Томаш. Ну что ты так трясешься?

Эва. Я боюсь, я ужасно боюсь этой встречи.

Томаш. Почему? Я их не укушу.

Эва. Раз уж так случилось, обратно не повернешь. Мы должны им помочь. Илье срочно нужно это место в Братиславе. Теперь надо это сделать уже не только ради него. Ты должен, Томаш.

Томаш. Я ему жизнь не усложнял.

Эва. Я знаю: ни ты, ни я. Но раз уж дело приняло такой оборот.

Томаш. Он не маленький, пускай обо всем заботится сам.

Эва. Так он ведь и хочет, хочет честно заботиться о семье и о себе. Другие обманут девушку, а потом выкручиваются как могут. А он — не такой.

Томаш. Теперь он узнает, что такое жизнь.

Эва. Но для начала, на первых порах ты должен ему помочь. Ты не можешь отказать.

Звонок в дверь.

Боже мой. Это они! Уже тут. *(Идет открыть дверь.)* Томаш, помни, что ты отец... И не только Илье, а теперь уже всем троице.

Явление третье

Те же и доктор Гайнош

Гайнош *(обращаясь к Эве, еще в передней)*. Нет, этого не может быть. Я не верю.

Томаш. Чему?

Гайнош. Что вашего сына не приняли.

Эва. Кто вам сказал?

Гайнош. Дочь. Но я сначала подумал, что она меня разыгрывает. Мои девочки любят всякие розыгрыши. Но когда мне это сегодня утром подтвердил и ваш старший...

Томаш. Илья?

Эва. Вы разговаривали с Илей?

Гайнош. Да, в лифте.

Эва. Представляете — написали, что, мол, мест не хватило.

Гайнош. Ну, знаете ли!

Томаш. Он подаст апелляцию.

Гайнош. Само собой, но кроме этого...

Томаш. Что — кроме этого?

Эва. Боже мой, Томаш!

Томаш. Мики сам заявил совершенно ясно. Он не хочет никакой протекции.

Гайнош. Понятно. Ребенок...

Эва. И я говорю. А вы что посоветуете, пан доктор?

Гайнош. Неужели вы допустите, чтоб мальчик страдал? Нельзя усложнять ему жизнь в самом начале.

Эва. Мои слова.

Гайнош. Если понадобится... У меня на факультете есть друзья.

Томаш. Без них... Ты уверен, что без этих друзей у нас не выйдет?

Гайнош. Может быть, и выйдет, но не факт. Риск — благородное дело, однако — не всякий риск. В твоём положении одно дело ходатайствовать за чужих, а другое — за собственного сына. Но в данном случае тебе не придется ничего предпринимать. Ты останешься в стороне. Я все возьму на себя. И даже твой сын ничего не будет знать.

Эва. Ах, пан доктор, вы...

Томаш. Минутку.

Гайнош. Да?

Томаш. А что за это?

Гайнош. Как?

Томаш. Ты берешься устроить это просто так?

Гайнош. Не понимаю.

Томаш. Без встречной услуги?

Гайнош. Ну, знаешь...

Томаш. Ту бумажку я тебе все равно...

Гайнош. Забудь об этом. Мне будет вполне достаточно, если твоя жена...

Эва. Я?

Гайнош. Обронит пару слов в разговоре с Розой. Ее брат передал мне, чтобы я к нему зашел.

Эва. Ну конечно, я с удовольствием.

Гайнош. Как только у вас будет свободная минутка, мы к ней сходим.

Эва. Разумеется. Можно прямо завтра, после обеда. У меня выходной.

Гайнош. Вот и отлично. И за Илью вы тоже можете не волноваться.

Томаш. За кого?

Гайнош. Ведь его зовут Илья, вашего старшего?

Эва. Илья.

Гайнош. Так я ведь, собственно, пришел из-за него. Он сказал мне, в чем дело.

Эва. Когда?

Томаш. Все в том же лифте?

Гайнош. Да. Для такого разговора ведь не нужно много времени. Ясное дело — я тотчас же позвонил брату... Так вот, место ему гарантировано и не будет никаких проблем.

Эва. Пап доктор!

Гайнош. А почему бы нет? Почему нам не помочь друг другу? Мы ведь люди. И хотим мы этого или не хотим, а может настать момент, когда наши дети спросят нас, все ли мы сделали для них, что должны, или, скажем, могли сделать...

Томаш. Балбес!

Гайнош. Кто?

Томаш. Ходит по людям без стыда и совести.

Гайнош. Ну, послушай, какой же тут стыд? Старая словацкая пословица говорит: кто много стыдится, голодным спать ложится.

Томаш. Приставать к чужим людям!..

Гайнош. Кто же тут чужой?

Томаш. Почему ты его не выставил?

Гайнош. Ты хочешь сказать, что ты... Ты прогнал бы мою дочь, если бы она пришла сюда, к вам, попросить, ну, не знаю о чем? Не притворяйся, ты не такой.

Томаш. С чего ты это взял.

Гайнош. Я знаю наверняка.

Томаш. Что ты знаешь?

Гайнош. Что ту бумажку ты мне не подписал только потому, что у тебя самого ее пока нет.

Томаш (*после паузы*). Нет. Действительно нет, но не потому, что это мне не положено...

Гайнош. Я знаю, я знаю...

Томаш (*кричит*). Что ты знаешь? Что ты можешь знать? Ты знаешь только то, что у меня ее нет. Но у меня ее нет просто потому, что я этим не занимался. Мне просто некогда было... собирать подписи и заполнять бумажки!

Гайнош. А к чему повышать голос?

Томаш. Чтобы ты услышал как следует, что мне она пока что была ни к чему. Я обходился и без нее. У меня голова забита другими заботами.

Гайнош. Да ведь я ничего плохого не хотел...

Томаш. Понимаю.

Гайнош. Но такая реакция, такая нервозность — не лучшая визитная карточка...

Эва. Он опять... работал в ночную смену.

Гайнош. Неужели и вправду больше никому?

Эва. Нет.

Гайнош. А если я завтра дам ему больничный?

Томаш. Мне только его и не хватало.

Гайнош (*Эве*). Значит, завтра, после обеда. Вы, кажется, ждете гостей. Не буду вас задерживать. Завтра после обеда я зайду.

Эва. Пожалуйста. Я буду вас ждать. Очень... Мы действительно очень обязаны вам, пап доктор... (*Провожает Гайноша.*)

Слышится гул поезда. Томаш смотрит на часы.
(Вернувшись.) Все-таки он очень хороший человек, что бы ты ни говорил.

Томаш (устало). А разве я что-нибудь говорю.

Эва. Ты, как всегда, верен себе. Мог бы по крайней мере, поблагодарить его.

Томаш молча смотрит перед собой с отсутствующим видом.

Что ты молчишь?

Томаш. Я думаю.

Эва. О чем?

Томаш. Когда мы с тобой начинали...

Эва. Было другое время...

Томаш. А как зовут малышку?

Эва. Как меня.

Томаш. Эва?

Эва. Господи, Томаш... Ведь это наши дети...

Томаш. Наши.

Эва. Я прошу, очень тебя прошу. Они вот-вот придут. Встанут в дверях... Ну...

Томаш. Что же я должен сделать?

Эва. Сделай хотя бы приветливое лицо.

Томаш. М-да... Для такого случая мне, наверно, не мешает побриться, а?

Эва. Да, пожалуй... И поживее...

Томаш. Послушай! Бабка!

Эва (горячо обнимает мужа). Ах ты, мой дедка.

Томаш. А как ту, вторую?

Эва. Она — Катка.

Томаш. Катарина. Катарин у нас в семье еще не было.

Эва. Ничего, главное — чтоб они были счастливы.

Томаш. А тебе не кажется, что ты слишком быстро все им простила?

Эва. Что поделаешь? Такое время. Вечно все в спешке, на ходу...

Томаш. Это у кого как.

Эва. И в конце концов, может, и хорошо, что так получилось.

Томаш. Вряд ли.

Эва. Ну, все равно, ступай бриться и — чистую рубашку! И брюки чтоб не форменные.
(Уходит в спальню.)

Томаш устало вытягивается на тахте, не замечая, что вошел Мики.

Явление четвертое

Те же и Мики

Мики останавливается у двери и внимательно смотрит на лежащего с закрытыми глазами отца. Из спальни выходит Эва.

Мики (матери, тихо). Спит?

Эва. Да нет, почему...

Томаш (открывая глаза). Ну что, написал апелляцию?

Мики. Когда ты пришел?

Томаш. Ты тоже будешь меня допрашивать?

Мики. Ты не видел, что делается?

Эва. Где?

Мики. Весь гарнизон вышел.

Томаш (оживленно). Все-таки вышли?
(Встает и идет к окну.)

Мики. И с техникой. У них скреперы, до обеда они уберут старую насыпь. Отец, я уже просто не знаю, что нам теперь может помешать.

Эва. А коляска?

Мики удивлен тем, что вопрос задан вслух.

Не бойся. Отец уже знает. Знает все.

Мики. Коляску я не достал. Магдиной сестры нет дома.

Эва. Бедная малышка — придется нести ее на руках.

Томаш. Может, нам пойти навстречу.

Эва. Ты? Нет, не надо. А Мики, пожалуй, мог бы. Я сказала Илье, что ты будешь ждать их на станции.

Мики. Да, тут ничего не скроешь.

Эва. Иди поешь. *(Уходит на кухню.)*

Томаш *(к Мики)*. Ну что?

Мики. Откуда я знаю.

Томаш *(шепотом)*. Мама думает, она меня обработала этой коляской, и я теперь вымощу для Ильи дорогу в рай.

Мики. Мама — это мама, как любая мать.

Томаш. Слушай, Мики! Повтори за столом еще раз.

Мики. Что?

Томаш. Я хочу еще раз услышать то, что ты сказал вчера вечером. И обязательно повтори это в их присутствии.

Мики. Тут ведь не во мне дело.

Томаш. Я все прекрасно знаю. Дело не в тебе, но я хочу быть уверен хотя бы в тебе, если им удастся сломить меня, притащив сюда младенца.

Эва *(бросает Томашу из кухни полотенце)*. Бриться. *(К Мики.)* А ты поможешь мне чистить картошку.

Томаш *(берет полотенце)*. Вот видишь как. Кстати, Мики, я заглянул вчера в наряды. Вы там прекрасно заработали.

Мики. Кроны?

Томаш. Сотни.

Мики. Кроны — вещь хорошая, но в принципе...

Эва. Принципы принципами, а ты впервые оденешься на свои.

Томаш. И как следует. Чтобы не болтался мне по Братиславе в таких зебрах, как Илья. *(Вместо того чтобы идти в ванную, входит в спальню.)*

Мики *(держит на коленях кастрюлю с картошкой)*. А мне все равно.

Эва. Ну, не скажи. А Ярмилка? Она бы быстро дала тебе от ворот поворот... Такому.

Мики *(удивленно)*. Что?

Эва. То, что говорю.

Мики. Откуда ты знаешь про Ярмилку?

Эва. Если бы ты знал, сколько мне всего известно, ты бы удивился.

Мики *(делает знак матери говорить тише, так как отец не закрыл за собой дверь в спальню)*. Ш-ш-ш.

Эва. А я ничего не сказала. Девушка она красивая, по крайней мере на этой фотографии.

Мики. Ах, вот оно что. Ты изучала биологию?

Эва. Надеюсь, ты не вздумаешь обижаться.

Мики *(кричит в спальню)*. Отец! Что ты скажешь? Может, мы заскочим к солдатам?

Эва. Сейчас?

Мики. Ну, хотя бы после обеда.

Эва. Никуда вы не пойдете! Вы что, хотите оставить меня тут с ними одну?

Мики. Столько женщины сразу! Такого в нашей семье еще не было.

Эва. Мне, наверно, тоже надо бы переодеться.

Мики. Да, пожалуй. Я могу тебе сказать, что такая молодая бабушка должна следить за собой гораздо больше, чем другие.

Эва *(смотрится в зеркало, потом уходит в спальню; небольшая пауза, потом крик)*. Томаш!

Мики *(роняет кастрюлю с картошкой и бежит за матерью)*. Что такое?

Эва. Приступ, опять, как позавчера.

Мики. Он задыхается.

Эва. Боже мой, он говорил, что тут душно.

Мики. Отец!

Эва. Вызови неотложку!

Мики *(бежит к телефону)*. Какой номер?

Эва. Не знаю.

Мики. Куда же звонить?
Эва. Неотложку!
Мики. А номер!
Эва. Посмотри в телефонной книге.
Мики. Где она?
Эва. Не знаю.

Мики набирает номер наугад.

Да скорей ты! Господи боже мой!

Мики бросает трубку.

Мики, куда ты?

Мики выбегает на лестницу.

Ради бога! Не уходи! Позови кого-нибудь!
(Опять вбегает в спальню, потом бежит в кухню намочить полотенце и снова возвращается.)

По радио звучат последние такты симфонии Шуберта.
В комнате наступает тишина.

Томаш! Чем я могу тебе помочь? Что у тебя болит? Скажи! Не молчи! Ты не имеешь права! Слышишь... Ты не должен... (Выбегает из спальни.) Кто-нибудь! Помогите!

Явление пятое

Те же и доктор Гайнош.
Гайнош вбегает с Мики.

Эва (показывает на открытую дверь спальни). Там... Там!

Гайнош входит в спальню. Мики остаивается на пороге. Эва рядом с ним. Слышно, как поднимается лифт, потом хлопает дверь; Эва и Мики смотрят в спальню, на Гайноша, склонившегося над Томашем, и не замечают, что в передней появляется Илья с ребенком на руках.

Явление шестое

Те же и Илья

Напряженную тишину нарушает жалобный детский плач. Эва и Мики поворачиваются. Немая сцена: Мики и Эва с ужасом смотрят то на Илью, то на ребенка. Илья непонимающе глядит на застывших мать и брата, кладет ребенка на стол и робко делает шаг вперед.

Эва. Он там.

Илья. Кто?

Мики. Доктор Гайнош.

Илья (обрадованно). Отец позвал его?

Мики (с отчаянием сжимает голову ладонями). Нет. Не отец. Мы. Мы должны были...

Опять пауза. В дверях появляется Гайнош. Он печально опускает голову и с сочувствием протягивает Эве руку.

Эва Нет, нет. Нет! (Вбегает в спальню.)

Гайнош. К несчастью, да. (Делает еще шаг и подает руку Мики, потом Илье.)

Они стоят неподвижно, словно не осознавая до конца ужасный факт.

Эва (в спальне). Томаш!

От ее крика ребенок снова плачет.

Гайнош (лишь теперь замечает ребенка. Бросает многозначительный взгляд на Илью). Это был такой замечательно честный товарищ... Его нам (тише), его вам будет очень не доставать. Но такова жизнь. (Уходит.)

Илья и Мики стоят молча, без движения. Потом Илья берет плачущего ребенка на руки, подходит к дверям спальни, но не входит туда, а лишь опускается у порога на колени.

Илья. Отец...

Звонит телефон. На первый и второй звонок никто не реагирует. Наконец, после третьего звонка, Мики снимает трубку.

Мики. Да... Да... Нет. Не придет. *(Кладет трубку мимо рычага.)*

На сцене темнеет. Как и в первом явлении, звучит пронзительный гудок электровоза. Поглощенное его гудением эхо постепенно затихает.

Занавес

Серебряный „ягуар“

Перевод Т. Мироновой

Пьеса в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Илья Бенедик, архитектор.

Катка, жена Ильи.

Эва Бенедикова, мать Ильи.

Мики, младший брат Ильи.

Власта, подруга Мики.

Алоиз, отец Катки.

Тетя Мэри, тетка Катки.

Повдичный, инженер.

Действие происходит в наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Просторная комната в большом старом доме в центре Братиславы, обставленная хорошо сохранившейся мебелью, подобранной в свое время с известной долей педантичности. Гармонию интерьера нарушают явные следы вторжения в семью новой семьи. Когда-то заботливо оберегавшаяся гостиная превратилась в общую комнату, где и сосредоточена вся жизнь обитателей квартиры. Двери в кухню и в прихожую постоянно открыты, но родительская спальня заперта на ключ. Кому что принадлежит, можно определить с первого взгляда. На стене висит большой, написанный маслом пейзаж в позолоченной раме, под ним, у стены, кулман на легкой пластмассовой подставке. Рядом — диван, а над ним книжная полка, на которой не старинные книги с золотым обрезом, а всего лишь свежие журналы и детские игрушки. Электрические провода расходятся от двенадцатирожковой люстры к небольшим современным светильникам над письменным столом и в заваленном учебниками и конспектами студеском закутке.

Когда сцена освещается, мы переносимся в атмосферу раннего майского вечера, наполненного отзвуками братиславской улицы, которые долетают до шестого этажа добротно построенного в двадцатые годы многоквартирного дома без лифта и центрального отопления.

Звонит телефон, и тотчас же раздается жалобный плач ребенка. Из кухни доносится раздраженный мужской голос — в комнату входит Алоиз, в одной руке у него «Вечерняя Братислава», другой рукой он тинет за собой детскую коляску. Алоиз направляется к телефону.

Явление первое

Алоиз. Господи! Пропади все пропадом! Только ее укачал, так на тебе — разбудили! Алло! Слушаю! Кого? Вы не туда попали. (Он собирается положить трубку, но в последний момент, передумав, быстро подносит ее к уху.)

То есть, собственно, туда... Пан архитектор Илья Бенедик здесь живет, правда, это не его квартира... Два, шесть, пять, три, четыре, два. Да, номер тот, только это моя квартира, и в телефонной книге этот номер записан на мое имя... Это говорит его тесть. С кем имею честь? Пан инженер Повдячный? Ах, это вы, пан инженер?! Я совершенно не узнал ваш голос... Ну конечно... разумеется, помню. Смею вас заверить, пан инженер, что у бывшего метрдотеля интуристовской гостиницы за сорок лет работы в голове накопилась целая картотека. Как проживаете?.. Ах, вы по поводу квартиры, понимаю... Без сомнения. Но раз мой зять до сих пор вам ничего не сообщил, значит, пока решения нет. Сами знаете, с квартирами теперь так трудно... Наверное, понадобится еще... Вы же понимаете... Расходы большие... огромные! Мой зять завтра опять едет в Прагу. Вы не можете себе представить все эти бесконечные хлопоты... Ай-ай-ай! Но должен вам сказать, мой зять хоть и немногим более полугода в правлении кооператива, а сколько уже помог! Что правда, то правда, можете мне поверить, он добряк каких мало. И притом, пан инженер, он ведь сам ждет квартиру. Скажу вам больше — он даже уступил свою очередь, и сейчас мы, две семьи, живем в одной квартире на голове друг у друга. Понимаете? Я вам верю. С маленьким ребенком... у вас уже третий? Поторопились вы, пан инженер, поторопились. А впрочем, правильно. Когда же обзаводиться детьми, как не в молодые годы? Так ведь? Но... Что, что? Где можно его поймать? Разумеется, только дома. Это такой деликатный вопрос, что улаживать его надо только дома. Нет, нет — ни на работе, ни в кафе... Зайдите к нам, и обо всем поговорите. У вас есть наш адрес?.. Да жду его с минуты на минуту... Пожалуйста... Лучше всего сегодня, потому что завтра он едет в Прагу, я же вам сказал. Ведь такая поездка, да еще в Прагу, кое-чего стоит. А на следующей неделе

он, по-моему, уезжает в командировку. Поэтому я вам советую, если можете, приходите лучше сегодня. А я ему передам, что вы придете... Покорнейше благодарю... Ну что вы! Не за что! Все мы... люди. Кланяюсь, кланяюсь. *(Кладет телефонную трубку.)* Повдячный*. Вот уж действительно удачная фамилия. С такой фамилией не может раскошелиться...

Ребенок в коляске снова начинает плакать.

Тихо! Не плачь! *(Катает коляску взад и вперед, но так как ребенок не успокаивается, склоняется над ним и забирается рукой под одеяло.)* О, боже мой, что ты тут наделала! Не думай, что я собираюсь менять тебе пеленки. Не надейся и не жди! Раз уж ты такая невоспитанная, придется тебе потерпеть до прихода родителей. Я, милая моя, даже твою собственную маму не пеленал, а ведь тогда я был ни много ни мало — на двадцать пять лет моложе! *(Неожиданно зажимает рукой нос и быстро вталкивает коляску на кухню.)* Бог мой! Чем они тебя только кормят? Сплошная химия. Дают ребенку бог знает что, и вот, пожалуйста...

В передней раздается звонок. Алоиз выбегает из кухни с пеленкой в руке.

Явление второе

Алоиз и Катка

Алоиз. Наконец-то! Почему так долго?

Катка. Что случилось?

Алоиз. Не слышишь?

Катка. Плачет...

* «Повдячный» в переводе на русский язык означает «благодарный».

Алоиз. Запомни: я с ней сидел в первый и последний раз.

Катка (*задыхаясь от быстрой ходьбы по лестнице, снимает пальто*). Папа, это действительно в первый раз. (*Проходит в кухню.*)

Алоиз. Первый и последний, если не хочешь, чтобы меня тоже отвезли в сумасшедший дом... Да, как мама?

Катка (*голос из кухни*). Я разговаривала с главным врачом.

Алоиз. И что?

Катка. Без изменений.

Алоиз. Уже второй месяц. И это называются специалисты.

Катка. Говорят, при первых заболеваниях это нормальное явление.

Алоиз. Хм, нормальное!

Катка. Он мне все досконально объяснил.

Алоиз. Вот, вот. Единственное, что врачи умеют — так это объяснять.

Катка. Ее состояние стабилизировалось.

Алоиз. Что это значит?

Катка. Ее здоровье не ухудшается, но пока и не улучшается.

Алоиз. Премного благодарен за такое общение.

Ребенок затих, и Катка возвращается в комнату.

Катка. Папа!

Алоиз. Что?

Катка. Я хотела тебя спросить.

Алоиз. Что еще?

Катка. Ты же должен был ехать...

Алоиз. Я и еду. Что же мне, надо было оставить ее одну?.. Запереть на ключ?

Катка. Только не говори маме ни слова.

Алоиз. Я еду не к маме, а за твоей свекровью.

Катка. Именно ей и не говори.

Алоиз. О чем?

Катка. Ради бога, не начинай, как только она сядет в машину, говорить, сколько жрет твой «ягуар» и как нынче дорог бензин.

Алоиз. Должен тебе заметить, моя милая, что она спокойно могла бы приехать и поездом. У нее есть льготы, так что поездка стоила бы ей сущие гроши, а так...

Катка. Отец, бога ради...

Алоиз. Ну, хорошо, хорошо. Мне не хотелось портить Илье радостного настроения. Завтра ему в Прагу. Я ведь понимаю. Поедем туда вчетвером. Это какая-никакая, а все же экономия. Но сегодня она одна, да и ехать ей всего несколько километров. Скорым поездом каких-нибудь полчаса...

Катка. Илья попросил тебя об этом только потому, что волнуется...

Алоиз. Волнуется?

Катка. Тебе нужна практика. Ты слишком мало ездешь... а все-таки завтра ехать на большое расстояние. И главное, машина: она ведь у нас почти все время стоит.

Алоиз. Да? Уж не хочет ли пан архитектор ездить на ней на работу?

Катка. Он об этом даже не думает.

Алоиз. А если не думает, так нечего ему и волноваться. Я на этой машине проехал всю Европу, от Брюсселя до Братиславы.

Катка. Это было пятнадцать лет назад.

Алоиз. Ну и что? Такая машина, если ее держать в гараже и ухаживать за ней как следует, послужит человеку всю жизнь. Это тебе настоящий автомобиль, а не какая-нибудь дешевка.

Катка. Разве я что-нибудь сказала?

Алоиз. Вот увидишь завтра, когда мы поставим нашего «ягуара» у Градчан*, черные «татры» и те поблдеют.

Катка. Только чтобы...

* Градчаны — Пражский Кремль.

Алоиз. Уж это предоставь мне. Ну, я пошел. (*Идет в переднюю.*)

Катка. Отец!

Алоиз. Что?

Катка. Я...

Алоиз. Ну, что там еще?

Катка. Я должна тебе сказать одну важную вещь.

Алоиз (*возвращается и садится*). Знаешь, лучше не надо.

Катка. Почему?

Алоиз. Насколько я тебя знаю, ты таким тоном сообщаешь только самые сногсшибательные новости: «Отец, должна тебе сказать, что я выхожу замуж. Отец, должна тебе сказать, что я в положении. Отец, я должна прервать учебу...»

Катка. На этот раз у меня новости совсем иного рода.

Алоиз. Нет, уж лучше не надо.

Катка. Как хочешь.

Алоиз. Выкладывай!

Катка. Сам же сказал, что не надо.

Алоиз. Раз уж начала, так не мучай меня до вечера.

Катка. Маме пришла телеграмма.

Алоиз. В больницу?

Катка. Нет, сюда, домой.

Алоиз. Какая телеграмма?

Катка. Из Вены.

Алоиз. Боже мой, от кого?

Катка. Прилетела тетя Мэри. Из Сан-Франциско.

Алоиз. Тетя Мэри?

Катка. Вчера вечером. Сегодня она будет здесь.

Алоиз. Тетя Мэри? Вот это да!

Катка. Но она наверняка захочет жить у нас!

Алоиз. Ну и что? Не выпускать же ее вместе с ее валютой в какую-нибудь гостиницу.

Катка. Мы с мамой всегда так боялись...

Алоиз. Чего?

Катка. Ты же терпеть не мог, когда к нам приезжали родственники.

Алоиз. Ничего.

Катка. Значит, все в порядке?

Алоиз. Все, да не все. Теперь надо сообразить, как быть с поездкой в Прагу. Такую гостью нельзя оставить одну в пустой квартире.

Катка. Здесь же будет сидеть пани Новакова с малышкой.

Алоиз. Ты хочешь оставить с посторонней женщиной уважаемую пожилую даму, которая, можно сказать, на закате жизни решила вернуться на родину с другого конца света? Боже мой, ты понимаешь, что ты говоришь?

Катка. Но, возможно, для нее...

Алоиз. Для нее, для нее, что там для нее! Главное — для нас!

Катка. Не понимаю.

Алоиз. Что тут понимать?

Катка. Ты думаешь?..

Алоиз. То же, что и ты, только не играю в наивность.

Катка. Отец, я...

Алоиз. Ну, ну, ну! (*Радостно обнимает дочь за плечи.*) А разве вам с Ильей не хочется пару раз заглянуть в «Тузекс»*?

Катка молчит, в который раз потрясенная отцовскими рассуждениями.

Алоиз. Что же ты стоишь как вкопанная! Ведь каких гостей ждем! Не мешало бы навести в квартире порядок. Нельзя же, чтобы на каждом гвозде висели пеленки. Боже мой... тетя Мэри! За тридцать лет не было случая, чтобы она не послала нам к рождеству поздравление. Невероятно! Послушай-ка, а что, если мы завтра возьмем ее с собой?

* «Тузекс» — магазины, где товары продаются на валюту капиталистических стран.

Катка. Куда?

Алоиз. Как это куда? В Прагу, на торжества. Вы втроем уместитесь сзади. Это идея! Пусть старая богатая американка увидит, что и мы не лыком шиты! Черт возьми! Градчаны, и вся эта готика. Это будет потрясающе! Дома она такое не каждый день видит.

Катка. У нее же нет приглашения.

Алоиз. Что?

Катка. Приглашительного билета, говорю, нет.

Алоиз. Я в своей жизни доставал и более дефицитные вещи.

Катка. И потом, я не знаю...

Алоиз. Ну, что там еще?

Катка. Удобно ли это?

Алоиз. Об этом можешь не беспокоиться—я все беру на себя.

Явление третье

Те же и Илья

Входит Илья. Смотрит на тестя, потом на часы.

Илья (*тестю*). Ты еще дома?

Алоиз. Как видишь. А что?

Илья. Успеешь?

Алоиз. Я же еду не на каком-нибудь «трабанте» или «эмбечке». Да, Илья, пока не забыл, тебе звонил этот...

Илья. Кто?

Алоиз. Черт возьми, забыл его фамилию. Она у него еще такая странная... О! Инженер Повдячный.

Илья. Что ему надо?

Алоиз. И ты спрашиваешь?

Илья. Ты ему не сказал, что пока ничего не получается?

Алоиз. Это ты сам ему скажешь. (*Прикрывает дверь в кухню, чтобы Катка не слышала продолжения их разговора.*) А я пока обработал его по всем правилам. Он может заявиться в любую минуту. Коль скоро он Повдячный, пусть покажет, чего он стоит.

Илья. Но ведь он мне уже...

Алоиз. Что уже? Я дал ему понять, что нужно еще. Так что имей в виду. (*Уходит в переднюю.*)

Илья с минуту стоит посреди комнаты, как бы что-то взвешивая, потом направляется в сторону кухни, откуда выходит Катка с ребенком на руках.

Илья. Привет, девочки! Как вы тут поживаете?

Катка. Мы едва тебя дождались, папочка. Еще немного, и дедушку хватил бы инфаркт. Он просидел с внучкой чуть больше часа.

Илья. А что с пани Новаковой?

Катка. Она ушла пораньше, за покупками на завтра.

Илья. Я уж испугался, что она опять что-нибудь выкинула.

Катка. Выкинуть не выкинула, а вот записку оставила.

Илья. Какую еще записку?

Катка. Чтобы мы до вечера принесли ей сто крон, иначе она завтра не придет.

Илья. Но ведь мы платим ей шестьсот крон в месяц.

Катка. Это за будничные дни, не считая суббот и воскресений.

Илья. Она хочет еще целую сотню за одну субботу с годовалым ребенком?

Катка. Она якобы уже договорилась с кем-то другим.

Илья. За сотню?

Катка. Не знаю, может, и больше, а может, меньше.

Илья. Вот пивка!.. Господи, когда же мы получим место в яслях?

Катка. Там я тоже была.

Илья. Ну?

Катка. У них восемьдесят заявлений на тридцать мест.

Илья. Но ведь мы остро нуждающиеся, разве не так?

Катка. Я говорила директорше.

Илья. Боже мой! Катенька ты моя золотая! Она говорила! Да говорить в такой ситуации — это вообще ничто!

Катка. А что ж я должна была делать?

Илья. По меньшей мере — расплакаться. Затем разложить перед ней все наши карты, как в пасьянсе. Сказать, что бабушка лежит в нервной клинике, что тебе пришлось прервать учебу перед самыми экзаменами, что отец ребенка...

Катка. Что — отец?

Илья. Ну, придумала бы что-нибудь... Сказала бы, что я пью или бью тебя — не знаю, что сейчас в первую очередь учитывает бытовая комиссия.

Катка молча берет дочку на руки и без звука исчезает в кухне, только взглядом давая понять Илье, что это не решение вопроса.

(Понимает ее.) Катка?

Катка прикрывает дверь в кухню.

(Тотчас же открывая дверь.) Катенька, надеюсь ты понимаешь, что я пошутил? Ты — мое солнышко.

Катка *(появляясь уже без ребенка)*. Шутка шуткой, а вот ста крон у меня действительно нет.

Илья. Нет? А когда они у тебя, собственно, были?

Катка. Сегодня я ходила к маме в больницу. У нее тоже нет. Я уже истратила даже ее последние деньги.

Илья. Последние? Как ты странно рассуждаешь? Деньги всегда были и будут. И никогда не было так плохо...

Катка. ...чтобы не могло стать еще хуже.

Илья. Катка, ты действительно хочешь меня разозлить? И именно сегодня? В канун нашего великого семейного торжества?

Катка. Пойми, Илья, если я сегодня не отнесу ей эту сотню, завтра мне придется остаться с ребенком дома, и весь этот семейный праздник пройдет без меня.

Илья. Это невозможно. И этого не будет!

Катка. Но у меня и вправду в кошельке ни кроны.

Илья. Неважно! В Прагу ты все равно поедешь! У тебя должно на всю жизнь сохраниться воспоминание о дне, когда твой муж принял за своего покойного отца самую высокую награду в нашей стране. В честь такого события Илюшенька дарит своей Катеньке... *(Достает из кармана маленькую коробочку.)*

Катка. Что это?

Илья. Сначала поцелуй!

Катка. Илья!

Илья. Я сказал — сначала страстный поцелуй!

Катка *(достает из коробочки медальон на цепочке)*. Илюшенька! Какая прелесть!

Илья *(обнимает жену)*. Ведь неизвестно, удостоят ли кого-нибудь из нас звания героя, как удостоили им покойного отца! Так пусть эта вещица всегда напоминает нам об этом знаменательном событии.

Катка. Илья, ты поэт! Настоящий поэт! Почему ты не пишешь стихи?

Илья. Ну, ладно, ладно...

Катка. А сколько ты за него заплатил?

Илья. Боже мой, как ты умеешь моментально испортить настроение.

Катка. Но если мы сегодня не отдадим деньги пани Новаковой, с кем мы завтра оставим малышку?

Илья. С кем, с кем? Найдем мы эту сотню!
Катка. Дай мне сейчас, и я сбегая к пани Новаковой.

Илья. Подождем маму. Мама нам поможет.

Катка. Опять в долг?

Илья. Ну и что? Ты думаешь, мы единственные молодые супруги, которые так часто склоняют драгоценное слово «мама»? А если тебе действительно невмоготу брать деньги у мамы, есть и другой выход. Возьми этот бесценный дар и отнеси его пани Новаковой как залог, раз она, пьявка этакая, нам не верит. Пусть поддержит его до понедельника, а в понедельник отдадим ей сотню.

Катка. Но ведь зарплата у тебя только через неделю.

Илья. Получим премию.

Катка. Правда?

Илья. Конечно!

Катка. Илюшенька, знаешь, что мы купим на эти деньги?

Илья. Нет, не знаю.

Катка. Разумеется, прежде всего для малышки. Сейчас продаются просто сказочные детские мебельные гарнитуры.

Илья. Прежде всего надо кое-кого задобрить, чтобы малышка попала в ясли.

Катка. Что ты имеешь в виду?

Илья. То, что говорю.

Катка. По знакомству?

Илья. Эти деньги с лихвой окупятся через несколько месяцев.

В дверях раздается звонок. Илья идет открывать.

Явление четвертое

Входит Эва Бенедикова.

Илья (*удивленно*). Привет, мама! Что такое? Откуда ты так рано?

Эва. Удивляешься? А я к тому же чуть было не явилась с одним красавцем.

Катка. Что?

Илья (*после паузы*). С кем еще?

Эва. Представьте себе, дети, он приехал из Владивостока. Искал отца. Брат того Ильи, который похоронен под Чремышнем*.

Илья. Где он?

Эва. Придет. Я его пригласила. Он приехал с группой, и они все живут в гостинице.

Илья. Мама...

Эва. Что? Чему вы удивляетесь? Надеюсь...

Катка. Нет, не этому...

Эва. А чему?

Илья. Как ты приехала?

Эва. Как, как? Поездом.

Илья. Но почему поездом? Ведь мы же договаривались...

Катка. Что отец за тобой придет.

Эва. Договаривались? Когда?

Илья. По телефону. Еще на прошлой неделе.

Эва. И верно, договаривались. Теперь припоминаю. Просто у меня от всех этих дел голова кругом идет...

Катка. Отец уехал примерно полчаса назад.

Илья. Опять будет шум, крик: «Зря гоняю такую машину!..»

Эва. Ничего страшного. Главное, что я здесь. И вот что я вам скажу, дети мои, мне было бы намного спокойнее, если бы завтрашний день был уже позади. Такие торжества не для меня. Наш бедный отец придумал бы сотню разных дел, лишь бы отвертеться от участия в любой церемонии. Это уж точно. Бог ты мой! А где моя маленькая? Где моя Эвочка? Что я ей принесла! Всего наварила, напекла, навыв-

* Чремышне — село в западной части Словакии, где во время Словацкого национального восстания в начале октября 1944 г. шли ожесточенные бои.

шивала. *(Берет тяжелую сумку и передает ее Катке.)* Открой, только осторожно!

Катка уходит в кухню.

Эва. Илья! Надеюсь, твой тесть не рассердится...

Илья. На что?

Эва. Что я его пригласила...

Илья. Куда?

Эва. Как — куда? В Прагу.

Илья. Кого?

Эва. Ну, его... дядю Ваню.

Илья. Ты пригласила его в Прагу?!

Эва. А что тут такого? Что мне оставалось делать? Распрощаться с ним и все?

Илья. Нет, нет, но...

Эва. Мы с ним сходили на могилу отца. Поплакали оба. Сейчас он тоже здесь, в Братиславе.

Илья. Но он приехал как обычный турист.

Эва. Ну и что, разве это плохо?

Илья. Не знаю, мама. Но ты пойми, завтра на Градчанах состоится торжественная церемония. Будут вручать высшие награды. Это делается... как бы тебе сказать... по протоколу. И пускают туда по особым приглашительным билетам.

Эва *(подумав)*. По билетам? Знаешь, Илья, ты надо мной не смейся, но когда этот человек тридцать лет назад входил в Прагу, у него никто не спрашивал билета.

Илья. Да, входил, но тогда...

Эва. Я догадываюсь, что...

Илья. Пойми, мама...

Эва. Понимаю. Тогда на его «катише» было больше места, чем в вашем «ягуаре».

Илья. Нет, мама, сейчас я думаю совершенно не об этом... Сколько у нас билетов?

Эва. Я там скажу, что позвала его с нами вместо нашего отца. И пусть кто-нибудь осмелится не пустить его.

Катка *(останавливается в дверях кухни)*

с сумкой в руке). Никак не могу открыть. Ох уж эти твои чемоданчики!

Эва. Боже мой, чемоданы... ну и дырявая голова! Я ведь совершенно про них забыла.

Илья. Какие еще чемоданы?

Эва. Огромные. Настоящие сундуки. Там внизу, у ворот, сидит на чемоданах какая-то пожилая дама. Похожа на американку. Я ей сказала, давайте я вам помогу, а она мне — у вас самой руки заняты. Тогда я сказала, что пришло своих молодых. Эта пани тоже на шестой этаж. Ведь надо же, как раньше неудобно строили: шестой этаж, и без лифта!

Катка. Она уже здесь?

Эва. Кто?

Илья. Тетя Мэри?!

Эва. Откуда я знаю, как ее зовут?

Катка *(бежит к дверям)*. Илья! Быстрее. Надо ей помочь.

Эва. Она тоже к вам?

Илья. Это Каткина тетя. Из Сан-Франциско.

Эва. Вот тебе на! Принесло же ее именно сегодня.

Илья *(исчезая за дверью)*. Катка, подожди!

Эва *(выкатывает из кухни коляску и сюсюкает над спящей внучкой)*. Ах, какие у нас щечки, прямо яблочки! Боже мой, что они делают с ребенком. Спит вся запеленатая. Это так на них похоже. Когда у детей рождаются дети, они совершенно не знают, что с ними делать. *(Распеленывает ребенка в коляске.)*

Явление пятое

Входит тетя Мэри. За ней идут Илья и Катка.

Тетя Мэри. Ну, мои дорогие, небоскреб, я вам скажу, по сравнению с этим домом — ничто. Мне, наверное, за всю жизнь не пришлось отмахать столько ступенек.

Эва (*стоя около нее с коляской*). Вот и я говорю, что за осел был архитектор — правда, это строили в годы первой республики, тогда им было все равно.

Тетя Мэри. Первая республика! * Mon dieu! ** А та, что сейчас, это которая?

Эва. Ну, как бы вам сказать...

Катка. Я думаю, прежде всего вам надо познакомиться.

Тетя Мэри. Я — Юржевская. По мужу. Он был поляк. Мы поженились за океаном. Но для вас, дорогие мои, я хочу по-прежнему оставаться тетушкой Мэри.

Эва. Какая же вы тетушка — вы так молодого выглядите.

Тетя Мэри (*польщенная*). Ах, девочка моя. Я так устала, так устала с дороги.

Эва. Еще бы не устать! Такая даль, да к тому же через океан.

Илья. Это моя мама.

Тетя Мэри (*обнимает всех по очереди*). Очень приятно, очень рада. А моя бедная сестра, говорят, в больнице. Но... Хоть вы сейчас им ее замените. Как это мило с вашей стороны, моя золотая, как прекрасно. Сестра век вас не забудет. А ваш муж?

Эва. Мой муж? Его уже нет в живых.

Тетя Мэри (*Эве*). Mon dieu! Вы вдова? Я тоже. Я похоронила Юржевского сразу же после войны, как только он вернулся из Японии. Бедняга умер от какой-то странной болезни, что-то вроде лихорадки. Сгорел как свеча.

Эва. Ну, Илья! Принеси-ка водки. Я припасла как раз для такого случая, да и тетя Мэри с нами выпьет. У вас в Америке наверняка не найдешь настоящей хорошей водки.

* Первая республика — буржуазная Чехословацкая республика, существовавшая в период с 28 октября 1918 г. по 15 марта 1939 г.

** Боже мой! (*франц.*)

Тетя Мэри. Водка? Mon dieu! Душенька, водка нынче — настоящий бестселлер, но я... Я уже пас. При моем сердце и давлении...

Эва. Ну немного, всего по наперстку.

Тетя Мэри. Если я теперь о чем и мечтаю, так просто о теплой ванне. Это единственное удовольствие, которое может себе позволить одинокая старая женщина.

Эва. Какая же вы старая?..

Тетя Мэри. Приготовь мне ванну, Катка, и чтоб побольше пены, ладно? Я обожаю немного полежать в ароматной пене.

Катка (*шепотом Илье*). Илья! Она хочет принять ванну, а у нас не работает колонка, перегорели пробки.

Илья. Мама сейчас все починит, она это умеет.

Тетя Мэри (*открывает чемодан*). Если у вас нет мыла, я с собой привезла. И для вас тоже. Настоящая лаванда.

Эва. Так вы говорите, ни капельки не выпьете?

Тетя Мэри. Душенька моя, давайте называть друг друга на ты. Зовите меня просто Мэри.

Эва. Это по-нашему как Маришка?

Тетя Мэри. А ты — Эвелин?

Эва. Какого черта, просто Эва!

Илья. Мама, прошу тебя.

Эва. Иду, иду. В доме двое мужчин, оба как безрукие... (*Уходит на кухню.*)

Тетя Мэри. А где мой зять Алоиз?

Илья. Ждем его с минуты на минуту. Он поехал на машине...

Тетя Мэри. О, у него есть своя машина?

Илья. Да еще какая! «Ягуар»!

Тетя Мэри. Боже мой! Лойзик так хорошо живет?

Илья. Ну, как бы вам сказать...

Тетя Мэри. Не надо. Я по вас вижу, что вы не голодаете.

Илья. Разумеется, и песком не умываемся.

Тетя Мэри. Вот свинья!

Илья. Кто?

Тетя Мэри. Да мой зять!

Илья. Почему?

Тетя Мэри. Он тут развезжает на «ягуаре», а я—вдова военного — вот уже скоро тридцать лет шлю ему посылки.

Илья. Это очень мило с вашей стороны, тетя Маришка. Отец перед вами в долгу не останется.

Тетя Мэри. Покатает меня на своей знаменитой машине?

Катка (*голос из кухни*). Тетя Мэри, пожалуйста!

Тетя Мэри. Приму ванну и... как это говорится? Как будто заново рожусь.

Тетя Мэри поднимает чемоданы.

Илья. Чемоданы можете оставить здесь.

Тетя Мэри. Нет, нет. Уж такая у меня привычка — всегда держу свои вещи при себе.

Илья. Ну, как знаете. (*Помогает ей втащить чемоданы на кухню.*)

Звонок. Катка идет открывать дверь.

Явление шестое

Входит инженер Повдючный.

Катка. Проходите, пожалуйста. Илья! К тебе пришли!

Илья (*выходя из кухни*). А-а! Это вы, пан инженер!

Повдючный. Ваш тесть был так любезен...

Илья. Да, я знаю... Вы с ним разговаривали по телефону. Прошу вас, садитесь. Катенька, оставь нас на минутку.

Катка. Пожалуйста, только ты знаешь, у нас полный дом гостей.

Повдючный. Я вас долго не задержу.

Илья (*сначала закрывает дверь за Каткой, которая уходит на кухню, потом прикрывает дверь в переднюю*). Что вам сказать, пан инженер? Буду откровенен. In medias res... * Пока еще нет решения.

Повдючный. А когда? Когда оно будет?

Илья. Полагаю, в самое ближайшее время.

Повдючный. Не знаю, известно ли вам, в каком я положении, но это действительно катастрофа.

Илья. Позвольте вас заверить, что не вы один в таком положении. Я сам живу ничуть не лучше.

Повдючный. Но нас теперь пятеро в однокомнатной квартире, где мы когда-то жили только вдвоем с матерью.

Илья. Действительно незавидная ситуация.

Повдючный. Скажу вам откровенно. Если это будет тянуться дальше, мы с женой не выдержим. Я вас очень прошу, пан архитектор...

Илья. Что касается меня, уверяю вас, я делаю все, что в моих силах, и, разумеется, в дальнейшем...

Повдючный. Ваш тесть мне говорил. Я знаю. (*Вынимает конверт и неумело пытается засунуть его в карман Илье.*) У вас с этим, естественно, связаны лишние расходы...

Илья. Помилуйте, пан инженер...

Повдючный. Нет, нет. Я знаю.

Илья. Право же, не стоило это делать.

Повдючный. Вот завтра вы едете из-за этого в Прагу. А мне прекрасно известно, сколько денег съедают подобные командировки.

Илья. В Прагу? Да, едем...

Повдючный. Я вас очень прошу об одном...

* Суть дела в том... (*лат.*)

Илья. Я дал вам честное слово, что как только примут дом. Это наверняка.

Повдядчный. У меня нет оснований не верить лично вам, хотя за шесть лет, которые я состоял в трех кооперативах, дома сдавали уже раз восемь.

Илья. Поверьте мне, пан инженер, я готов отказаться от собственной очереди на квартиру и отдать ее вам, хотя, думаю, эта крайняя мера не потребуется.

Повдядчный. Я знаю, вы лишь один из многих членов правления кооператива, но заверяю вас, что, когда я получу квартиру, я полгода буду спать на голом полу, но не останусь в долгу и перед всеми остальными.

Илья. Пан инженер, прошу вас, об этом больше ни слова!

Повдядчный. Знаете, когда я ежедневно прохожу мимо новостроек и смотрю на белые пеленки, свисающие как флаги с каждого второго балкона, я не могу поверить, что вот так же однажды и я...

Илья. Повесите еще одну пеленку?

Повдядчный. Упаси господь! У нас их трое, детей, и, к счастью, они уже выросли из пеленок.

Илья. Все девочки?

Повдядчный. Что поделаешь?

Илья. Как это у вас получается?

Повдядчный. Что? Девочки?

Илья. Нет. У меня у самого дочка. Я хотел спросить, как вы с ними справляетесь? У нас одна, и то не знаем, что делать.

Повдядчный. Первый ребенок — это всегда трудно. А когда появляется второй, а потом и третий, все процессы автоматизируются. Утром, около пяти, вместо будильника нас будит самая маленькая. Жена уносит ее в ясли. Вторую я отвожу в садик. Третья, первоклассница, идет в школу сама. Во второй половине дня все повторяется в обратном порядке. Школа, продленка, детский сад, ясли — это вполне тер-

пимо. Сущий ад начинается вечером, когда все мы толчемся в двадцатиметровой комнате. Можете себе это представить?

Илья. Могу, определенно могу. И скажу вам, вы достойны награды за героизм и мужество.

Повдядчный. Ну что вы. Все это одни разговоры. Какие только комиссии не выслушивали меня и чего только не обещали.

Илья. Как ни говорите, за последние два-три года, бесспорно, многое изменилось.

Повдядчный. Только у меня ничего не изменилось. Поймите, пан архитектор, когда я читаю о жилищном строительстве в газетах, мне кажется, меня хватит инфаркт.

Илья. Еще один маленький вопрос: когда происходит распределение площади, больше всех недовольны те, кому достается первый или последний этаж. Если бы речь пошла...

Повдядчный. Я поеду даже в подвал, только бы в нем можно было жить.

Илья. Ну зачем же так? По сравнению с другими у вас есть определенные преимущества.

Повдядчный. Я больше не хочу слышать ни о каких преимуществах. Я уже не требую, а просто слезно молю...

Звонок в дверь.

Катка (выбегая из кухни). Иду!

Повдядчный. Ну... я пошел. У вас еще масса дел.

Илья. Да. Но у меня к вам просьба: напишите, пожалуйста, номер вашего домашнего и служебного телефона на случай, если понадобится что-либо быстро согласовать.

Повдядчный. Конечно.

Илья протягивает ему лист бумаги.

Явление седьмое

Те же и Алоиз, Мики, Власта

Катка (*радостно кричит в дверях*). Привет, Мики! Как здорово! Илья, посмотри, кто к нам приехал!

В дверях показывается Мики Бенедик, брат Илья. Он в солдатской форме. За ним идет Власта, девушка немного моложе Катки, последним входит Алоиз.

Илья. Мики? Откуда ты взялся? Солдат! (*Открывает дверь на кухню*.) Мама! Посмотри, какое к нам прибыло молодое пополнение!

Эва (*входя*). Мики! Сыночек. (*Обнимает сына*.)

Алоиз (*Эве*). Ну вот! Я мчусь за ней, сломя голову, а она уже здесь.

Катка (*Власте*). Давайте познакомимся.

Мики. Мама! Это Власта.

Власта (*подает Эве руку*). Прохазкова.

Эва. Власточка?

Мики. Представь себе, она из Бржецлава!

Илья. Вас подвез отец?

Мики. Я смотрю, вокруг нашего дома кружит серебряный «ягуар»...

Алоиз. Слава богу, хоть соседи мне сказали, что пани Бенедикова уже уехала, да еще с каким-то мужчиной.

Илья (*обнимает брата*). Ну, ворчун, форма тебе очень к лицу.

Власта (*обращаясь к Мики*). Вот видишь! А он мечтает скорее переодеться в штатское.

Эва. Мики? Так ты заезжал домой?

Мики. Наверное, мы разминулись на станции. Мы приехали, а ты как раз в это время уехала.

Алоиз. Честно говоря, я принципиально не подвожу тех, кто на дороге, но этот молодой человек в пилотке почему-то показался мне знакомым.

Илья. Итак, наши вооруженные силы прибыли на «ягуаре». Удобнее, чем на армейском грузовике, а?

Мики. Ну, как сказать...

Эва. Боже мой, дети! (*Начинает считать присутствующих*.) Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь.

Повдичный. Нет, меня не считайте. Я здесь совершенно случайно.

Алоиз (*подает руку Повдичному*). Добрый вечер, пан инженер. Надеюсь, вы договорились.

Илья. Конечно, как же иначе.

Алоиз. Этот мой зять, скажу я вам, добряк каких мало. Себе не возьмет — другому отдаст.

Мики (*смотрит на Повдичного*). Не может быть!..

Повдичный. Ой, действительно!

Мики. Запасник! Ты что здесь делаешь?

Повдичный. Привет, дежурный. Вот это встреча!

Илья. Как? Вы знакомы?

Повдичный. В прошлом месяце я проходил военные сборы. В его роте. Так что мы вместе служили.

Мики. И как! Десять дней неразлучно.

Повдичный. Он дежурил, а я был его помощником.

Алоиз. Не зря говорят, что на военной службе все наоборот.

Мики. Так что ты тут, запасник, делаешь?

Алоиз. Какой он запасник, Мики? Это же пан инженер Повдичный!

Мики. Извини, я, честное слово, все это время не знал, как тебя зовут.

Повдичный. Я тоже не знал, что тебя зовут Мики.

Мики. Но служить под моим начальством тебе было неплохо. Теперь можешь сказать это во всеулышание.

Эва. Боже мой, Мики, тебя все-таки отпус-

тили? Ведь ты же писал, что тебя не отпустят.

Власта. По такому-то поводу?! Как только наше начальство узнало, что солдат Бенедик приглашен в Градчаны...

Эва. Ваше начальство?

Мики. Власта работает у нас в медпункте.

Илья. В таком случае я ничуть не удивляюсь, что военная служба тебе по душе. Когда рядом такая сестричка...

Алоиз (*с любопытством берет со стола еще не откупоренную бутылку водки*). Это еще что?

Эва. Водка «Экстра». Давайте же, наконец, выпьем. Илья! Наливай. Сколько новых знакомых! Все обязательно должны друг с другом чокнуться.

Алоиз (*рассматривает бутылку оценивающим взглядом*). Такой бутылки нам определенно хватит.

Эва. Боже мой, я совсем забыла! Ведь мы же еще не все собрались!

Катка. Тетя Мэри!

Алоиз. Где она?

Эва. В ванной.

Алоиз. Что?

Илья. Она приехала почти одновременно с мамой.

Алоиз. Что она делает в ванной? Там же нет горячей воды?

Эва. Кто тебе сказал?

Алоиз. А колонка?

Катка. Работает. У нас теперь все работает.

Эва. Стоило войти в ваш дом, как пришлось все ремонтировать. Пойди посмотри, как надо чинить пробки.

Катка. Власточка, пойдемте со мной, я покажу вам, где помыть руки.

Мики. Дамское общество развивает бурную деятельность?

Катка. Не беспокойся. Верну тебе ее целой и невредимой.

Мики. Власта! Смотри, не болтай лишнего.

Илья. Ну-ну, вот это новости...

Мики. Какие новости?

Илья. Да никаких, братишка... Знаешь, с тех пор как ты охраняешь границу, я сплю намного спокойнее.

Мики. Только не очень храпи, а то мне придется взяться за твоё воспитание.

Илья. Учить меня?

Мики. Тебе ведь это предстоит.

Илья. Уже нет, Мики. Уже нет.

Мики. Почему же?

Илья. Потому что у меня, братишка, белый билет.

Мики. Не верю.

Илья. Хочешь, покажу?

Мики. Неужели такой здоровый, энергичный малый может быть освобожден от службы в армии?

Илья. Не веришь?

Мики. Пока не увижу собственными глазами...

Илья. Тебе еще многое в жизни надо увидеть. (*Уходит в переднюю.*)

Повдичный (*оставшись наедине с Мики, пользуется моментом*). Послушай, дружище...

Мики. Что ты тут делаешь? Пришел к Илье?

Повдичный. Я по поводу квартиры.

Мики. А что, Илья распределяет квартиры?

Повдичный. Ну, как бы тебе сказать... Он в правлении кооператива.

Мики. Значит, он знает все ходы и выходы.

Повдичный. Послушай, будь другом, скажи ему... Я сам не могу ему сказать, а ты — брат.

Мики. Что сказать?

Повдичный. Что сегодня я не мог дать ему больше. Клянусь честью!

Мики. Не понимаю.

Повдьячный. Даже то, что я ему дал, пришлось занять. Ты не знаешь, что такое трос детей — деньги летят, как в трубу.

Мики. Он платит за тебя взнос, что ли?

Повдьячный. Нет. Взнос я уже давно заплатил, но он должен мне помочь.

Мики. И за это ты давал ему деньги?

Повдьячный. Тс-с-с! Тише!

Мики. И он их взял?

Повдьячный. Боже мой, ты ничего не понимаешь? Я уже семь лет жду квартиру.

Мики. Сколько ты ему дал?

Повдьячный. Ну, совсем немного.

Мики. Что значит «немного»?

Повдьячный. Когда получу квартиру, в долгу перед ним не останусь. Я понимаю, у него сейчас большие расходы...

Мики. Значит, наш Илья...

Повдьячный. Вот, скажем, завтра он едет в Прагу.

Мики. Слушай, что ты выдумываешь?

Повдьячный. Да, в Прагу.

Мики. Все мы едем в Прагу.

Повдьячный. Все?

Мики. Только не ради твоей квартиры. Мы едем в Прагу, чтобы получить за нашего покойного отца знак «Героя социалистического труда». Как это говорится...

Повдьячный. In memorem.

Мики. Вот, вот, посмертно.

В дверях останавливается Илья, держа в руках удостоверение.

Илья. Не веришь, Мики? *(Протягивает брату документ.)*

Мики с минуту смотрит на брата, как бы не слыша, что тот говорит, потом переводит взгляд на Повдьячного и только потом глядит на удостоверение.

Повдьячный *(Илье)*. Ну, я пошел, пан архитектор. До свидания. Вот мой телефон.

Илья. Положитесь на меня, пан инженер.

Повдьячный уходит. Илья идет его проводить. Мики рассматривает удостоверение.

(Возвращается с победоносным видом.) Теперь ты веришь?

Мики кладет удостоверение на стол.

У тебя что, язык отнялся?

Мики. Вот именно.

Илья. Ты по-прежнему такой же брюзга! А форма тебе действительно здорово идет.

Мики. Ты так считаешь?

Илья. Точно.

Мики. Илья?

Илья. А что это за девочку ты с собой привез?

Мики. Власта девчонка что надо.

Илья. У тебя с ней роман?

Мики. Ну, это как посмотреть.

Илья. На первый взгляд она ничего. Сколько ей лет?

Мики. Лет?

Илья. Она не старше тебя?

Мики. Понятия не имею.

Илья. Разумеется. Это так на тебя похоже. Любовь с первого взгляда. Солдатик из Словакии соскучился в Бржецлаве по мамочке и нашел себе милую утешительницу.

Мики. Не совсем так.

Илья. А как?

Мики. Узнаешь... А пожалуй, лучше не надо.

Илья. Как хочешь.

Мики. Илья! Это же форменный обман.

Илья. Ты о чем?

Мики. Ну этот твой белый билет.

Илья. Пойми, Мики, жизнь — это лабиринт, и, чтобы через него пройти, нужно знать ходы и выходы.

Мики. Во сколько тебе это обошлось?

Илья. Как ты...

Мики. Кому ты дал взятку?

Илья. Ай-ай-ай. Зачем так грубо?

Мики. Дал в лапу. Сулул кому-то деньги точно так же, как их сунул тебе этот бедняга.

Илья (*застыв*). Что?

Мики. Илья!

Илья. Что ты болтаешь?

Мики. Он мне сказал.

Илья. Кто?

Мики. Этот мой запасник.

Илья. Что он тебе сказал?

Мики. Что он пока не мог дать больше, что даже эти деньги ему пришлось занять.

Илья (*помолчав*). Это его личное дело.

Мики. Илья! Что ты такое говоришь?!

Илья. Ему нужна квартира!

Мики. А ты? Ты можешь ему помочь?

Илья. Могу.

Мики. И за это берешь деньги?

Илья. Тихе!

Мики. Илья...

Илья. Не делай из всего трагедию.

Мики. Но ведь у него трое детей.

Илья. Я тебе уже сказал: это его личное дело.

Мики. Его. А твое?

Илья. И вообще, что ты лезешь, куда тебя не просят?

Мики. Я думал, что мой брат...

Илья. Прошу тебя, не читай мне морали. У нас полон дом гостей. Лучше поухаживай за женщинами. У них ты будешь иметь больший успех.

Мики. Илья!

Илья. Да, кстати, как ты себе представляешь завтрашний день?

Мики. Что именно?

Илья. Ты собираешься взять с собой в Прагу и эту Власту?

Мики. Думаешь, нас не пустят?

Илья. Тебя-то пустят. Прямых родственников, несомненно... Только вот мы — мама, Катка и я — поедем на машине. Хороша машина, а?

Мики. Только с виду. Мы три раза оставались. Мне показалось, что твой тесть не очень-то разбирается в своем серебряном «ягуаре».

Илья. Откуда ему! Он на нем выезжает от силы два-три раза в году. Но все-таки как быть завтра... К тому же мама решила взять с собой еще какого-то дядю Ваню.

Мики. Кого?

Илья. Приехал брат того Ильи.

Мики. Который похоронен под Чремышнем?

Илья. Вот, вот. А тесть говорит, что надо обязательно взять с собой американскую тушку.

Мики. Бедный отец. Такого бы ему точно не пережить.

Илья. Мама говорит, что отец наверняка бы что-нибудь придумал, только бы не ехать, даже если бы потом ему пришлось просить извинения у самого президента.

Мики. Илья!

Илья. Да?

Мики. Давай поговорим как брат с братом.

Илья. А как же иначе?

Мики. Эти деньги...

Илья. Я просил тебя оставить эту тему!

Мики. Это нечестно полученные деньги!

Илья. Не ори!

Мики. Они не будут жечь тебе руки?

Илья. Чего ты распетушился?

Мики. Завтра в Праге... когда произнесут имя нашего отца... Илья? Неужели ты сможешь теми же руками, которыми сегодня взял эти

пять тысяч крон, принять завтра награду за отца?

Илья. Прошу тебя...

Мики. И у тебя не дрогнет рука?

Илья (*вытягивает правую руку, смотрит сначала на нее, потом на Мики*). Видишь? Нет! Посмотри, она вообще не дрожит.

Сцена погружается в темноту. С улицы в комнату врывается вой сирены «скорой помощи».

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление первое

Илья и Мики стоят друг против друга, как их застал конец первого действия.

Илья (*когда вой сирены замирает вдали, рукой, протянутой к брату, показывает на окно*). Ну, тебе не повезло. Если бы сирена выла подольше, рука бы, конечно, дрогнула, и ты бы остался доволен.

Мики. Ты в этом уверен?

Илья. Военная служба не сделала тебя ни на йоту умнее.

Мики. С твоей точки зрения, поумнеть — значит...

Илья. Оглянись вокруг, Мики. Что ты знаешь о жизни?

Мики. Да что ты без конца пугаешь меня этой жизнью?

Илья. Потому что ты рассуждаешь, как ребенок.

Мики. Возможно. В отличие от тебя у меня нет высшего образования.

Илья. О! Закомплексованный герой? А ведь ты тоже мог поступить в институт...

Мики. Мог...

Илья. В свое время для тебя все сделали. Было и место в институте, и место в общежитии. Но Мики, видите ли, не пожелал учиться.

Мики. Ты сам прекрасно знаешь, как все было на самом деле.

Илья. Именно так, как я говорю.

Мики. Я никого не просил о протекции.

Илья. Ты — нет, а мы с мамой кое-где замолвили за тебя словечко сразу же после похорон отца.

Мики. Я этого не знал.

Илья. Теперь будешь знать.

Мики. Неужели и мама тоже? А я ведь именно из-за мамы, ради нее...

Илья. Что — ради нее?

Мики. Не поехал учиться.

Илья. Вот чокнутый!

Мики. Она бы осталась одна.

Илья. Ну и что? Она все равно осталась одна, а ты уехал служить за сто километров от Братиславы.

Мики. Я подумал, что ей пришлось бы жить только на пенсию отца.

Илья. Ах, вот что. А сам ты, конечно, испугался, что на одну стипендию не проживешь?

Мики. Ты думаешь, я не знаю, сколько родители посылали тебе все эти пять лет?

Илья. Тебя бы мы тоже как-нибудь поддерживали.

Мики. Кто это «мы»? Может, ты? Интересно, сколько бы ты мне подкидывал в месяц?

Илья. Ну ты силен! Как погляжу, военная форма сделала из тебя настоящего героя.

Мики. Ну, знаешь, я про Фому, а ты про Ерему.

Илья. Извини, не понимаю.

Мики. Пытаешься внушить мне, как мало-му ребенку, что вы бы меня...

Илья. Да, можешь не сомневаться.

Мики. Я же прекрасно знаю, как ты стремишься прибрать к рукам каждую крону, как ты вытянул из мамы последние деньги, на которые мы собирались поставить отцу памятник.

Илья. Памятник?.. Ну, знаешь! Не смейся! Памятник! Нашему отцу — памятник! Он всю жизнь жил скромно, я бы даже сказал, слишком скромно, а вам вдруг пришло в голову поставить ему мраморный памятник! Насколько я помню, отец никогда не говорил о смерти, но уверен: если бы он знал, что умрет так не-

ожиданно, то завещал бы нам сжечь его останки, а пепел развеять по ветру.

Мики. Для чего тебе понадобились эти деньги?

Илья. Боишься, что не верну тебе твою долю?

Мики. Ты хорошо знаешь, что это меня не волнует.

Илья. Мики, ради бога, пойми, замуровать деньги в кусок бетона на кладбище — бессмысленно, особенно когда эти деньги нужны, когда они могут помочь.

Мики. Не понимаю. Кому помочь?

Илья. Кому, кому? Ты что, не видишь, как я живу?

Мики. Чего же тебе не хватает для полного счастья?

Илья. Давай попробуем поговорить как брат с братом.

Мики. У тебя красивая жена, здоровый ребенок, нормальная жизнь...

Илья. Нормальная? О чем ты говоришь?! Ты представляешь, что это такое, когда в одной квартире живут две семьи?

Мики. Зато квартира невелика.

Илья. Зато я вынужден выслушивать речи своего тестя, который каждый раз в день полочки считает пужным подчеркнуть, что он, официант, получает в четыре раза больше, чем я с моим дипломом архитектора.

Мики. Ну и что? Ты хочешь его догнать?

Илья. Но где же справедливость, Мики, где?

Мики. Квартира у тебя могла бы уже давно быть.

Илья. Я имею в виду не квартиру.

Мики. Конечно, но только ты, по доброте душевной, каждый раз отдаешь свою очередь другим за несколько тысяч... Илья, для чего тебе все эти деньги?

Илья. Боже мой! С тобой с ума сойдешь! По-твоему, в новой квартире я должен спать

на голом полу? Или дважды в день трястись в битком набитом трамвае на работу и обратно?

Мики. Тысячи людей так ездят и не обращают на это внимания.

Илья. А я не хочу. Понимаешь? Не хочу, чтобы меня толкали в автобусе, когда другие едут мимо на собственных машинах.

Мики. Станный аргумент.

Илья. Ничего не странный. Почему у одних есть машины, роскошные виллы и еще бог знает что... Почему у меня ничего этого нет? Что я, хуже других? Что я, не работаю? Не отдаю все силы обществу? Ведь я кручусь как белка в колесе.

Мики. С той только разницей, что другие крутятся ради этого общества несколько дольше тебя.

Илья. Кто как.

Мики. Тебе не кажется, что ты хочешь добиться всех благ с космической скоростью?

Илья. Жизнь, Мики, слишком коротка, чтобы мы могли позволить себе малые скорости.

Мики. Одним словом, ты решил...

Илья. Жить в этом благодатном мире, как подобает человеку, и не завидовать, глядя в окно на коллег, которые, приехав утром на работу, не могут найти свободного места для своих машин. А ты бы посмотрел на эти машины!

Мики. Только твой «ягуар» сидит на цепи. Запертый на три замка.

Илья. Во-первых, он не мой, а во-вторых...

Мики. Скажи уж как брат брату, может, ты и на Катке женился ради этого «ягуара»?

Илья. Не говори глупости.

Мики. Неужели твой тесть ни разу не дал тебе сесть за руль?

Илья. Ничего, пусть запирает, пусть бережет свое сокровище. У меня на примете есть такая машина, что его серебряный «ягуар» побагровеет от злости, когда они окажутся рядом.

Мики. Сколько же это будет тебе стоить?

Илья. Немного.

Мики. Значит...

Илья. Сделка будет выгодной.

Мики. Неужели и машину уже можно получить за квартиру?

Илья (с грудом сдерживаясь). Любой другой на моем месте давно бы дал тебе пару затрещин. К сожалению, отец слишком тебя баловал...

Мики. Ты тоже не можешь на него пожаловаться.

Илья. И вообще, что это за вопрос? По какому праву ты себе это позволяешь?

Мики. Я думал, мы братья.

Илья. Да, братья, но...

Мики. И как брат с братом можем поговорить откровенно.

Илья. Можем. Но в то же время можем и...

Мики. Послушай, Илья, а когда у тебя будет все: машина, квартира, дача, собака, моторка, короче, все по первому разряду — что ты будешь делать тогда?

Илья. Знаешь что, Мики, обратись-ка ты лучше к врачу, полейся... В твои годы нельзя быть таким инфантильным и так рассуждать!..

Мики. Я ж тебе говорю — у меня еще нет высшего образования.

Илья. И давай без комплексов.

Мики. Не надо кончать университет, чтобы распознать...

Илья. Что распознать?

Мики. Где характер, а где грязь.

Илья. Бу, бу, бу! Так мы пугаем нашу маленькую Эву.

Мики. Илья!

Илья. Тише! У нас полон дом гостей.

Мики. Илья! Наш покойный отец...

Илья. Ну что ты привязался?

Мики. Завтра... Он ведь завтра в гробу перевернется...

Илья. Ну, ну... молодой человек. Вот это атеизм!

Мики. Неужели ты и завтра не дрогнешь? Там будут произносить речи... говорить о чести и героизме.

Илья. Это тебя на политзанятиях подковали?

Мики. Илья... Отец умер всего год назад... всю свою жизнь он... Ты прекрасно знаешь, как он дорожил своей честью, своим честным именем...

Илья. Если ты полагаешь, что я запятнаю это имя своим присутствием на церемонии вручения награды, пожалуйста, я могу там и не быть.

Мики. А ты не думаешь, что запятнал честь отца уже тогда, когда взял деньги у Повдичного?..

Илья. Мики! Я твои деньги не считаю. А что касается завтрашнего дня — пожалуйста! Поезжай один. Незапятнанная честь семьи! Я тебе и мелу дам: надрай свои пуговицы и значки до блеска.

Мики. Мне кажется, у тебя начинает дрожать голос.

Илья. А если еще раз заикнешься о деньгах...

Мики. Что тогда?

Илья хватает Мики за грудки. Напряженная пауза. Неожиданно открывается дверь из кухни.

Явление второе

Входят Эва, Алоиз, тетя Мэри.

Алоиз. Ай-ай-ай, что же это такое?

Эва. Мики!

Илья отпускает брата.

Мики. Интересно, в таких случаях мама всегда почему-то кричит на меня.

Илья. Мы тут решили побороться. У нас с детства такая привычка. Когда мы долго не видимся, то при встрече обязательно выясняем, кто сильнее.

Алоиз. Как хулиганы на улице. Не пора ли уже отвыкать от подобных привычек?

Тетя Мэри. О, солдат! Mon dieu, совсем как мой сын.

Алоиз (*братьям*). У нашей тети Мэри тоже был сын. Солдат.

Мики. А где он сейчас?

Тетя Мэри. Его убили. Дикари. Где-то в джунглях. В далекой Камбодже.

Мики. Что он там делал?

Тетя Мэри. Mon dieu! Солдат... Был такой же красавец, как ты. Точно такой!

Алоиз. Да, война есть война. Она не выбирает.

Тетя Мэри. Благодарю бога, Эвелли, что оба сына с тобой, дома.

Эва. Какое же это «дома»...

Тетя Мэри. Благодарите бога, что вы живете спокойнее, чем мы в Америке.

Мики. За это надо благодарить не столько бога, сколько...

Тетя Мэри. Если не бога, то кого же еще? Я простая женщина и в политике не разбираюсь.

Алоиз. Да, единственное, чего тебе не хватает для полного счастья, так это политики.

Тетя Мэри. Mon dieu! А где мои вещи?

Алоиз. Вот видишь. И мы чуть не забыли. Надо помочь тебе распаковать чемоданы. (*Уходит на кухню.*)

Тетя Мэри (*Илье*). А ты? Ты, наверное, уже офицер?

Илья. Я?

Эва. Он не...

Тетя Мэри. Понимаю... Больной? Бедняжка. Мы с сыном тоже хотели... как-то... отвертеться. Но у нас в Америке это стоит уйму денег.

Алонз с двумя чемоданами застревает в дверях.

Алонз. Пожалуйста... Вот твои вещи... За такую тяжесть ты, наверное, доплачивала как еще за полбилета. *(Предлагает Мики поднять один чемодан.)*

Мики. Вот это да! Тяжелее, чем пулемет с полным снаряжением.

Алонз *(открывает перед тетей Мэри дверь в спальню)*. Еще бы, не лететь же ей на другой край света с пустыми руками.

Оба уходят.

Эва *(оставшись с сыновьями)*. Свою спальню он всегда запирает или только от нас?

Илья. Не надо, мама...

Эва. А что я такого сказала? *(Помолчав.)* Что между вами произошло?

Илья. О чем ты?

Эва. Между тобой и Мики.

Илья. Ну, мама...

Эва. Я сразу же догадалась по вашим лицам... Мики?

Мики. Пусть он скажет...

Эва. Илья! Что случилось?

Илья. Господи, мама, ну что ты волнуешься?

Эва. Почему вы от меня скрываете? Мики!

Мики. Я же сказал — пусть говорит он!

Эва. Илья!

Илья. Я и говорю — ничего. Просто наш Мики стал немного раздражителен. Не знаю, то ли на него военная форма так действует, то ли Власточка.

Мики. Власта здесь ни при чем.

Эва. Не знаю, Мики, почему тебе вдруг пришла в голову эта идея.

Мики. Какая идея?

Эва. Привезти ее сюда именно теперь.

Мики. По-вашему, она мне не пара...

Илья. Я же говорю, он стал какой-то нервный.

Мики. Илья, прошу тебя, замолчи!

Илья. Ну, пожалуйста, пожалуйста, как прикажешь! Я замолчу, только не забудь сказать, когда мне снова можно будет заговорить.

Эва. Хватит! Или вы мне объясните в чем дело, или я сейчас же уеду домой.

Мики *(помолчав)*. Илья... Ты действительно собираешься оставить себе эти деньги?

Илья *(повышая голос)*. Я тебе уже сказал: не суйся в мои дела!

Эва. Какие деньги?

Мики. Илья!.. Мама, наш Илья... Нет, пусть он лучше сам тебе скажет... *(Выбегает в переднюю.)*

Эва. Мики! *(Бросается за ним.)* Мики, куда ты? *(Илье.)* Куда он побежал?

Илья. Откуда я знаю. Оставь его. Пусть охладится на свежем воздухе.

Эва. Мики! *(Возвращаясь в комнату.)* Ушел.

Илья. Не беспокойся. Скоро вернется. У него тут остался магнит посильнее, чем мы с тобой.

Эва. Власта! Может, послать ее за ним?

Илья. Не надо.

Эва. Пора садиться уживать, а он взял и убежал.

Илья. По-моему, от этой военной службы он чуть-чуть свихнулся.

Эва. Что он говорил? Какие деньги?

Илья. Не знаю. Я уже начал подумывать, а не влип ли он, как я год назад.

Эва. Не пугай меня.

Илья. Я тебе тогда все честно объяснил — так и так, я должен жениться. А нашему солдатику, наверное, мужества не хватает.

Эва. Мики... Нет, с Мики такое не может случиться.

Илья. Откуда тебе знать. Просто так он бы ее сюда не привез.

Эва. Она выглядит очень порядочной девушкой, и, кроме того, у нее ничего не заметно.

Илья. Когда это становится заметно, уже поздно.

Эва. Женщина женщину видит сразу. И кроме того, Мики...

Илья. Я знаю, что ты хочешь сказать: Мики — образцовый сын, он ничего подобного себе не позволит.

Эва. Илюшенька, мальчик, мой, надеюсь, ты не ревнуешь?

Илья. Мама, скажи лучше, как тебе твоя внучка? Здорово подросла за эти два месяца, что ты ее не видела, да?

Эва. Подросла, да...

Илья. Мордашка — заглядежь! Сразу понятно, что твоя внучка. А ты бы видела ее в том платье, которое ты связала. Настоящая принцесса.

Эва. Я очень рада.

Илья. Правда? Ты так это сказала, будто на самом деле ты не...

Эва. О каких деньгах говорил Мики?

Илья. А-а, ты все никак не можешь успокоиться? Поверь мне, мам, это все выеденного яйца не стоит...

Эва. Тебе снова пужны деньги?

Илья. На этот раз — нет. Я получил первую премию.

Эва. Мики просил у тебя в долг?

Явление третье

Входит Власта.

Власта (*останавливается в дверях, ведущих из кухни*). Мики! (*Увидев Эву и Илью, прикрывает за собой дверь и направляется к ним*.) А где Мики?

Эва. Не знаю. Куда-то побежал.

Власта. Он ушел?

Илья. Представь себе, Власточка, исчез.

Эва. Перестань, Илья, не пугай ее.

Власта. Он, наверное, решил все еще раз обдумать?

Илья. Что обдумать?

Эва. Боже мой, дети...

Власта. Ну... я... как бы вам это сказать...

Илья. Главное спокойно, Власточка. Все это останется между нами.

Эва. Илья!

Власта. Не знаю, что вам известно, но Мики мне строго-настрого запретил об этом говорить.

Илья. Точно нам, конечно, ничего не известно, но мы примерно догадываемся.

Власта. Я никогда не думала, что он такой.

Илья. Но в этой ситуации вы оба виноваты, Власточка.

Власта. Нет, в данном случае нет.

Эва. Действительно нет?

Власта. Мики... он...

Эва. Что произошло?

Власта. Он в самоволке.

Эва. Что? Не понимаю.

Илья (*торжественно*). Вот тебе и примерный солдат!

Власта. Он сбежал из казармы. Вернее, от нас, из медпункта.

Илья. Ну и дела.

Эва. Сбежал?

Илья. Дезертировал.

Власта. Да нет, что вы. Просто он очень хотел попасть в Прагу, и я его прекрасно понимаю.

Илья. Теперь он, как пить дать, сядет за решетку.

Эва. Думаю, до этого не дойдет.

Илья. А ты знаешь, как военный прокурор квалифицирует подобный побег?

Эва. Я сразу заметила, что он какой-то страшный. Неужели его не могли отпустить ради такого торжественного случая?

Власта. Командир, возможно, и отпустил бы, но не знаю... поймите меня правильно... из медпункта в таком состоянии...

Эва. В каком состоянии?

В этот момент из кухни раздается гудение миксера и неожиданно гаснет свет.

Илья. Ну вот! Вместо взбитых сливок — интим со свечами.

Катка (*голос из кухни*). Власточка! Иди скорее сюда, помоги мне!

Явление четвертое

Те же, Алоиз и тетя Мэри

В дверях спальни показывается Алоиз.

Алоиз. Доигралась! Надо соображать! Наверняка включила сразу все электроприборы — пробки и перегорели.

Илья. Вся квартира без света осталась.

Алоиз. А может, и весь дом.

Эва. Так вот почему вы никогда не включаете колонку и стиральную машину одновременно.

Илья. Я сбегая к дворнику.

Алоиз. Попроси у него ключ от электроциста. Наша квартира четвертая слева в верхнем ряду.

Катка (*голос из кухни*). Илья! Где свечи?

Илья (*уже из коридора*). В подсвечнике на полочке.

Алоиз. Надеюсь, ты не собираешься зажигать праздничные?

Катка. А у тебя есть обычные?

Алоиз. Подожди, посмотрю.

Тетя Мэри. Моп dieu, только не оставьте нас одних в темноте. Я ужасно боюсь темноты.

Эва. Почему, Маришка?
Тетя Мэри. В Америке все женщины боятся темноты.

Эва. Первый раз слышу.

Тетя Мэри. Самые страшные преступления совершаются у нас именно в темноте.

Алоиз. Мы не в Америке, так что бояться тебе нечего, тем более что рядом с тобой сразу три джентльмена. А куда исчез Мики?

Эва. Мики? Не знаю. Куда-то ушел...

Алоиз (*Эва*). Что между ними произошло?

Эва. Наверняка ничего серьезного.

Алоиз. Что же, по-твоему, они просто валяли дурака?

Эва. Оставь ты, Лойза!

Алоиз. Этот твой младший какой-то...

Эва. Какой?

Алоиз. Слишком упрямый.

Эва. Служба в армии очень меняет парней. Ты, наверное, и по себе это знаешь, да?

Алоиз. Но ведь... я...

Эва. Понимаю. Ты не служил...

Алоиз. Плоскостопие. Профессиональная болезнь с ранней юности.

Эва. Интересно.

Алоиз. Но уж зато свои километры эти пожки оттопали. Если б кто-нибудь однажды подсчитал...

Эва. То ты, может быть, оказался бы рекордсменом.

Алоиз. Еще когда я вез их сюда, я обратил на него внимание.

Эва. На кого?..

Алоиз. На твоего младшего.

Эва. Почему ты не называешь его по имени? Его зовут Мики.

Тетя Мэри. Мики? Это в честь святого Микулаша?

Алоиз. Он так необычно говорил...

Эва. Как?

Алоиз. Увлеченно, с жаром.

Эва. Яблоко от яблони недалеко падает. Ты, к сожалению, не знал нашего отца, нашего Томаша.

Алоиз. Да, он, наверное, в отца, такой упрямый.

Эва. Что же он тебе наговорил?

Алоиз. Мне — ничего.

Эва. Тогда причем здесь его упрямство?

Алоиз. Молодежь теперь пошла самоуверенная. Слушай, а ведь он, наверное, уже и в партию вступил?

Эва. В армию ушел комсомольцем.

Алоиз. Там его наверняка успели сагитировать.

Эва. Ну и что тут плохого?

Алоиз. Господи! Я просто предчувствую, что младший будет еще умнее старшего.

Эва. Да о чем ты наконец?

Алоиз. А ведь он прав. Пока молод, пусть крутится на всю катушку. Глядишь, и обеспечит себе...

Эва. Что он себе обеспечит? Инфаркт?! Как его отец?! Тот тоже всю жизнь — на полную катушку.

Тетя Мэри. А я бы ему другое посоветовала: пока молод, не занимайся политикой. Для молодых есть любовь. Зачем им политика? Правильно, Эвелин? А ты сама? Ты ведь еще женщина в соку. Могла бы найти себе хорошего мужа. Да и парню, если он, как говорите, с паровом, отец нужен.

Эва. У нас, милая Маришка, есть такая старая поговорка: когда умирает жена, остается жених, а когда умирает муж, остается вдова.

Алоиз. Вдова вроде тебя, вдова героя — еще какой лакомый кусочек! Вот увидишь, тебе теперь и пенсию назначат персональную.

Эва. Если тебе понадобятся деньги, я дам взаймы.

Алоиз. Я же ничего такого не сказал, Эвочка.

Эва. И я ничего, Лойзик.

Алоиз. Кстати, а что там слышно насчет ужина?

Эва. На кухне хозяйничают две молодухи. Пусть покажут, на что они способны.

Алоиз (Эве). Слушай, а что это еще за Власта? Неужели наши ребята не могут найти себе словачек?

Эва. Значит, не могут.

Тетя Мэри. Mon dieu! Лойза! Сердцу не прикажешь! Мой Юржевский был поляк, я — словачка, и с ним мы вместе прошагали через всю Америку, от океана до океана.

Алоиз. Типичная женская логика. (Передразнивает тетю Мэри.) От океана до океана. А если об этом задуматься всерьез, то... ведь нашему солдатику еще целый год служить. Смогут ли такие...

Эва. Какие?

Алоиз. Такие влюбленные — жить друг без друга.

Эва. Да ну тебя, Лойза. Эти твои шутки!

Алоиз. В каждой шутке... Впрочем, действительно надо поговорить о более серьезных вещах, например о завтрашней поездке в Прагу. Я, собственно, уже решил.

Эва. Ты?

Алоиз. Мы же едем на моей машине. И тетю Мэри с собой возьмем. Пусть посмотрит. Она ведь ничего подобного не видела.

Тетя Мэри. О, mon dieu, Лойза! Как это не видела. Видела, и сама дважды пережила. Первый раз, когда погиб муж, а второй раз — после смерти сына. Ко мне пришли генералы и джентльмены из Капитолия. Прикололи мне на грудь значок с ленточкой. Вот сюда. Но как только они ушли, я выбросила этот значок. Он жег мне грудь. До самого сердца.

Эва. Родная ты моя! Я ведь тоже не знаю, как завтра все это выдержу.

Тетя Мэри. Но ведь у тебя все совсем не так. Твои сыновья с тобой, а муж умер у

тебя на руках. Никто его не убивал на чужбине... Только одного я не пойму.

Эва. Чего, Маришка?

Тетя Мэри. Я получила эту... железку, только когда мой муж и сын были убиты. Разве у вас иначе?

Эва. А у нас почет оказывают тем, кто после войны проявил себя на трудовом фронте.

Алоиз. Вот, вот. Стараемся, боремся не покладая рук, а что у нас завтра получится, не знаем.

Эва. Ты про что?

Алоиз. Видишь ли, Илья хочет, чтобы завтра все мы поехали в Прагу на моем «ягуаре». Машина, конечно, вместительная, но больше пяти человек я взять не смогу. Значит, кому-то придется остаться дома.

Явление пятое

Те же, Мики, инженер Повдячный

Мики останавливается в дверях вместе с Повдячным.

Эва. Мики!

Повдячный. Добрый вечер.

Алоиз. Вы что-нибудь забыли, пан инженер?

Повдячный. Я... нет. Я... извините. Ничего не понимаю.

Мики (*поворачиваясь к Повдячному*). Ты ведь здесь кое-что забыл.

Повдячный (*Алоизу*). Я не понимаю, что случилось. Он догнал меня на улице и потребовал, чтобы я вернулся обратно.

Тетя Мэри. Mon dieu! Двери оставались открытыми! Мои чемоданы!

Мики. Где Илья?

Повдячный. Я, право, ничего не понимаю.

Эва. Мики! В чем дело?

Мики. Илья тебе ничего не сказал?

Эва. Что он должен был мне сказать?

Мики. У него не хватило мужества тебе признаться?

Алоиз. Что за комедию вы тут разыгрываете?

Повдячный. Я... извините... я ничего...

Мики (*у дверей в кухню*). Катка! Где Илья?

Явление шестое

Входят Катка и Власта.

Катка. Чинит пробки.

Власта. Это ты, Мики? Пойди помоги ему!

Зажигается свет.

Алоиз. Уже не надо.

Мики. Наш Илья...

Катка. Что — Илья?

Повдячный. Ради всего святого, дружище! Помолчи!

Мики. Я не могу молчать, раз он сам не отваживается сказать правду. И не хочу! Понимаете? Пусть все здесь знают — я не хочу иметь братом авантюриста!

Недоуменная пауза. Хлопает дверь, появляется Илья. Не хочу!

Явление седьмое

Те же и Илья

Эва (*бросается к Мики*). Что ты сказал?

Мики. Мама! Но ведь и ты этого не хочешь. Скажи ему! Прикажи ему! Прямо здесь перед свидетелями!

Эва. Что? Что я должна ему приказать?

Мики. Чтобы он вернул Повдичному пять тысяч!

Повдичный. Нет. *(Илье.)* Мне они не пужны! Прошу вас, не слушайте его, пап архитектор. Я понятия не имел, зачем он меня заставил вернуться. Он сказал, что мне сообщат что-то важное.

Мики. А что может быть сейчас важнее, чем это?

Повдичный. Для меня? Квартира! Ты способен это понять, солдатик? Квартира, квартира...

Мики. Наш Илья такая персона, что может тебе получить квартиру и без взятки.

Эва. Илья? Это правда?

Мики. Братишка! Хочешь перед тобой на колени встану?

Илья дает Мики пощечину.

Алоиз. Вот это да! Отличное воспитание. Примерная семья.

Эва *(бросается между сыновьями)*. Что до воспитания, то это моя забота.

Алоиз. Ради бога. Я не вмешиваюсь. Только в нашей семье никто никому пощечину не давал.

Илья. Он вполне заслужил эту оплеуху! Разве это брат?

Мики. Верни ему деньги, Илья! Он же их одолжил.

Катка. Илья! Пять тысяч!.. Значит, это не премия?

Повдичный *(обращаясь то к Илье, то к Алоизу)*. Пожалуйста, я вас очень прошу. Я не знаю, что вы теперь обо мне подумаете. Я понятия не имел о его намерениях. Мне не нужны эти деньги. Я их не возьму.

Катка. Какой кошмар!

Тетя Мэри. Mon dieu! Я ничего не понимаю.

Алоиз *(Эве)*. Твой младший свихнулся.

Илья. И еще как.

Мики. Хотите сделать из меня сумасшедшего? А ну, кто из вас подойдет ко мне и повторит это еще раз?!

Тетя Мэри. Mon dieu! Что происходит? Они сейчас подерутся.

Мики. Я вам покажу, какой я сумасшедший!

Илья. Еще слово — и я тебе ребра переломлю.

Мики. Попробуй! Ударь, если тебе от этого будет легче... Но уж если ты еще носишь фамилию отца, деньги вернуть придется.

Илья хватает брата за плечи.

Власта *(бросается разнимать Илью и Мики)*. Что вы делаете! Вы с ума сошли! Он же весь забинтованный! У него еще раны не зажили.

Эва. Что не зажило?

Мики. Ничего... Пустяки, мама... Ерунда.

Власта. Он не разрешил мне об этом говорить.

Эва. Какие раны?

Мики *(поднимает гимнастерку, видны повязки)*. А ну, братишка, ударь. Ударь!

Эва. Что это?

Власта. Иногда к нам приезжают... На таких шикарных машинах... Дельцы... Валюту швыряют направо и налево. На пасху они особенно разошлись. Людей оскорбляли. Чуть его товарища не убили...

Алоиз. Ах, вот оно что... Драка. Известное дело.

Власта. Мики в этой драке своему другу жизнь спас.

Илья. Так чего ж тебе еще надо? Геройский поступок ты уже совершил! Нацепишь на грудь новый значок. И самоволку тебе наверняка простят. Только вся эта твоя честность и

принципиальность — с душком! Смыться в форме — не шутка.

Алоиз. Да, дезертира в нашей семье еще не было.

Мики. Логично! Вам с Ильей неоткуда было дезертировать.

Алоиз. Да? Посмотрите на него! Герой нашелся! Пожалуй, еще больший герой, чем его отец...

Эва (*Алоизу*). Ну, хватит! И ни слова больше! Был мой муж героем или нет — это реши-ли другие. И не ты с твоим плоскостопием проложил ему дорогу к славе.

Илья. Мама!

Эва. Да! А ты? Если ты настоящий сын своего отца, то вспомни, говорил ли он когда-нибудь о героизме. Нет, никогда. И если завтра... Если завтра слово «герой» станет частью имени отца, которое ты по сей день носишь, то... Ты сам... только ты и никто другой должен решить, как ты обязан поступить.

Катка кладет на стол перед Повдячным конверт с деньгами.

Эва. Я не знала, что это ваши деньги, пан инженер. (*Повернувшись к Илье.*) Илья!

Илья. Мама, как ты можешь обо мне так думать!

Повдячный. Нет, прошу вас! Мне эти деньги не нужны. Мне нужна квартира. Понимаете, квартира...

Пауза.

Илья. Мама!

Эва. Последний поезд в Прагу уходит почти в полночь. Если захочешь, найдешь меня или в зале ожидания, или на перроне.

Илья. Но ведь мы едем...

Эва. Нет. Я в таких машинах ездить не привыкла.

Мики (*бросается матери на шею*). Мама, я знал...

Эва (*протягивает одну руку Мики, другую — Власте и идет в переднюю*). Ты поедешь со мной, но только до Бржецлава. Вернешься в часть и во всем признаешься.

Илья. Мама!

Алоиз. Это просто обидное недоразумение. Все уладится.

Повдячный (*Алоизу*). Пан метрдотель, прошу вас! Не думайте обо мне плохо. Я ко всему этому не имею никакого отношения.

Катка. Подождите! (*Выбегает из кухни с ребенком на руках и бежит через комнату в переднюю.*) И мы поедем с вами!

Илья (*старается задержать ее*). Катка! Не делай глупостей!

Катка. Ты хотел меня обмануть. Зачем тебе это было надо?

Алоиз. Что он, по-твоему, должен был тебе сказать?

Катка. Правду!

Алоиз. Можно подумать, тебе эти деньги не нужны.

Катка. И без них обойдемся.

Алоиз. Хотел бы я посмотреть, как?

Катка. Я не желаю!

Алоиз. Чего?

Катка. Попасть в сумасшедший дом, как мама.

Тетя Мэри. Mon dieu! Моя сестра в этом... как его? А вы мне говорили, что она в больнице...

Илья. У нас это почти то же самое, что больница, тетя.

Катка. Илья!

Илья. Прошу тебя, сейчас же положи ребенка в кровать.

Катка. Скажи, ты что, не мог бы?

Илья. Что?

Катка. Содержать семью, как другие честные люди?

Илья. Это все красивые слова, Катка...

Алоиз. Набралась их от твоих...

Катка (*Илье*). Отцу я не удивляюсь. Другим он уже не будет. Привык все вокруг мерять чаевыми. Но ты, ты ведь...

Алоиз. Ты мне чаевыми глаза не коли.

Катка. Да ведь и тебе не больно-то правится, что я живу здесь, рядом с тобой. Что у тебя за жизнь! Только и думаешь, как бы побольше отхватить. Хитришь, комбинируешь... Ложишься и встаешь с одной и той же мыслью: а что мне это даст...

Алоиз. Положи ребенка!

Катка. Оставь меня.

Тетя Мэри. Mon dieu! Она решила уйти? Бросить собственного мужа? Ничего не понимаю.

Илья. Куда ты собралась?

Катка. К маме.

Илья. Ты что, совсем опалела?

Катка. К твоей маме.

Илья. Она же уезжает в Прагу.

Катка. Ты думаешь, она поедет?

Илья. А почему бы и нет?

Катка. Без тебя? Илья! Умоляю тебя!

Повдючный. Нет, прошу вас, не делайте этого!

Катка. Пап инженер, я вас тоже прошу.

Повдючный. Меня? Меня ни о чем не надо просить.

Катка. Во что вы хотите превратить моего мужа?

Алоиз. Илья! Если ты мужчина, то придержи ее! Или ты баба и позволишь, чтобы тобой вертели, как хотят?

Катка. Он не только мужчина, но и отец, а кроме того, пока еще и сын.

Алоиз. Знаешь, хватит тут разводить философию! Я этого терпеть не могу. Положи ребенка!

Катка. Ты прекрасно знаешь, что не положу, даже если вы оба начнете на меня кричать.

Алоиз. Кричать? К счастью, мы с Ильей еще в своем уме.

Катка убегает.

Илья. Катка!

Алоиз (*задерживая его*). Оставь ее! Далеко она не убежит.

Илья. Но ведь на улице...

Алоиз. Дальше ворот не уйдет. В такой ситуации настоящий мужчина должен проявить хладнокровие. А вот когда она сама вернется, тут уж ты с ней можешь разговаривать по-другому.

Тетя Мэри. Но ведь на улице темно. А в темноте на каждом шагу убийства.

Алоиз. Братислава не Сан-Франциско.

Тетя Мэри. Ну, если так...

Повдючный. Пап архитектор, поверьте мне, прошу вас. Я страшно огорчен, что все это из-за меня.

Алоиз. Да, пап инженер, что уж и говорить. Человек вам хочет помочь, а вы его втягиваете в какую-то уголовную историю.

Повдючный. Я? Я действительно не виноват. Он примчался за мной как сумасшедший...

Алоиз. Сумасшедший — не сумасшедший, но, согласитесь, пап инженер, это такое деликатное дело, что, кроме вас двоих, никто об этом не только знать, но и мало-мальски догадываться не должен.

Повдючный. Поймите и вы меня. Мы служили с этим парнем целый месяц. Он произвел на меня хорошее впечатление.

Алоиз. В таких делах даже собственному брату доверять нельзя. Видите, что получилось.

Повдючный. А что, если бы он был прав?

Алоиз. Вы хотите сказать?..

Повдючный. Может быть, он действительно...

Алоиз. Пан инженер! Если вы начинаете сомневаться...

Повдячный. Нет, я ничего такого не думаю.

Алоиз. Должен вам заметить, что судебную ответственность в равной степени несут и тот, кто дает, и тот, кто берет.

Тетя Мэри. Mon dieu, Лойза! Криминал? Где мои чемоданы? *(Исчезает в спальне.)*

Алоиз. Так что подумайте, пан инженер, какие неприятности могут произойти, если мы не сохраним тайну в этих четырех стенах.

Повдячный. Надеюсь, что родной брат не...

Алоиз. Я уже сказал вам, что в таких делах даже родному брату нельзя доверять.

Илья. Брат!.. Мой брат!.. Мой родной брат!..

Алоиз. Не сердись, Илья, но я не понимаю, что вы за поколение? Без причины и такая зависть.

Илья. Не то.

Алоиз. Ну, ненависть.

Илья. Не то.

Алоиз. Но постой, постой, как же тогда можно во всеуслышание называть собственного брата вором.

Илья. Не то.

Алоиз. Как так не то? Он же сказал это при свидетелях...

Илья. Он сказал, что не хочет иметь братом авантюриста.

Алоиз. Вот, вот пожалуйста... Дело не в том, как тебя называли, а в том, что ты собой представляешь.

Илья. Что же я такое?

Алоиз. Я не люблю всякие грубые слова. Что касается меня лично, у меня конфликтов с законом никогда не было.

Илья. Если не было у тебя... то и у меня не будет!

Алоиз. Пожалуйста... Делай, как знаешь.

Повдячный. Пан архитектор! Умоляю вас, не бросайте меня на произвол судьбы.

Илья. Возьмите свои деньги.

Повдячный. Нет, нет! И не просите меня об этом.

Илья. Возьмите и верните тому, у кого вы их заняли.

Повдячный. А как же моя квартира?

Илья. Вы думаете, без этого конверта я бы вам не помог?

Повдячный. Интересно, чего ради вы бы стали мне помогать?

Илья. Просто так. Из принципа...

Повдячный. Нет... в это я не поверю. Так теперь никто не делает.

Илья. И вы думаете, что я не сумел бы это сделать?

Повдячный. Может, и сумели бы, но только зачем?

Илья. Я же сказал.

Повдячный. Из принципа? Я жду квартиру уже семь лет, и согласитесь, что приходит конец вере во всякие принципы.

Илья. Вы не правы.

Алоиз. Это же как посмотреть.

Илья. Мой отец всю жизнь прожил, не поступаясь этими принципами.

Повдячный. Я вам верю.

Илья. А мой брат...

Повдячный. Он славный парень, только...

Илья *(уже в коридоре)*. Заберите ваши деньги, пан инженер.

Повдячный. Куда вы, пан архитектор?

Илья. Вы же слышали. Меня ждут на станции. *(В дверях сталкивается с выносящей чемоданы тетей Мэри.)*

Повдячный *(вслед Илье)*. Подождите!

Илья. Приходите ко мне в понедельник.

Тетя Мэри *(Алоизу)*. Mon dieu! И он уходит?

Алоиз. Ненормальный!

Тетя Мэри. Лойза! Я боюсь.

Алоиз. Ты? Тебе-то чего бояться?

Тетя Мэри. Все тебя бросили...

Алоиз. Меня? Извини, пожалуйста! Я не виноват, что все они с приветом.

Тетя Мэри (*Повдячному*). С приветом? Что это такое?

Повдячный. Так я... Я тоже пойду.

Алоиз. Не забудьте ваш конверт...

Повдячный (*помолчав*). Я... Если вы разрешите... Я этот конверт не возьму.

Алоиз. Нет?

Повдячный. Я думаю...

Алоиз. Пап инженер! Вы чертовски хитрый парень. И надо сказать, вы просто читаете мои мысли.

Повдячный. Как так?

Алоиз. Вы рассуждаете логично: сегодняшняя запад и вся эта болезненная принципиальность пройдут, а жизнь... Жизнь пойдет своим чередом.

Повдячный. Пап метрдотель, будьте так добры, оставьте у себя этот конверт.

Алоиз. Как понимаете, у меня ничего не пропадет.

Повдячный. Я вам очень признателен.

Алоиз (*проводжая его до двери*). Спокойной ночи.

Тетя Мэри. Mon dieu! Лойза! Мы остались с тобой совсем одни.

Алоиз. Не бойся. Они вернутся. Надеюсь, по крайней мере на кухне нас ждет праздничный ужин.

Тетя Мэри. Я не ем на ночь.

Алоиз. Нет? Правильно делаешь. Говорят, в нашем возрасте это опасно.

Тетя Мэри. Лойза!

Алоиз. Да?

Тетя Мэри. Что же мы теперь будем делать?

Алоиз. Времени уже много, так что пойдем спать.

Тетя Мэри. Mon dieu! Неужели после всего, что было, ты сможешь заснуть?

Алоиз. Я? А почему нет?

Тетя Мэри. Они ушли. Ведь все ушли.

Алоиз. Как ушли, так и вернутся.

Тетя Мэри. А если не вернутся? Я не знаю, правильно ли я все поняла...

Алоиз. Едва ли...

Тетя Мэри. Знаешь, Лойза, я — старая, измученная жизнью женщина — всегда в душе вам завидовала...

Алоиз. Завидовала? Нам? Чему же ты завидовала?

Тетя Мэри. Тому, что вы живете на лучшей половине земного шара.

Алоиз. Да?

Тетя Мэри. Только одного я никогда не могла понять: как это возможно?

Алоиз. Что?

Тетя Мэри. Чтобы у нашего шарика одна половина была лучше, а другая — хуже... Ведь всюду живут одинаковые люди.

Алоиз. Не знаю, с чего ты так расфилософствовалась?

Тетя Мэри. Но после того, что произошло сегодня... мне кажется, Лойза...

Алоиз. Что тебе кажется? Что тебе еще может казаться?

Тетя Мэри. Что на вашей половине... на лучшей половине и люди действительно...

Алоиз (*после долгой паузы*). Послушай, Мэри... Ты что, специально приехала с другого конца света, чтобы мне это сказать?..

Тетя Мэри. Я не хотела тебя обидеть. Упаси бог! Но если ты серднишься, то я тоже уйду.

Алоиз. Куда?

Тетя Мэри, пожав плечами, поднимает чемоданы и идет к выходу.

Алоиз зло смотрит на нее, потом в тишине, которую только сейчас осознает, в поисках опоры, нерешитель-

по подходит к дивану и включает стоящее на колонке радио. На сцене постепенно гаснет свет, горит лишь магический зеленый глазок приемника.

Раздается голос диктора.

«Одевшаяся в праздничный наряд Прага вместе со всей страной готовится к знаменательному юбилею. Сотни лучших из лучших получают завтра высшие награды Родины, свидетельство уважения и доверия нашего социалистического общества ко всем тем, кто за последние тридцать лет помог превратить Чехословакию в страну счастливых людей. Прямой репортаж из Пражского Кремля будет передаваться завтра с девяти часов утра всеми радиостанциями Чехословацкой Социалистической Республики».

Свет гаснет.

Занавес

Золотой дождь

Пьеса в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Микулаш Бенедик (Мики),
председатель Городского националь-
ного комитета.

Илья Бенедик, его брат.

Эва Бенедикова, их мать.

Вера, журналистка.

Штефан, директор химической
фабрики «Химфа».

Валент, председатель фабкома.

Виктор, зав. отделом строительства.
Городского национального комитета.

Тонка, секретарь.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Один из небольших городков Южной Словакии. Кабинет председателя Городского национального комитета. Внешне комната ничем не отличается от других учреждений кабинетов. Со стандартной, безликой обстановкой резко контрастирует множество цветов в горшках и вазах, на подоконниках и полках. Даже на письменном столе председателя светятся многочисленными фонариками желтые капельки «золотого дождя»*. Кусты его только что расцвели в городе и радуют глаз свежестью и неповторимой яркостью.

Слева — дверь, ведущая из кабинета в приемную, справа — вход в конференц-зал.

Из приемной в кабинет входит Тонка и с любопытством смотрит через полуоткрытые двери в конференц-зал, где под звуки заграничной пластинки свадебного марша заканчивается торжественный акт бракосочетания.

Явление первое

Тонка и Мики

Мики Бенедик появляется в дверях из конференц-зала в кабинет. Через плечо Мики перекинута широкая трехцветная лента.

Тонка (*проворно принимает из его рук документы, подает футляр, в который Мики кладет герб, и с чисто женским любопытством смотрит на молодого председателя, которому больше подошла бы роль жениха, чем официального лица, проводящего церемонию бракосочетания*). Да, товарищ председатель! За те годы, что я работаю в национальном комитете, я много повидала и пережила. Но такой свадь-

* Так в Словакии называют форзицию, декоративное кустарниковое растение с мелкими ярко-желтыми цветами.

бы мне еще видеть не приходилось. Как вы думаете, сколько им обоим... вместе?

Мики. Тонка, вы же знаете, что меня никогда не интересует возраст жениха и невесты.

Тонка. По-моему, не меньше ста тридцати. Чего это они вдруг вздумали жениться, хотела бы я знать... Да, вас уже ждут посетители.

Мики. Сейчас? Мы же договорились на три!

Тонка. Здесь ваш брат.

Мики. Илья?

Тонка. Но не один.

Мики. А с кем?

Тонка. С журналисткой.

Мики. С журналисткой? Не с той ли, которую вы на прошлой неделе выпроводили?

Тонка. Выпроводила... потому что вы мне так велели.

Мики. Вот ведь хитрая девчонка! Нашла себе заступника. И не кого-нибудь, а именно Илью.

Тонка. Что ей сказать?

Мики. Брат пусть войдет...

Тонка. А она?

Мики. Тонка, золотая моя! Вы же секретарь. А хороший секретарь всегда найдет, что сказать нежелательным гостям и посетителям.

Тонка. Вам легко говорить.

Мики. Ну... Тонка!

Тонка. Ладно, ладно... *(Уходит.)*

Явление второе

Мики и Илья

Илья *(в дверях)*. Послушай, Мики, что это значит?

Мики. Привет.

Илья. Ты действительно не хочешь ее принять? Чем провинилась эта милая девушка? Может быть, ты начинаешь создавать вокруг себя культ неприкосновенности?

Мики. Успокойся, братец, и присаживайся.
Илья. Ну, что ты воображаешь? Думаешь, она так и будет без конца к тебе ездить?

Мики. Советую тебе сначала отдышаться.

Илья. Мики?! Это черт знает что! Неужели твой пост уже вскружил тебе голову?

Мики. Тебе так кажется?

Илья. Чего там кажется! Что это за стиль работы? Газета посылает к тебе своего редактора, молодую симпатичную девушку, чтобы она написала репортаж о самом молодом в республике председателе Городского национального комитета, а ты, сноб несчастный, отказываешься ее принять.

Мики. Может быть, ты мне скажешь, кому нужен такой репортаж?

Илья. Ой-ой-ой. Он еще к тому же прикидывается скромником.

Мики. Подожди. Кто кем прикидывается, об этом мы потом поговорим, а сначала...

Илья. Прошу тебя. Войди в ее положение. Она просто выполняет свои служебные обязанности. Кто самый молодой в республике председатель Горкома? Ты! Тебя избрали, ты работаешь, город процветает, люди тебя любят. Зачем же тебе все это скрывать?

Мики. А я и не скрываю.

Илья. Тогда почему же ты не хочешь с ней поговорить?

Мики. Потому что полагаю, что у нас должны были бы писать о других, более необходимых и важных вещах, чем моя персона.

Илья. Но через очерк о тебе читатели увидят в ее репортаже этот город, людей, все, чем вы здесь живете.

Мики. Это она может сделать и без меня.

Илья. Мики, ради бога, не смей меня. Газете нужна фигура... Немножко сенсации... Такая статья и читается по-другому...

Мики. А мне вовсе не надо, чтобы она делала из меня знаменитость.

Илья. Это уж ее дело. Пусть проявит свой журналистский талант.

Мики. Нет, лучше не надо.

Илья. Мики! Я знаю, что ты безнадежно упряма.

Мики. Я — Бенедик, сын своего отца.

Илья. Разумеется. Оставайся при своих убеждениях. Кстати, для ее репортажа ты с твоими убеждениями — именно то, что надо. Молодой герой — просто как с картинки!

Мики. Знаешь что, Илья! Будем считать, что мы с тобой не говорили.

Илья. Нет, ты не имеешь права так со мной обращаться.

Мики. С тобой? А при чем здесь ты, когда разговор идет о журналистке?

Илья. Ее зовут Вера.

Мики. Вера? Ну и что? А ты...

Илья. Знаешь, Мики... Если уж тебя это так интересует... В конце концов мы — братья и можем быть откровенны.

Мики. Так ты...

Илья. Это вполне естественно, я бы даже сказал — прозаично. Развожусь. Мой первый брак оказался неудачным.

Мики. А она?..

Илья. Кто? Вера?

Мики. Какое она имеет к этому отношение?

Илья. Вот это вопрос! Какое отношение? Просто она меня поняла.

Мики. У меня всегда было такое предчувствие...

Илья. Я рад, что ты трезво смотришь на вещи. Надеюсь, что и мама...

Мики. Что мама?

Илья. Тоже постарается меня понять. Сегодня вечером я собираюсь познакомить ее с Верой.

Мики. А как же твоя дочка?

Илья. Она не первая и не последняя в этом большом и прекрасном мире.

Мики. С разведенными родителями.

Илья. Прошу тебя, избавь меня от лекций на темы морали. Ты же прекрасно знаешь, что в мещанской семье моей жены мне было не место.

Мики. Твоя Катка никогда не была мещанкой.

Илья. Зато все остальные, ее родственники... Ты, собственно говоря, должен был бы меня поздравить, что я вовремя одумался и решил уйти от них.

Мики. Но все же, как с Эвочкой? Такой чудесный ребенок! Что будет с ней?

Илья. Конечно, ее присудят матери, а не мне. Но я буду платить.

Мики. Если бы только платить! Насколько я тебя знаю, ты еще, сверх всего прочего, будешь ходить с ней каждую вторую субботу в зоопарк, чтобы оказывать благотворное отцовское влияние.

Илья. Хватит, Мики. В конце концов тебя это вообще не должно волновать. Я тебе никогда не припоминаю все твои старые увлечения. Была у тебя Магда. Пожалуйста. Привез ты нам с военной службы Власту, мы щелкнули каблуками и смирились.

Мики. С чем смирились? Я не женился ни на той, ни на другой.

Илья. Твое счастье. Знаешь, давай покончим с этим разговором. Катка была моей женой, а Эва остается моим ребенком. Вытекающие отсюда последствия я уже серьезно продумал, все взвесил, рассчитал...

Мики. Прекрасно! Рассчитал! Об этом бы и надо написать. О расчетах преуспевающего молодого человека, а не о заботах какого-то служащего в захолустном городишке. *(Открывает дверь в приемную.)* Товарищ журналист! Пожалуйста, проходите!

Илья. Мики!

Мики. Что? Ты же хотел, чтобы я с ней поговорил.

Илья. Она здесь по работе.

Мики. Я тоже.

Илья. Мики?

Мики. Обещаю тебе, это будет чисто служебный разговор.

Илья. Хорошо. Я могу остаться?

Мики. Лучше нет.

Илья. Ладно. Только помни одно. Эту девушку...

Мики. ...Ты собираешься ввести в нашу семью. Все понятно.

Илья. Послушай, брат. Если ты задумал что-нибудь не то, лучше не зови ее сюда.

Мики. Положись на меня. *(Повернувшись к дверям в приемную.)* Тонка! Приготовьте моему брату... чашечку кофе... Покрепче! Пусть успокоит нервы.

Явление третье

Входит Вера.

Илья обменивается с Верой неуверенным взглядом и выходит. Вера остается стоять на пороге. Мики закрывает дверь за братом, потом проходит через кабинет и садится за письменный стол.

Мики *(показывает на стул)*. Пожалуйста!

Вера молча смотрит на цветы, как будто не расслышав.

Мики *(после паузы)*. Как говорили в старые времена: «Молчать — дела не скончать».

Вера. Простите. *(Подходит к вазе с ветками золотого дождя и хочет расставить их по своему.)* Изумительный букет, но мне кажется, что ветки лучше расположить иначе.

Мики. Цветы — хозяйство Тонки, а с ее вкусом лучше не спорить: это может плохо кончиться.

Вера. Так это она превратила ваш кабинет в цветочный магазин?

Мики. Вам не нравится?

Вера. Наоборот. Я очень люблю цветы.

Мики. Это значит...

Вера. ...Что здесь у вас я чувствую себя, как в саду. Причем не просто в саду, а в саду, полном золотого дождя. Как здорово! *(Достаёт блокнот.)* Это же прекрасное название!

Мики. Что?

Вера *(записывая)*. Или можно иначе назвать: золотой дождь в кабинете председателя.

Мики. Прошу вас, спрячьте ваши бумажки.

Вера. Почему?

Мики. Я не люблю, когда... Ну, как бы вам это сказать?.. Когда пишут неправду.

Вера. Какую неправду? Не только ваш кабинет, но и весь город, и не одна улица, а буквально все вокруг утопает в цветах, что в нашей области большая редкость. Вы хотите сказать, что все это мне кажется или, может быть, снится?

Мики. Часть правды — еще не вся правда.

Вера. Именно об этом я и хочу с вами поговорить. Вы должны рассказать мне всю правду о том, как вам удалось это чудо.

Мики. Пожалуйста, не надо громких слов. Объясните, что вы имеете в виду.

Вера. Только то, что всем бросается в глаза.

Мики. Например?

Вера. Например... в вашем городе даже около мусорных ящиков посажена сирень.

Мики. Ну и что же тут особенного?

Вера. А то, что грязная бумага не летает по всей улице... У вас и пыли совсем нет.

Мики. Для этого нужно немного: трава и трудолюбивые руки.

Вера. Почему же до того, как вас выбрали, в городе было пыльно и грязно? Ведь и трава, и трудолюбивые руки здесь всегда были! А горячий источник за городом? Может быть, и тут вы ни при чем?

Мики. Его обнаружили геологи, а то, что

он оказался на нашей территории, никак не моя заслуга.

В е р а. Ну, конечно. Просто раньше тек себе в болоте теплый ручей, и никто не обращал на него внимания. А вы в прошлом году построили рядом с источником оранжерею.

М и к и. Подумаешь! Одна оранжерея, а сколько разговоров!

В е р а. Более того. Затратив незначительные средства, вы умудрились засадить весь город цветами, а теперь даже продаете цветы другим городам.

М и к и. Интересно, есть ли что-нибудь, чего вы о нас не знаете?

В е р а. Я не знаю, как вам все это удалось за такое короткое время. Вы ведь здесь председателем всего второй год.

М и к и. И кого же, по-вашему, это может интересовать?

В е р а. Хорошие примеры надо пропагандировать. По вашим следам пойдут другие.

М и к и. По каким следам? Я не путешественник, не альпинист, не изобретатель, а самый обыкновенный человек, просто у меня, если вас устроит такое объяснение, больше забот, чем у других.

В е р а. Может быть, вы расскажете поподробнее об этих заботах?

М и к и. Вы думаете, это будет интересно кому-нибудь, кроме вас? А почему бы вам лучше не написать, например, о том, что наша славная «Химфа» — одновременно и кормилица и могильщик этого города?

В е р а. Это вы о загрязнении окружающей среды? Почему бы нет? Сегодня это уже проблема дня, а не просто отличительная черта нашего времени. Хотите — верьте, хотите — нет, но наша газета действительно помогла решить немало сложных вопросов.

М и к и. В кроссвордах?

В е р а. Вы положительно начинаете мне нравиться.

М и к и. Да?

В е р а. Я люблю людей с настоящим чувством юмора. К сожалению, их встречается не много.

М и к и. Я бы не сказал.

В е р а. Ну, конечно. По-вашему, любой бы начал рассказывать мне анекдоты, едва познакомившись.

М и к и. Вот чего не умею, так это рассказывать анекдоты.

В е р а. Никогда бы не подумала.

М и к и. Правда? Ладно, шутки в сторону. Нам нужно с вами поговорить об очень серьезных вещах.

В е р а (*достаёт блокнот*). Охотно. Я вся — внимание.

М и к и. Это вряд ли будет очень приятный разговор... И спрячьте, пожалуйста, ваш блокнот.

В е р а. Спрячу... Только вначале прошу вас, будьте любезны, подтвердите мне по крайней мере правильность основных данных. Вы родились здесь. Детство тоже провели здесь. Тут окончили гимназию. Служили в Бржецлаве. После армии вернулись домой. Стали просветработником. Вас выбрали депутатом национального комитета. С прошлого года вы — член президиума и сейчас, наконец, председатель комитета. Все точно?

М и к и. Почти, кроме одного. После окончания гимназии меня не приняли...

В е р а. ...В институт. Я это знаю.

М и к и. Почему же у вас это не записано?

В е р а. Потому что мне известно, что с сентября вы учитесь на заочном экономическом отделении...

Явление четвертое

Те же и Тонка

Тонка (*появляясь в дверях*). Товарищ

председатель! Товарищи из «Химфы» уже здесь.

Мики. Хорошо. Пусть войдут. Скажите, что я их жду.

Вера. А я?..

Мики. Вы же слышали?.. Они пришли в назначенное время.

Вера. Вы мне сказали, что хотите поговорить со мной об очень серьезных вещах.

Мики. Да. Хотел.

Вера. Тогда я подожду, пока они уйдут.

Мики. Придется ждать долго.

Вера. Может быть, вы назначите мне любое другое время...

Мики. Нет. Лучше не надо.

Вера. Но почему?

Мики. О том, что я собирался вам сказать, вы все равно ничего не могли бы написать.

Вера. Не понимаю.

Мики. Вот и прекрасно. (*Прощаясь, подает ей руку.*)

Вера. Нет... нет-нет...

Явление пятое

Те же и Стефан, Валент, Виктор

Валент входит первый, за ним — остальные.

Валент. Не нет, а да. Я бы и сам не отказался принимать таких красивых посетительниц, но молоденькие девушки теперь ко мне не ходят.

Стефан. Красивый председатель — красивые посетительницы. Все логично.

Виктор (*обращаясь к Вере с услужливой улыбкой*). Если вы собрались о нем написать, вам следовало бы прийти ко мне, потому что он, насколько мы его знаем, ничего вам о себе не расскажет.

Вера. Хороший совет дороже золота. Учту на будущее. (*Уходит.*)

Валент (*Виктору*). Вот так-то! Получил? Виктор. Да... современная молодежь!

Мики. Тонка! Приготовьте нам кофе. Вы знаете, кто как любит.

Стефан. Не нужно. Мы к тебе ненадолго. У нас у каждого миллион своих дел.

Валент (*обращаясь к Мики*). Говорят, ты сегодня регистрировал брак директора магазина «Мототехника» с поварихой кафе «У трех сердец»?

Виктор. Нет, вы только подумайте! Ему до пенсии осталось самое большее года два, да и она от него ненамного отстала.

Мики. Есть одна старая пословица...

Виктор. «Любовь не считает годов».

Валент. Но все же ты, должно быть, испытывал странное чувство: регистрировал брак стариков, которые могли бы тебе быть бабушкой и дедушкой.

Мики. Я вначале хотел произнести одну из наших готовых речей, но что-то меня остановило, и я решил сказать им несколько слов так, как подсказывало мне сердце. Это прозвучало, как пожелание от внука. И по-моему, они остались довольны.

Стефан. Мне бы твои заботы!

Мики. Судя по твоему виду, их у тебя хоть отбавляй. Я уже по глазам научился читать, кого что тревожит.

Стефан. Это хорошо. Значит, без долгих разговоров можно перейти прямо к делу.

Мики. Вы пришли ко мне по поводу разрешения на строительство...

Стефан. Которое ты нам до сих пор отказываешься дать без серьезных на то причин.

Мики. Не знаю, что может быть серьезнее, чем то, что я вам уже говорил.

Стефан. По-твоему, это действительно серьезная причина?

Мики. Когда разговор идет о деле, я не

привык шутить. *(Обращаясь к Виктору.)* Товарищ заведующий, напомните нам формулировку моего официального ответа на запрос «Химфы».

Виктор *(после паузы)*. Городской национальный комитет отказывается дать разрешение «Химфе» на строительство дома отдыха в районе горячего источника до тех пор, пока руководство фабрики не приступит к строительству яслей или детского сада в черте города.

Мики. Что в этом обосновании несерьезно? Штефан. Не обижайся, но это смешно.

Мики. Смейся на здоровье!

Валент. Ну-ну-ну! Еще не хватает, чтобы вы сцепились друг с другом, как мальчишки.

Мики. Если в этом есть хоть что-нибудь смешное, то и я охотно погогочу вместе с вами.

Штефан. Скажи мне, пожалуйста, к какому мудрецу ты ходишь за советами. Ведь это же...

Мики. Договаривай, не стесняйся. Ты хочешь сказать, что, когда какой-то там деятель национального комитета осмеливается предложить директору богатого и преуспевающего предприятия реальнее посмотреть на бытовые проблемы, это ни в какие ворота не лезет? Так?

Штефан. Объясни мне, что у тебя за логика? Я ведь к тебе обращаюсь не по производственным вопросам.

Мики. Ты в этом убежден? Хочешь я покажу тебе письма? Одно, два, три... да сколько угодно... И во всех — просьбы твоих же рабочих и сотрудников обеспечить их детей местами в яслях.

Штефан. Ну, погоди, погоди. Это же явная демагогия.

Мики. Может быть, скажешь, что эти просьбы я сам придумываю? Я ежедневно вынужден отвечать людям, что в яслях мест нет.

Штефан. Конечно, если так рассуждать, эти люди, действительно, — мои работники, но,

с другой стороны, они — жители города, в котором ты — мэр.

Валент. Верно. Все они наши, местные.

Мики. Тебя, товарищ Валент, я понимаю. В этой ситуации тебе не позавидуешь: для меня ты — член городской партийной организации, а для товарища Штефана — его сотрудник и председатель фабкома «Химфы». Тебе известно положение в городе, и в то же время ты прекрасно знаешь проблемы, волнующие директора «Химфы». Ты можешь поддержать только одну из сторон. Но которую? Это тебе должна подсказать твоя совесть.

Валент. Ты сейчас как две капли воды похож на своего покойного отца.

Виктор. А что, если бы мы попытались найти компромиссное решение?

Мики. В данном случае я — против.

Виктор. Правильная политика, кто бы ее ни проводил, не исключает этой формы решения.

Штефан. Помилуйте, какие компромиссы? У меня на фабрике есть свои задачи, определенные государством, и я не обязан выполнять предвыборные обещания членов национального комитета.

Мики. Свои обещания мы всегда выполняли и выполняем. Даже больше, чем на сто процентов. Ты это прекрасно знаешь.

Штефан. В таком случае построить одни несчастные ясельки — не проблема для национального комитета.

Мики. Но ты ведь знаешь, что мы уже построили одни. Комитет располагает ограниченными средствами, а нужд у города много — не только ясли. Так что при тех возможностях, которые есть у тебя, эти, как ты сказал, несчастные ясельки не должны были бы доводить тебя до бешенства.

Штефан. Интересно, кто здесь бешеный?

Мики. Извини. Не хотел тебя обидеть.

Штефан. Давай поговорим откровенно,

как мужчина с женщиной. Я бы охотно избавился еще от одной неприятной обязанности...

Мики. Я до сих пор не старался избавляться от своих обязанностей.

Штефан. Только, пожалуйста, не рассчитывай, что тебе удастся вдохновить меня на строительство этих яселек.

Мики. Хорошо. Если тебя не будет мучить совесть, значит, наш разговор закончен.

Штефан (*встает*). Ты что, выгоняешь меня?

Валент. Товарищи! Я только с одним не согласен...

Штефан. Я спрашиваю, это твое последнее слово?

Мики. Если желаешь, я могу все повторить еще раз.

Виктор. А что, если мы подойдем к этому с другого конца?

Валент. Ну, что же, Виктор! Посоветуй нам. Ты все же старый строитель, специалист...

Виктор. Меня здесь никто не слушает...

Валент. Давай твое предложение. Мы его обсудим. Три головы — хорошо, а четыре — еще лучше.

Штефан. Возможен только один выход. Или-или. У меня больше нет желания спорить. Если городские власти не желают, чтобы для рабочих был построен фабричный дом отдыха, то — пожалуйста... В этом случае нам говорить не о чем. Постараемся, чтобы нас поняли где-нибудь в другом месте. Хотя я наперед знаю, как к нам отнесутся где угодно, когда мы изложим свою просьбу. Люди ищут место для отдыха, а тут рядом с собственным городом бьет теплый источник, но им пользуются не люди, а утки.

Валент. Что правда, то правда.

Штефан. Кроме того, уважаемые, вы сами можете представить, что значила бы такая стройка для всего нашего города? Круглый год золотой дождь!

Виктор. Вполне возможно.

Штефан. А если здесь будет курорт...

Виктор. Тогда сюда повалит народ со всего района. А если еще пустить слух, что источник не только горячий, но и целебный, приедет полреспублики.

Мики. Так и вижу, как вы прогуливаетесь под белыми колоннами.

Виктор (*Валенту*). Он был бы не он, если бы не перевел все в шутку.

Штефан. Взгляд в будущее никому еще не вредил. Не отрицаю, что для этого нужен определенный жизненный опыт и, главное, хозяйский подход к вещам.

Мики. Возможно, я слишком молод и еще не накопил опыта...

Штефан. Вот именно. А ты еще берешься поучать меня, немолодого человека.

Мики. Ты просто боишься стать первым руководителем предприятия, которого на совещании у генерального директора подымут на смех за то, что он построил сверх нормы одни ясли для детей своих рабочих?

Штефан. Дом отдыха мне нужен не для себя лично, не для моих детей, а для тех же самых рабочих, которые имеют право после тяжелой, изнурительной работы немного отдохнуть в приятной обстановке. Приди к нам на фабрику хоть раз. Посмотри. Подыши аммиаком в любом цехе. Любопытно, что ты скажешь после этого? Собственными глазами увидишь, как там несладко. Кроме того, прежние директора «Химфы» многое обещали рабочим, но ничего не выполняли. Когда меня назначили на эту должность, я дал рабочим слово... Мы договорились, что выведем фабрику из заколдованного круга. Удалось сделать немало, хотя было не так легко, как может показаться на первый взгляд. Сейчас «Химфа» процветает, и я не могу кормить людей обещаниями: мол, подождите, товарищи, еще несколько лет, потому что сначала нужно то, а потом другое! Что

эти люди обо мне подумают? У нас даже некогда захудалые сельхозкооперативы понастроили дворцов по всей республике, только у «Химфы» до сих пор ничего нет, потому что мы думаем прежде всего о выполнении производственного плана... Если уж эти аргументы на тебя не действуют, то познакомься со статистикой фабричной поликлиники. Она по крайней мере должна произвести на тебя впечатление. Мы ее по вполне понятным причинам не публикуем, но здоровью человека...

Мики. Ты действительно так глубоко убежден, что для счастья и здоровья наших граждан не хватает только дома отдыха у горячего источника?

Штефан. Чего им хватает и чего не хватает — об этом судить не только нам с тобой.

Мики. Что касается лично меня, я готов прийти на фабрику когда угодно, хоть завтра. Собери общее собрание, я выступлю и докажу рабочим, что твой проект еще может подождать. А потом я устрою общее собрание жителей нашего города, ты на нем выступишь и объяснишь, по каким причинам не желаешь помочь общему делу.

Штефан. Это уже вымогательство. Не сердись, товарищ председатель, но времена таких методов давно прошли. С ними покончили еще наши предшественники. «Глас народа — глас божий» — теперь это не современно.

Мики. Я общественного мнения не боюсь.

Штефан. Хочешь сказать, я боюсь?

Мики. Я тебе предложил разделить трудности в решении стоящих перед нами задач.

Штефан. К счастью, ты еще не ставишь передо мной никаких задач.

Валент. Хватит! Смех, да и только — два таких замечательных руководителя и не могут договориться. Что о вас люди скажут? Об этом вы, конечно, не подумали!

Мики. Товарищ Валент. Ты же сам прекрасно знаешь, что говорят люди. Все вокруг

недоумевают, кому это вдруг так невтерпеж построить дом отдыха?

Штефан. Ну-ка, ну-ка... любопытно.

Виктор. Боже мой... Сплетни... Какое они имеют отношение?

Штефан. Никакого. Но раз уж они оказывают на председателя такое влияние, то, думаю, пришло время выложить все начистоту.

Мики. Если не возражаешь, я посвящу тебя в эти сплетни, чтобы уберечь и твою репутацию!

Штефан. Благодарствую. У меня, к счастью, есть одно большое преимущество — я ни к чему сомнительному не причастен и ни в чем не замешан.

Мики. Тем лучше. По крайней мере быстрее откажешься.

Штефан. Мне не от чего отказываться.

Мики. Оборотистые люди умудрились очень ловко раскупить земельные участки около горячего источника еще до моего вступления в должность. Они собираются построить там себе дачи. Пока никто из них еще не приступил к строительству, потому что все они ждут, когда начнется большая стройка поблизости...

Штефан (*вскакивает*). Так вот в чем дело! Это переходит все границы! Ты подозреваешь меня в воровстве!

Мики. Ничего подобного я не говорил.

Штефан. Откуда только к тебе приходят подобные мысли? (*Опускается на стул, достает из кармана таблетки и начинает неумело отрывать уголок целлофана.*)

Явление шестое

Те же и Тонка

Тонка (*вносит в кабинет поднос с кофейными чашечками*). Я немного задержалась. С этой водой...

Валент. Опять не течет?

Тонка. Течет, только...

Мики. Принесите побыстрее стакан воды товарищу директору.

Тонка выбегает, остальные берут кофе. Слышно, как в тишине позвякивают ложечки.

Виктор. Да... конечно... Если так рассуждать, то логика простая, товарищ председатель. И все понятно. В нашем городе все делается своими силами, и после нас останется только то, что мы сами построим.

Мики. Тонка! Где вода?

Штефан (глотает таблетку и запивает кофе). Спасибо. Уже не надо.

Тонка (входит и с несчастным видом подает на подносе стакан мутно-коричневой воды). Не знаю... Ничего не понимаю... Вот что течет из крана.

Все пристально смотрят на стакан с водой, который секретарша ставит на стол.

А кофе мне пришлось сварить на минеральной воде.

Валент (берет стакан). У нас дома уже вчера текла мутная вода.

Виктор. О боже! (Берет у Валента стакан.) Этого нам еще не хватало. Явно какая-то неполадка.

Звонит телефон.

Тонка (берет трубку, слушает, затем передает ее Мики). Вас.

Мики. Слушаю... Да... Где?.. Резервуар? Принимаете меры? Какие?.. Да, какие?.. Черт возьми! Что вы спрашиваете меня? Я же не специалист!.. Да. Иду. Конечно. (Кладет трубку.)

Виктор. Кто звонил?

Мики. Механики. Это не просто неполадка, а авария. Уже третий день мы пьем нефть. (Выбегает из кабинета.)

Тонка. Товарищ председатель? Куда вы? У вас же посетители... кофе...

Сцена погружается в темноту. Звучит тревожная музыка.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Спустя десять дней. Там же.

Явление первое

Тонка и Мики.

Звонит телефон.

Тонка (*входит в кабинет с маленькой лейкой в руках, снимает трубку*). Алло!.. Нет. Еще не пришел... Скоро будет... Лучше не сейчас: у него совещание... с медработниками... До обеда... Что? Плохо слышно. Да, санитарная комиссия. Что может быть важнее? Как вам не стыдно так спрашивать? Меня не интересует, кто вы такой. У нас здесь тоже не лавочка! (*Кладет трубку*.) Нахал какой-то.

Мики (*останавливается в дверях*). С кем это вы ругаетесь, Тонка? Да еще с самого утра.

Тонка (*начинает поливать цветы*). Им бы хотелось, чтобы мы здесь работали даже ночью.

Мики (*заглядывает в лейку*). Тонка! Что вы делаете?

Тонка. Надеюсь, вы не думаете, что я стану поливать цветы этой грязью из водопровода.

Мики. Мы возим питьевую воду за пятнадцать километров. Каждый стакан воды — на вес золота. Мы сами издали строгие распоряжения и приказы, а вы, моя дорогая, как вы расходуете драгоценную жидкость?! Люди в очередях стоят за водой.

Тонка. От вас ничего не скроешь.

Мики. Из Красного Креста пришли?

Тонка. Ждут вас. (*Показывает на двери, ведущие в конференц-зал*.)

Мики. Столько женщин, и такая тишина!
Тонка. Я думаю, сейчас всем не до смеха.
Мики. Если позвонят из района, соедините их с Виктором. Я положил ему на стол все данные о ситуации на сегодняшний день. Сразу же после обеда пойду посмотрю, как ведутся земляные работы. Для бригад добровольцев, в том числе и шоферов, составлен план работ. Если придет или позвонит мама...

Тонка. Интересно, что ей сказать?

Мики. Что сегодня я, наверное, буду ужинать дома.

Тонка. В одном вам, несомненно, повезло...

Мики. Знаю, что вы хотите сказать.

Звонит телефон.

Возьмите трубку, а я пойду, пока те не разбежались. (*Идет в конференц-зал*.)

Тонка. Алло!.. Да. Здесь, но на заседании... Кого? Заместителя? Он болен... уже давно. Я вас соединю с заведующим отделом строительства.

Явление второе

Тонка и Виктор

Виктор (*входя в кабинет*). Не соединяйте. Я здесь. (*Берет трубку*.) Виктор. Да... Чего нет? Воды? Вы думаете, для меня это новость?! Как?.. Не на чем готовить? Откуда вы говорите?.. Из фабричной столовой?.. Прошу вас, не кричите так, я вас прекрасно слышу... Да, понимаю. Шестьсот человек останутся без супа. Да, положение тяжелое! А почему вы не запаслись водой с утра? Что? не было машины? Хорошо, поможем... поплем... (*Кладет трубку*.) Тонка! Вы слышали? Нет воды для супа.

Тонка. Я сейчас зайду к дежурному диспетчеру. Только что звонили из школы — у них там то же самое.

Виктор. Вот ведь неприятность!

Звонит телефон.

Тонка! Возьмите трубку!

Тонка. Да. У телефона... Район?.. Звонят из районного центра. (Виктору.) Возьмите трубку.

Виктор. Я?

Тонка. Товарищ председатель оставил вам все инструкции на столе.

Виктор. На столе... на столе...

Тонка. Минуточку. Передаю трубку заведующему отделом строительства.

Виктор. Алло? Честь труду, товарищ заместитель! Да, это я, Виктор. Ну, как тебе в двух словах сказать. Пока держимся. Делаем все, что можем. Помощь нужна: по крайней мере четыре цистерны. Не можем обеспечить все улицы... Когда? Если можно, то прямо сейчас. Дорога каждая минута. Будем тебе очень благодарны. Да, да... Друзья познаются в беде. Это и я говорю... Алло? Так... Вот что? Значит, ты звонишь насчет труб? Нам нужно девятьсот пятьдесят метров... Да, километр. Что?.. Нет?.. Невероятно... Как нет?.. Это же для нас катастрофа. Мы на них твердо рассчитывали... траншею уже вырыли... Что? Кто нам разрешил копать? Ну, знаешь... Я лучше позову председателя. Он здесь. На совещании. Подожди... Тонка! Попросите сюда председателя!

Тонка. Но ведь он...

Виктор. Позовите! Тут все гораздо серьезнее, чем кажется.

Тонка. Пропшу вас, позовите его сами, а я подержу трубку.

Виктор идет в конференц-зал.

Тонка. Минуточку, пожалуйста. Сейчас подойдет. Да, это я... Вы уже слышали? Такое невезение. И надо же, чтобы это случилось именно у нас. Если бы вы помогли нам трубы достать, через несколько дней все снова было бы в порядке. Я... да, но... Я ни во что не вмешиваюсь, я только говорю, что люди... Знаете, целый город без питьевой воды... нет, это совсем не легко себе представить...

Явление третье

Те же и Мики

Мики входит вместе с Виктором.

Виктор. Кричит на меня: «Кто вам разрешил рыть траншею?!»

Мики (берет трубку). Бенедик слушает. Да. Что?.. Так и понимать. Чего же нам нужно было еще ждать?.. Извини, пожалуйста, какие машины? Людям было сказано: аварию ликвидируем, но для этого нужно выкопать траншею и уложить трубы до соседнего водоотвода. Ты бы видел, как они работали! Километровая траншея была вырыта буквально за несколько часов... Что?.. Дисциплина планирования?.. Мы ее нарушили?.. Но ведь аварию мы не планировали!.. Сколько времени мы, по-твоему, должны носить воду в чайниках? А тут есть такая возможность... Согласовать? Боже мой! С кем?.. Вы не поддержите? У соседей есть питьевая вода, а мы... Инженеры все просчитали. Водонапорная станция выдержит... Что? Не раньше, чем через полгода? Это невероятно... План... План не может идти вразрез с интересами общества... Да, я понимаю... Общество. Все общество... Только я должен буду объяснить людям

этого общества... Ты приедешь? Ты объяснишь? Ну вот видишь, не приедешь. Я тебя не ловлю на слове, а просто спрашиваю... В ситуации, когда мы сами нашли оптимальное решение, когда мы создали условия... Теперь люди должны полгода любоваться пустой траншеей?.. Что? Мы не имели права ее копать?.. На собственный страх и риск?! Да ведь в городе живет шесть тысяч человек, и я это делал не на собственный риск. Людям все известно... Что?.. Я настраиваю их против районных властей? Такое никому и в голову не приходило. Последствия? Какие последствия? Алло?..

Тонка. Вас прервали?

Мики. Возможно, он положил трубку.

Виктор. Ну и дела! Я ведь говорил, что с трубами мы еще помучаемся.

Мики. Плановое хозяйство. В лучшем случае через несколько месяцев, а то и через полгода. Веселая перспектива!

Виктор. Поспешили мы с этой траншеей. Опыт подсказывает...

Мики. Тише едешь — дальше будешь. Только в подобных ситуациях эта мудрая пословица может идти к...

Тонка. Ну, товарищ председатель!

Мики. Поняли, что я хотел сказать? Вот и хорошо.

Виктор. Он пообещал мне еще четыре цистерны. Не мешало бы ему об этом напомнить.

Мики. Если район отказывает, придется обращаться в область.

Виктор. Там скажут то же самое.

Мики. Почему ты так думаешь?

Виктор. Порядок есть порядок, и каждое уважающее себя государство его придерживается.

Мики. Хорошо, что мне об этом напомнил именно ты.

Тонка (*выходит и тотчас же возвращается*). Это к вам.

Мики. Я на комиссии.

Тонка. Там ваш брат.

Мики. Пусть подождет.

Тонка. Говорит, что по неотложному делу.

Мики. Он что, снова надумал жениться?

Тонка. Вот уж чего не знаю, того не знаю.

Мики. Ведь вы же всегда все знаете, Тонка. Ну ладно, пусть войдет.

Виктор. Может, мне позвонить в район, раз уж нам обещали четыре автоцистерны?

Мики. Сначала загляни в конференц-зал, к медработникам. Посиди там, пока я вернусь.

Явление четвертое

Мики и Илья

Илья (*появляется в дверях с радостной улыбкой*). Привет, братишка!

Мики. Привет! Ты, братиславчанин, в последние дни чаще бываешь дома, чем я.

Илья. Но сегодня я приехал не по своим делам.

Мики. Вот это новости! Держи меня, а то сейчас упаду!

Илья. Тогда лучше садись и слушай внимательно, что я тебе скажу. Знаешь такую пословицу...

Мики. Отстань! Я уже больше не могу слушать пословицы.

Илья. Не знаю, кто тебя ими так донимает, но я вот что хочу сказать... Как говорится, «кто скоро помог, тот дважды помог».

Мики. Прекрасная пословица, но хотел бы знать, что ты имеешь в виду. Или ты собираешься развлекать меня болтовней?

Илья. Спокойно, Мики, спокойно! Как говорит другая пословица, «горячность мешает, спокойствие помогает».

Стук в дверь.

Мики. Короче!

Илья. Я слышал, что ты попал в передрягу.

Мики. Уж не хочешь ли ты мне помочь?

Илья. А почему нет? Ты меня не раз выручал, теперь очередь за мной.

Мики. Прости, Илья, но что ты можешь?

Илья. В Братиславе я встретил твоих инженеров. Мы же вместе учились. Так вот, они мне сказали, что тебе нужен километр труб. А где их достать?

Мики. Да, труб нет. Это правда.

Илья. Я бы сказал — полуправда.

Мики. То есть как это?

Илья. Да так. Нет таких вещей, которых нельзя было достать.

Мики. Илья!

Илья. Слушай, дубрава, что лес говорит.

Мики. Так, по-твоему, трубы...

Илья. ...Можно достать.

Мики. Где?

Илья. Там, где они есть.

Мики. Как?

Илья. Очень просто.

Мики. Ты понимаешь, что бы это для нас значило?

Илья. Понимаю.

Мики. Девятьсот пятьдесят метров.

Илья. Неужели из-за какого-то километра труб я оставлю в беде своего брата, мэра этого города?

Мики. Речь идет не обо мне.

Илья. Я знаю. Для тебя главное — город. Но не забывай, что я тоже родился здесь. А земляк всегда протянет руку помощи земляку, тем более что рука руку моет.

Мики. Как это понимать?

Илья. Так, как слышишь.

Мики. Подожди, ты что, предлагаешь мне нечестный путь?

Илья. Знаешь, не смей меня. Ты не вчера родился.

Мики. Если это какое-то ловкачество, я отказываюсь.

Илья. Слушай, Мики.. на честный вариант в твоём положении надеяться нечего. Тебе всюду скажут то, что ты уже слышал: труб нет и не будет.

Мики. Я не желаю заниматься никакими махинациями! Дело касается...

Илья. ...Интересов широкой общественности. В таком случае у тебя не должны дрожать коленки, когда придется выложить за трубы часть денег из резервного фонда.

Мики. Нет!

Илья. Надеюсь, ты понимаешь, что трубы тебе достанут не за красивые глаза.

Мики. Илья! Ведь это самая большая подлость: строить свое счастье на несчастье других.

Илья. Советую тебе как будущему инженеру-экономисту посчитать, во что обойдется эта авария всему городу, если вы и дальше будете возить воду машинами. Пока — это тысячи, но когда дело затянется на недели, а потом на месяцы... Гораздо разумнее и экономически эффективнее было бы поставить кому надо...

Мики. Бутылку?

Илья. Зачем так грубо? Скажем ласковее — бочечку... Одну или две. И, будь уверен, все тотчас же нормализуется, войдет в свою колею... Разве за это грешно заплатить?

Мики. Нет. В такие игры я не играю.

Илья. Как прикажешь это понимать?

Мики. Ты же прекрасно знаешь, что я не из тех, которые...

Илья. Конечно! Ты — Бенедик, сын своего отца, который в свое время отказался снять трубку и позвонить, чтобы помочь собственному сыну. Но в данном случае речь идет не о тебе, а о людях. А это, я бы сказал, огромная разница.

Мики. Нет.

Илья. Подумай хорошенько.

Мики. Я повторяю: нет.

Илья. Посуди, что тебя ждет, когда за тобой закрепится слава неспособного и неумелого работника? Взвесь все сам. Мне эта взятка не нужна, ей-богу. И если я собираюсь тебе помочь, то только потому, что действительно не хочу, чтобы тебя уволили. Пойми же ты наконец, что чистыми руками действуют только любители, а ты должен вести себя, как профессионал.

Мики. Знаешь что? Скажи своим вновь испеченным друзьям, что если они могут с легким сердцем брать от нас то, что им не принадлежит, если они вконец потеряли совесть, то мне... то нам стыдно за них... За них и за тех, кто их поддерживает.

Илья. Успокойся, Мики... Успокойся! Да, чуть не забыл. Тебе привет от Веры.

Мики. Спасибо.

Илья. Надеюсь, ты придешь домой вечером. Нам бы надо поговорить и о личных делах. Я помогу тебе, а ты поможешь мне убедить маму. Ее первая встреча с Верой прошла не лучшим образом. Мама слишком консервативна...

Явление пятое

Те же и Валент

Валент (в дверях). Не помешаю?

Мики. Входи. Мы закончили!

Валент (подает руку Илье). Валент.

Мики. Ты что же, не узнаешь нашего Илью?

Валент. Илья Бенедик? Не узнал! Вот что значит редко видимся.

Илья. Я здесь не часто бываю — нет времени. Сами знаете, как оно дорого в наш век. Ну ладно... привет... (Уходит.)

Валент (глядит ему вслед). Твой брат красавец. Рослый, как отец.

Мики. Да. Красавец. Этого у него не отнимешь.

Валент. Сидим мы тут напротив, в банке, с нашим директором, смотрю — идет твоя Тонка. Кстати, это она мне шепнула, что звонили из района.

Мики. Правильно шепнула.

Валент. Ужасно! Для них пара месяцев — чепуха, а для нас... Послушай, председатель... Садись. У меня уже второй день не выходит из головы одна идея...

Мики. Какая? Надеюсь, хоть ты обойдешься без пословиц.

Валент. Пошли за ним Тонку.

Мики. За кем?

Валент. Да за Штефаном, нашим директором.

Мики. А какое отношение имеет он к твоей идее?

Валент. У нас на фабрике есть резервные...

Мики. Трубы?

Валент. Может быть, он их отдаст.

Мики. Ты с ним говорил?

Валент. Я — нет. Поговори ты.

Мики (после паузы). Тонка!

Валент (обращаясь к Тонке). Сходите в банк. Скажите нашему директору, пусть придет сюда. Есть срочное дело.

Мики (когда Тонка закрывает за собой дверь). А что, если он поставит условие?

Валент. Какое?

Мики. Ты же знаешь, почему мы с ним не можем найти общий язык.

Валент. Надеюсь, что согласится. Ведь все же авария.

Мики. Должен бы... Кстати, анализ воды показал, что она испорчена вашими отходами.

Валент. Это легко сказать — нашими отходами. Нашими! Здесь все наше.

Мики. Напрашивается вопрос, какие меры предосторожности принимались у вас на фабрике, чтобы отходы не просачивались в землю?

Валент. Таких вопросов ты ему, пожалуйста, не задавай. Лучше тогда вообще не звать его сюда.

Мики. Я уж думал, не поехать ли мне самому в областной центр, но все кругом говорят, что ради нас там заседать не станут.

Валент. Да и не надо. Проще было бы вам со Штефаном разумно поговорить друг с другом.

Мики. Разумно, с твоей точки зрения, означает...

Валент. Что вы не будете подозревать и ругать друг друга.

Мики. А он действительно обиделся?

Валент. Штефан — прекрасный мужик. Таких директоров немного. Посмотри, сколько он сделал для фабрики. Это тебе любой подтвердит, потому что все видят это собственными глазами.

Мики. Но когда он выходит за ворота фабрики, его ничто больше не волнует.

Валент. Нет, не совсем так.

Мики. Хочешь сказать, что насчет яслей я не прав?

Валент. Этого я не говорю. Ты прав. Но, несмотря на это, вы должны и можете договориться. Согласись, он немного старше тебя, да и опыта у него побольше.

Мики. Советуешь мне отойти от наших общих принципов?

Явление шестое

Те же и Штефан

Тонка. Пожалуйста, товарищ директор.

Валент. Извини, что мы тебя так без предупреждения...

Мики (*подает ему руку*). ...Вытащили. Да к тому же из банка.

Штефан. Догадываюсь, почему вам так нетерпелось.

Мики. Тем лучше. Значит, можем сразу же приступить к делу.

Штефан. Ну и сколько же тебе надо?

Мики. Девятьсот пятьдесят метров.

Штефан. Метров? Ты хотел сказать «тысяч». А может быть, для круглого счета — миллион?

Мики. Какой миллион? Один километр.

Штефан. Мы что, на разных языках говорим, что ли?

Мики. Не знаю, что ты имеешь в виду.

Штефан. Я говорю про штраф, который вы рассчитываете с меня получить за загрязнение земли и воды. Только у вас ничего из этого не выйдет. Я не дам ни кроны. Кроме того, эти процессы происходят не по моей вине. Мы уже составили подробный протокол. Нормы безопасности не нарушены ни на йоту.

Валент. Но мы-то хотели поговорить совсем о другом.

Мики. Разумеется, этот миллиончик был бы для нас совсем не лишним, но сейчас мы действительно говорим не о нем.

Штефан. А о чем?

Валент. Председатель уже сказал — нам нужен километр труб...

Мики. Которые лежат у тебя на фабрике...

Штефан. Как резерв. Но я не могу его использовать.

Мики. Даже в случае аварии?

Штефан. Если бы авария произошла у меня, на фабрике.

Мики. А она, такая-сякая, перепутала двери.

Валент. Товарищ директор, если бы можно было...

Мики. Речь идет лишь о временной помо-

щи. Мы эти трубы получим и тотчас вам вернем.

Валент. Нам их твердо обещают через пару месяцев.

Штефан. Но кто из вас может поручиться, что за это время у меня на фабрике не произойдет ничего непредвиденного? Знаете, чем бы это грозило? Миллиардными убытками. Под угрозу встало бы производство у десятков заказчиков, и не только наших, но и зарубежных.

Мики. Мы, конечно, не гарантируем, что за это время на «Химфе» ничего не случится, но ты в конце концов мог бы войти в наше положение.

Штефан (Валенту). Ты понимаешь, что значит обеспечивать работу химического предприятия?

Валент. Меня тут убеждать незачем.

Штефан. Поэтому меня удивляет, что ты...

Мики. Он не только сотрудник «Химфы», но и житель этого города!

Штефан. Ты, может быть, думаешь, что я или моя жена не стоим вместе с другими в очереди за водой?

Мики. Могли бы и не стоять... У нас все уже подготовлено. Граншей вырыты. Остается уложить трубы и подсоединить их к новому распределителю.

Штефан. Чересчур большой риск.

Мики. Когда люди узнают, что ты мог помочь, но... Тут ты уже рискуешь доверием, а это...

Валент. Подожди, не торопись. О таких делах следует говорить спокойно.

Мики. Если ты, товарищ Валент, ждешь, что я, загнанный в тупик, сейчас пообещаю ему подписать разрешение на строительство дома отдыха, а он, платя услугой за услугу, даст мне трубы, то ты ошибаешься! Это было бы вымогательством.

Штефан (встает). Кто здесь вымогатель? Не я к вам пришел, а вы меня сюда позвали.

Мики. Если действительно не можешь, то ничего не поделаешь. Будем искать помощь в другом месте. Возможно, там нас поймут лучше, чем дома, среди своих.

Штефан. Не понимаю, зачем при этом выпендичиться?

Мики. Извини, уж такой я человек.

Штефан. Да и слова ты мог бы выбирать поосторожней. Вымогать — это, с моей точки зрения...

Мики. Ты дашь трубы или не дашь? Поможешь или нет?

Штефан. Не кажется ли тебе, что в данном случае вымогатель — ты.

Мики. У тебя есть возможность... честно взглянуть в глаза общественному мнению.

Штефан. Знаешь, дорогой товарищ председатель. Ты с этой своей принципиальностью начинаешь мне действовать на нервы. Разыгрываешь из себя ангела, а сам при этом затушевываешь недостатки, да еще как!

Мики. Докажи!

Штефан (достаёт из кармана газету и протягивает её Мики и Валенту жестом победителя). Пожалуйста! Это, по-вашему, что?

Мики и Валент читают.

Валент. «Золотой дождь в кабинете председателя».

Штефан. Репортаж. Настоящий панегирик. Самый молодой и самый выдающийся человек во всей округе и в городе, невиданно расцветшем под его руководством. Милая журналистка пишет о цветах, но многое можно прочитать и между строк. В том числе в этой статье говорится и о явном непонимании, проявляемом некоторыми руководителями предприятий по отношению к деятельности председателя. А вот о главном, о том, чем живут люди в этом городе сегодня, нет ни слова.

Валент (складывает газету и кладет её на

стол). Да, это правда. Не надо было ей писать. Тем более сейчас.

Мики. Она была здесь до аварии, и вам хорошо известно, что я просил ее ничего обо мне не писать.

Штефан. Но тем не менее она написала, а люди, о доверии которых идет речь, сами сделают выводы. *(Демонстративно покидает кабинет.)*

Валент. Подожди! *(Повернувшись к Мики.)* Не пускай его!

Мики. Пусть идет!

Валент. М-да... нашла коса на камень.

Мики *(берет со стола газету)*. Ведь я же ее просил, чтобы она не писала.

Валент. Ну ее к черту... А газету брось в корзинку. Завтра выйдет новая газета, в ней будут писать о чем-нибудь другом. Эту писанину люди забудут, а вот воду...

Явление седьмое

Те же и Виктор

Виктор *(выходит из конференц-зала)*. Товарищ председатель!

Мики. Иду!

Виктор *(загораживает дверь)*. Пришли из поликлиники. Беда! Первые два случая. Подозрение на тиф.

Валент. Мики! *(Хватает его за плечо.)* Слышишь? Мы что же, должны подохнуть из-за твоего упрямства? Звони Штефану! Сейчас же ему звони!

Мики. Нет, ему не буду.

Валент. Что ты собираешься делать?

Мики. Оставь меня. Дай минуту подумать.

Валент. О чем?

Мики. Я знаю, что с поля боя убежать нельзя.

Валент. Ты бы этого и так никогда не сделал.

Мики. В таком случае... нам надо самим вступить в бой.

Через открытое окно с площади доносится бой часов.
Сцена погружается в темноту.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Там же. Поздний вечер. Слышно, как вдали на башне бьют часы.

Явление первое

Мики и Тонка

Мики (*сидит, обхватив голову руками, перед разложенными на письменном столе бумагами. Когда в тишине раздается последний удар часов, он встает и начинает что-то искать в ящиках стола. Он решает уже позвать Тонку, но передумывает. Достает бумажник, открывает его и вынимает оттуда маленькую фотографию отца. Смотрит на нее, потом кладет перед собой на стол*). Отец! Что бы ты сделал... на моем месте?

Тонка (*открывает дверь из приемной*). Вы меня звали?

Мики (*после паузы*). Нет. Не звал.

Тонка. Мне показалось, что вы что-то говорили. (*Включает свет.*)

Мики. А вы, Тонка? Что вы здесь еще делаете? Ведь уже поздно.

Тонка. Надо было закончить отчет.

Мики. Отчет подождет.

Тонка. Меня он ждать не будет. А вы? Домой не собираетесь?

Мики. Собираюсь.

Тонка. Когда?

Мики. Завтра у нас заседание совета.

Тонка. Неужели вы из-за этого собираетесь здесь ночевать?!

Мики. Ах, Тонка.

Тонка. Мама ждет, что вы придете ужинать. Она уже два раза мне звонила.

Мики. И что вы ей сказали?

Тонка. К вам в гости приехал брат. Нехорошо... Да и подумайте, сколько придется мыть посуды второй раз...

Мики. Боже мой, посуда...

Звонит телефон.

Тонка. Ну вот... Возьмите трубку. Это наверняка она. Интересно, как вы ей объясните.

Мики. Слушаю... Да. Бенедик. Что?.. Звоните, пожалуйста, на водонапорную станцию. Там есть диспетчер... Как?.. Не поднимает трубку?.. Проверю... Конечно... Как называется ваша улица?.. Строителей?.. Спокойной ночи.

Тонка. Что ни говорите, ваша мама права...

Мики. Когда она жалуется, какой у нее плохой сын.

Тонка. Вы все шутите, но когда от недосыпания, недоедания и нервозности у вас появится язва или какая-нибудь другая болезнь еще похуже, вот тогда-то...

Мики. Что же будет тогда, душа моя золотая?

Тонка. Когда вы начинаете говорить «душа моя золотая», я сразу понимаю, к чему вы клоните — ухожу, ухожу. Не забудьте все здесь запереть.

Мики. А утром вы...

Тонка. Если утром я снова, как вчера, застаю вас спящим на стуле, даю слово, я возьму расчет.

Мики. Прошу вас, Тонка, что угодно, только не это!

Тонка. Вы как ваш отец — если бы он не переутомился и не старался делать все за всех, он бы еще жил и жил. Но, как говорится,

мудрому не советуй, к сильному не лезь. Вам что, хочется умереть в расцвете лет, оставить жену и детей на произвол судьбы?

Мики. У меня их нет. Ни жены, ни детей...

Тонка. Давно пора обзавестись семьей.

Мики. Тонка! Душа моя золотая...

Тонка. Знаю, знаю. «Душа моя золотая» значит «до свидания, оставьте меня в покое, не приставайте ко мне со своими бабскими советами, не действуйте мне на нервы»... Я уйду, но постарайтесь не забыть, что я сказала.

Мики. Постараюсь.

Тонка. Потом пожалеете, что меня не послушали, но будет уже поздно. А то вы только и думаете что о городе, о других людях, а они привыкают и считают это само собой разумеющимся.

Мики. Вы хотите сказать, что...

Тонка. ...Нужно иногда думать и о себе. Такой замечательный председатель и — холостяк! Скоро над вами смеяться начнут.

Мики. Пока что, Тонка, как видите, я в грязных рубашках не хожу и носки мне штопать не надо.

Тонка. Ну хорошо, хорошо. Считайте, что я вам ничего не говорила. Вы ведь знаете, что дело вовсе не в грязных воротничках или рваных носках.

Мики. Разумеется. По-вашему, моей маме мало одной внучки, а у меня на сегодняшний день нет других забот?..

Тонка. На сегодняшний день! А завтра? Разве завтра эти заботы кончатся?

Мики. Тонка, золотая. Обещаю вам, как только мы ликвидируем аварию...

Тонка. Что тогда?

Мики. Немедленно влюблюсь в первую же девушку, которую вы мне порекомендуете.

Тонка. Магда этим летом кончает институт.

Мики. Магда?

Тонка. Очень хорошая девушка.

Мики. Она небось уже подыскала себе теплое местечко в Братиславе.

Тонка. Я думаю...

Мики. ...Что она вряд ли предпочтет когонибудь из здешних парней?

Тонка. Если бы этот здешний оказался настоящим мужчиной, то все братиславчане должны были бы ему уступить.

Мики. Да ну? Кстати, из поликлиники не звонили?

Тонка. Нет.

Мики. Я распорядился, что в том случае, если...

Тонка. Возможно, это и не тиф. Дети тащат в рот что угодно, и вода, может быть, совершенно ни при чем.

Мики. Хорошо, если так.

Тонка. И не вздумайте поливать цветы всякой грязью. Если вам жалко воды из цистерны, я принесу из дома. Из колодца.

Мики. Этот ваш бы колодец — да на городскую площадь!.. Надеюсь, утром у нас будет достаточно машин.

Тонка. Машин-то хватит, а вот шоферов...

Мики. Мне вообще-то обещали. Ну а в случае чего...

Тонка. ...Вы сами тоже поедете развозить воду.

Мики. А что тут особенного? В прошлый раз ничего со мной не случилось. По крайней мере я послушал, что говорят люди в очереди за водой. А они выслушали меня. На мой взгляд, у нас с ними получился интересный и полезный разговор.

Тонка. Я здесь работаю двадцать пять лет. За это время сменилось четыре председателя, но ни один из них ничего подобного не делал. Вы, конечно, молодой, но все же...

Мики. ...Представляете солидное учреждение. Вы это хотели сказать? Ничего, еще будет время стать посолиднее.

Тонка. Ой, чуть не забыла. Вам звонил Валент.

Мики. Что он хотел?

Тонка. Ничего. Просто заинтересовался, звонили ли вы директору Штефану.

Мики. Что вы ему ответили?

Тонка. Сказала, что вы не звонили.

Мики. Ну и правильно сделали.

Тонка. Валент всем говорит, что без Штефана нам аварию не ликвидировать...

Мики. Спокойной ночи, Тонка.

Тонка. До свидания (*уходит*).

Мики (*задумчиво смотрит ей вслед, потом возвращается к столу, садится, берет фотографию отца*). Как ты думаешь, отец, справимся мы или нет? Как бы мне пригодился сейчас твой совет... Хорошо бы сейчас посидеть с тобой. Просто так. Дома... на кухне. Ты бы пил, как всегда, кофе с молоком. Мы бы катали шарики из хлебных крошек и вместе решали, как быть дальше. Я знаю, я точно знаю, что ты бы мне сказал. Ты бы сказал: «Если ты считаешь, что прав, то не отступай». А что, если вопрос «прав я или не прав» касается не только нас... не только нашей семьи, но всех живущих в этом городе! Что делать в таком случае, отец?

Явление второе

Мики и Вера

Раздается робкий стук в дверь. Мики оборачивается, встает и, когда стук повторяется, идет открывать дверь. На пороге стоит Вера. Длительная пауза. Оба смущенно смотрят друг на друга.

Вера. Добрый вечер.

Мики. Кому добрый, а кому...

Вера (*делает несмелый шаг вперед и снова останавливается*). Извините. Я с обеда ждала вас на улице.

Мики. У вас столько свободного времени?

Вера. Я боялась... и мне не хотелось снова атаковать вашу секретаршу. Вот я и просидела полдня на скамейке под вашими окнами. А когда я увидела, что она ушла... В общем, мне хотелось поговорить с вами с глазу на глаз.

Мики. Понимаю.

Вера. Я пришла, чтобы извиниться перед вами.

Мики. Должен вам сказать, что, когда сегодня утром мне показали эту вашу статейку, я в первый момент готов был вас... Извините, я понимаю, что так с женщинами не разговаривают, но... Да вы понимаете, что вы наделали своей писаниной? Конечно, не понимаете! Но объясните мне, какого черта вы все это написали? Ведь я же просил вас, не пишите. Просил? А вы как назло. К тому же вы в эту свою бочку меда влили хорошую ложку дегтя — обругали «Химфу». Кому вы сделали лучше? Вы даже не представляете, как вы мне усложнили жизнь! Честное слово, я так на вас рассердился, что...

Вера. Я понимаю. Конечно, этот репортаж не следовало публиковать. Извините. Я не знала, что здесь произошло за это время.

Мики. Разве Илья вам не сказал?

Вера. Я с тех пор его не видела.

Мики. Не видели?

Вера. Вы, конечно, можете обо мне подумать бог знает что...

Мики. А сегодня вы не с ним приехали?

Вера. Он здесь?

Мики. Дома. У мамы.

Вера. Я приехала одна. Вчера вечером, когда я узнала про аварию, я тотчас же позвонила в типографию, но материал был уже в работе.

Мики. Интересно, каким же тиражом вышла в свет ваша красивая ложь?

Вера. По-моему, все, что я о вас написала, было чистой правдой.

Мики. С того времени кое-что изменилось.

Вера. Поэтому-то я сейчас здесь. Мне хотелось честно поговорить с вами и исправить то, что еще не поздно исправить.

Мики. Понимаю — вы теперь собираетесь написать новый репортаж о городе, который утопает не в золотом дожде, а в грязной луже. Так? И вот вы пришли задать мне пару оптимистических вопросов о том, как мы героически боремся со стихией. Я угадал?

Вера. Нет.

Мики. Тогда что же вас сюда привело?

Вера. Я хотела бы вам помочь.

Мики. Помочь? Вы?.. Как?

Вера. Поговорить с вами. Вместе подумать вслух... Может быть, это ничего и не даст, но иногда в подобных ситуациях человек может доверить постороннему такое, о чем в другое время никогда бы не сказал...

Мики. Илья вам намекнул о нашем с ним разговоре?

Вера. Нет, мы с ним действительно с тех пор не виделись.

Мики. Но как тогда расценивать то, что он мне говорил? Что именно вы... та настоящая и единственная, которая его понимает...

Вера. Понимала... до поры до времени.

Мики. Вы хотите сказать, что...

Вера. Что у вашего брата по отношению ко мне и у меня по отношению к нему нет никаких обязательств.

Мики. Вы можете, если понадобится, повторить это в его присутствии?

Вера. По-вашему, мне нельзя верить?

Мики. Извините. Все это у меня в голове не укладывается... А может быть, я просто устал.

Вера. Я понимаю, что доверием платят за доверие. Но, к сожалению, не всегда так получается. Иногда человеку приходится верить, как говорится, вслепую. Если вы сумеете мне поверить, я вас не обману. Читатели любят нашу газету, и, честное слово, нам удалось сде-

дать не одно доброе дело. Люди часто пишут нам благодарственные письма.

Мики. Вы хотите взяться за новый репортаж?

Вера. Я хочу написать правду обо всем, что здесь произошло в последние дни.

Мики. Вот что, золотая вы моя...

Вера. Можете называть меня Верой.

Мики. Да хоть Верочкой. Все едино. Так вот: я вам искренне советую ближайшим поездом вернуться домой и поискать себе другую тему.

Вера. Почему?

Мики. Потому что люди сами знают правду, а то, что вы сумеете о ней написать...

Вера. ...Им не нужно. Вы это хотели сказать?

Мики. Не то, что не нужно, а я не уверен, сумеете ли вы взять на себя хотя бы часть того риска...

Вера. Я вас не понимаю.

Мики. В данном случае речь идет о правде.

Вера. Вам не кажется, что вы меня постоянно и беспричинно обижаете?

Мики. Я?.. Вас?..

Вера. Я глубоко убеждена в том, что за три года журналистской работы еще ни разу не написала неправды.

Мики. А я повторяю, что не уверен, готовы ли вы рискнуть и определить, кто прав в ситуации, при которой городок попал в тяжелое аварийное положение, когда люди уже несколько дней живут без питьевой воды. Возникшая задача имеет два варианта решения. Первый — классический: доставлять воду в цистернах, что мы сейчас и делаем. Второй — более радикальный: обеспечить город водой из другого источника. Он находится недалеко, но нам необходим километр труб, которых в данный момент нет, хотя они могли бы быть, если бы...

Вера. Я могу написать о совести, чести и моральном облике людей, которые...

Мики. Например, о чести, совести и моральном облике некоего председателя национального комитета, который заупрямился и, не думая об интересах жителей города, терпеливо стоящих в очередях за питьевой водой, не желает дать разрешение на строительство дома отдыха некой фабрике, которая своими отходами загрязняет питьевую воду. В том случае, если бы председатель дал разрешение на строительство, руководство фабрики, невзирая на существующие строгие правила, отдало бы городу километр труб, а через два-три дня во всех квартирах из кранов потекла бы чистая вода.

Вера. А могла бы я узнать, чем объясняется упрямство этого председателя?

Мики. Пожалуйста. Этот бедняга не требует ничего особенного — он просто хочет, чтобы богатая фабрика выделила часть имеющихся у нее средств на воспитание детей города.

Вера. Я бы на месте этого председателя не уступила.

Мики. Но людям нужна вода. Всем. Ясли необходимы городу — сто двадцать матерей ждут их строительства, но этим женщинам и их детям каждый день нужна вода.

Вера. Обычно за первым компромиссом...

Мики. ...Идет второй. Я знаю. Когда два года назад было решено избрать меня председателем, районные руководители мне прямо сказали: «Мы знаем тебя как честного человека; знали мы и твоего отца; покажи, как ты умеешь работать». За два года удалось сделать немало. Но я при этом никогда ни на йоту не отступал от своих принципов. В эти двери ни разу не входили мошенники, обманщики, взыскатели. А теперь? Как мне быть в этой непредвиденной ситуации?

Вера. Ты не смеешь отступить, товарищ Бенедик! Не смеешь! Тем более сейчас.

Мики (*после паузы*). Как?.. Как ты сказала? (*Протягивает ей руку.*) Давай познакомимся.

Вера (*пожимая ему руку*). Вера.

Мики. Мики... Смешное имя для председателя, а?

Вера. Необычное.

Мики. Так ты говоришь, что я...

Вера. Не просто говорю, а убеждена, что ты не отступишь.

Мики. Боюсь, что меня вынудят.

Вера. Не поддавайся.

Мики. А вдруг подтвердится, что это все-таки тиф?

Вера. Что бы ты сказал, если бы я пошла...

Мики. Куда?

Вера. К директору этой вашей фабрики. И откровенно с ним бы поговорила.

Мики. А у тебя бы это получилось?

Вера. Когда я уверена, что правда на моей стороне, трудности меня не останавливают.

Мики. Он обезоружит тебя своей логикой.

Вера. А если я поговорю с ним о моральной стороне этой проблемы?

Мики. Зачем тебе, постороннему человеку, вмешиваться в здешние дела, лезть в огонь, непонятно, ради чего?

Вера. Да хотя бы затем, что я твердо убеждена: настоящий журналист не должен бояться обжечься.

Мики. Женщины ожоги не красят... И вообще... Подумать только, о чем мы с тобой говорим?! Чудесная майская погода, цветет золотой дождь, а мы тут... Любой настоящий мужчина пригласил бы тебя... У вас, в Братиславе, — в винный погребок... или на Дунай, а может быть, куда-нибудь потанцевать... А здесь у нас? Разве что в кино.

В тишине сквозь открытое окно доносятся звуки рояля. Кто-то старательно повторяет пассаж из «Лунной сонаты» Бетховена.

Интересно, а? Город остался без воды, а дети занимаются музыкой, как будто ничего не случилось.

Вера. Детям легче, но, знаешь, мне бы не хотелось снова стать послушной воспитанной девочкой и каждый вечер отсиживать за роялем положенные сорок минут.

Мики. Я легко могу себе представить, какой ты была лет в четырнадцать: белый фартучек накрахмален, в волосах — бант...

Вера. А украшенная бантом головка хранит пару свежих и не вполне детских анекдотов.

Мики. Боже мой, я уже тысячу лет не слышал никаких анекдотов. Кажется, что хочешь сейчас отдал бы за хороший остроумный анекдот!

Явление третье

Те же и Эва Бенедикова

Эва (*появляется в полуоткрытых дверях*). Вот я сейчас расскажу тебе такой анекдот, что у тебя пропадет всякая охота смеяться.

Мики. Мама? Что ты тут делаешь?

Эва. Пришла тебе сказать, что, если ты не собираешься бывать дома, я сдам твою комнату.

Мики. У тебя уже есть на примете квартирант?

Эва. И не один.

Мики. Позволь, я познакомлю тебя с Верой.

Эва. Мы уже...

Вера. ...Знакомы.

Эва. К сожалению.

Мики. Мама!

Эва. Так вот почему он не захотел подняться сюда со мной!

Мики. Кто?

Эва. Илья.

Мики. Где он?

Эва. Ждет нас ввиду, у ворот.

Мики. Я сейчас за ним схожу.

Эва. Подожди. А что здесь делает эта девушка?

Мики. Мама. Мы все...

Вера. ...Вам объясним.

Эва (*Вере*). Вы-то что собираетесь мне объяснять? Пусть мне все объяснит мой сын.

Мики. Мама, сядь, прошу тебя.

Эва. Боже мой... Мики...

Мики. Вера... Ты же можешь ей растолковать...

Вера. Могу, но если пани Бенедикова хочет сначала выслушать тебя...

Эва. Как? Вы уже на «ты»?

Мики. Мама, но что в этом плохого, если двое людей... обращаются друг к другу на «ты».

Эва. Подожди, не надо мне ничего объяснять.

Мики. Но тогда как же ты поймешь?

Эва. Неважно. Сейчас не до этого... Ко мне заходил Валент.

Мики. К тебе? Что ему нужно?

Эва. Ты сам знаешь.

Мики. Прости, мама, но...

Эва. Валент старый, опытный и честный человек. Он тебе в отцы годится.

Мики. Мама! О чем ты говоришь?

Эва. Я говорю, что он тебе в отцы годится, и ты мог бы к нему прислушаться. Он тебе только добра хочет и плохого не посоветует. Ты должен договориться с его директором.

Мики. И за этим он приходил к тебе?

Эва. Мики! Мальчик мой... Прошу тебя. Он чуть не плакал.

Мики. Но зачем ему плакать, разговаривая с тобой?

Эва. Не перед тобой же ему плакать! Мужчины, пока они не перепились, обычно не распускают юни друг перед другом.

Мики. Мама, а ты веришь, что...

Эва. Валент тебе дело говорит. Директор Штефан прав.

Мики. Выходит, я один тут чиню всякие безобразия?

Вера. Пани Бенедикова, вы, вероятно, не во всем разобрались...

Эва. Извините, девушка! Мало того, что вы разбили семью моего старшего сына... и вообще, что вы тут, собственно говоря, делаете? Ночью, наедине с мужчиной, да к тому же в служебном кабинете.

Мики. Мама!

Эва (*Вере*). Вы помните, что я вам прошлый раз сказала? Что я не желаю...

Мики. Мама, прошу тебя! Замолчи!

Эва (*Вере*). Разве я не сказала тогда достаточно ясно?

Мики. Илья вернется к своей жене.

Эва. Как ты можешь обещать за него? По-твоему, эта девица так легко его отпустит? Да она вертит им как хочет. Думаешь, зачем она к тебе пришла? Чтобы заодно и тебя обработать! А ты... Что я тебя не знаю, что ли? Да с тебя еще станется их поженить.

Мики. Ты не права, мама. Вера не такая. Ты ее обижаешь.

Эва. Я ее обижаю? А ну-ка сходи за ним! Сейчас же приведи Илью сюда. Хотя нет... Не надо.

Мики. Почему?

Эва. Я пришла к тебе не поэтому. Я пообещала Валенту...

Мики. От моего имени.

Эва. Я пообещала ему, что поговорю с тобой как мать. Мики! Прошу тебя... в память о нашем отце, которого все в этом городе помнят и уважают... Что вдруг тебе взбрело в голову? Откуда у тебя это самолюбование? Ты ведь знаешь, что в нашей семье такого ни за кем не водилось. Но сейчас речь идет не только о нас, а о целом городе, о нормальной жизни наших

людей, которым нужна вода, а не пустая трапеза.

Мики. Тебе все это Валент наговорил?

Эва. Прошу тебя, сходи к Штефану.

Явление четвертое

Илья (*появляется в дверях*). Ты что, тоже собираешься оставаться здесь ночевать? (*Замечает Веру*.) Привет, Вера!.. Мне бы, наверное, пришлось там ждать до скончания века. Что ты тут делаешь?

Мики. Разве не видишь? Пишет репортаж.

Илья. Опять?

Эва. Мики! Не заговаривай мне зубы. Ты слышал? Город может остаться совсем без воды.

Мики. Мама, если бы это зависело только от меня.

Илья. Все считают, что именно от тебя. Мама может тебе подтвердить: она слышала разговоры в «самообслуживании», я — в автобусе, а Валент заявляет об этом во весь голос.

Эва. Люди говорят, из кранов еще долго будет течь эта мерзость, потому что председатель уперся и никак не договорится с кем надо... Не может ублажить высокое начальство, как это делают другие.

Вера. Мики! Уступить в критический момент — это...

Илья. О! Ты уже в курсе?

Эва. Что значит уступить?

Илья. Это значит слегка поколебать наш бенедиковский престиж. Братишка заартачился, и, если теперь отступит, кое-кто сможет его потом упрекнуть. Я понимаю тебя, дружище.

Эва. Боже мой! Мало я перенервничала из-за мужа, так теперь еще приходится из-за сына мучиться.

Мики. Меня уже не переделаешь, мама.

А если вы хотите видеть меня другим, то я лучше завтра утром на совете откажусь от своих обязанностей. Пусть кто-нибудь другой, поспокойнее, расхлебывает всю эту кашу.

Э в а. Отказаться — это самое простое.

М и к и. А что же ты мне предлагаешь, мама?

Э в а. Договорись со Штефаном.

И л ь я. Есть и другой выход.

Э в а. Какой?

И л ь я. Мики знает.

Э в а. Мики! Объясни мне, что он имеет в виду.

М и к и. У Ильи есть связи, и если мы кое-кого подмажем...

И л ь я. ...Трубы будут положены в траншею уже через несколько дней.

Э в а. Боже мой!

М и к и. Так что, собственно, нужно выбирать между просто плохим и очень плохим.

И л ь я. Уверяю тебя, ты не первый оказавшись перед таким выбором. Да к тому же речь идет не о личных интересах, а об общественных.

М и к и. А сколько они хотят? Эти твои... подонки... Мне, пожалуй, не подобрать для них названия помягче.

И л ь я. Брось ты, Мики! Наверняка в каком-нибудь твоём резервном фонде найдется нужная сумма.

М и к и. Таких фондов у нас нет. По крайней мере с тех пор, как я тут работаю.

И л ь я. А вот это — маленькая, но ошибка. Жизнь может подбросить столько неожиданностей, что...

М и к и. Я уже с обеда перебираю в уме все возможности.

И л ь я. И к чему же ты пришел?

М и к и. Вода нужна всем.

И л ь я. Значит?

М и к и (достаёт из кармана пиджака сберегательную книжку). Кроме тебя и нас троих, никто не будет об этом знать.

И л ь я (берет у Мики сберегательную книжку). Ты с ума сошел.

М и к и. Почему? Ты же сказал...

И л ь я. Но ведь это твоя собственная... личная сберкнижка!

Э в а. Мики?!

М и к и. Другой возможности у меня нет.

Э в а. Илья! Ради бога! Неужели ты возьмешь?

И л ь я (после паузы). Я беру не для себя, мама.

В е р а. А для кого?

И л ь я. Для всех, Верочка.

Э в а. Почему он должен отдавать свои деньги? Честно заработанные! Неужели у города не найдется несколько лишних кроп?

И л ь я. О чем речь? Конечно, найдется. Так что Мики потом как-нибудь извернется и получит свои деньги обратно.

М и к и. Ты прекрасно знаешь, что я этого не сделаю!

Э в а. Илья, верни ему книжку!

Илья крутит в руках сберкнижку, делая вид, что собирается вернуть ее брату.

М и к и. Нет. Иди! И действуй! (Опускается на стул в углу комнаты и закрывает лицо ладонями.)

Сцена погружается в темноту. Звучит та же тревожная музыка, что и в конце первого действия.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Прошло десять дней. В кабинете все по-прежнему, но комнату больше не украшают букеты золотого дождя.

Явление первое

Тонка и Виктор

Виктор (*входит с бокалом воды в руке*). Скажите, Тонка, вы помните, чтобы кто-нибудь еще поднимал за ваше здоровье бокал воды?

Тонка. Слава богу, что у нас опять хорошая, чистая вода.

Виктор. Прямо как в сказке про соль... Только когда соли нет, понимаешь, как она нужна. (*Останавливается у окна.*) Тонка...

Тонка (*поливая цветы*). Одну минуточку.

Виктор. Посмотрите вниз. Вы их видите?

Тонка (*после паузы*). Вижу.

Виктор. Ну и что вы на это скажете?

Тонка. А что я могу сказать?

Виктор. Наш председатель... опять с ней. Подумать только! Посмотрите, она его фотографирует.

Тонка. Получится прекрасная фотография. Кругом цветы...

Виктор. Значит, не зря говорят...

Тонка. Что?

Виктор. Что наш председатель...

Тонка. А вы уж тут как тут. Вам все сплетни известны.

Виктор. Какие сплетни? Вы хотите, чтобы я поверил, что эта журналистка ездит сюда каждую неделю по долгу службы?

Тонка. Откуда я знаю, зачем она ездит.

Виктор. Прекрасно знаете.

Тонка. Ну а если даже... не по службе... Это в конце концов его дело.

Виктор. Конечно, его.

Тонка. Он уже не мальчик, не оставаться же ему старым холостяком.

Виктор. Все понятно. Но он — видный работник, к тому же председатель. Ему надо подыскивать себе... жену, а не... путаться... с какой-то...

Тонка. С какой-то?..

Виктор. ...Репортершей. От нее ничего путного не жди.

Тонка. Неужели она и у вас уже взяла интервью?

Виктор. Тонка! Вы что, встали сегодня с левой ноги?

Тонка. Скажите мне, только искренне. Что вам сделал наш председатель? Почему вы его все время подкальваете?

Виктор. Я?

Тонка. Нам всем благодарить его надо!

Виктор. За воду?

Тонка. И за воду.

Виктор. Я бы сказал... мы все приложили усилия. Конечно, каждый по-своему, в силу своих возможностей, в рамках своих обязанностей.

Тонка. Мы могли бы еще несколько месяцев каждый день стоять в очередях с ведрами и бидонами.

Виктор. Я повторяю: не только он, но и все мы немало потрудились, чтобы была вода.

Тонка. Никто этого не отрицает, а он тем более.

Виктор. А писать будут снова только о нем. Вот увидите! Ох и прославится наш председатель!

Тонка. Вам из его славы не шубу шить.

Виктор. Точно... Как вы думаете, Тонка, когда они поженился, он переедет к ней в Братиславу или она приедет сюда?

Тонка. Знаете, меня это мало интересует.

Виктор. Ну не скажите, вам это все же не безразлично.

Тонка. Я уже пережила четырех председателей.

Виктор. Но расставаться с этим вам будет очень жалко, правда?

Тонка. Он пока никуда не уходит.

Виктор. Уйдет. Попомните мои слова. Его ждет большое будущее. Это уже сейчас ясно.

Явление второе

Те же и Илья

Илья входит в кабинет и останавливается у двери.

Тонка. Здравствуйте, пан архитектор.

Илья. А брат? Еще не пришел?

Виктор (*протягивает ему руку*). Ба! Кто к нам пожаловал!.. Идите-ка сюда.

Илья. Куда?

Виктор (*гянет его к окну*). Посмотрите вниз.

Илья. Он с Верой?

Виктор. Какая пара! Что скажете?

Илья. Я шел мимо, но их не заметил.

Виктор. Бывает. Иногда идешь, голова полна забот, и даже не замечаешь, что с тобой кто-то здороваются.

Тонка. Садитесь.

Илья. Спасибо. Я на минутку.

Тонка. Я сейчас за ним схожу.

Виктор (*от окна*). Не надо. Они уже идут.

Илья. Вместе?

Виктор. А как же иначе?

Тонка. Хотите кофе?

Илья. Спасибо, я кофе не пью.

Виктор. А бокальчик свежей водички? У нас это сейчас лучшее угощение.

Илья. Напор нормальный? Все работает?

Виктор. Пока да.

Илья. Теперь победа Мики на будущих выборах обеспечена — хочет он того или нет.

Виктор. Должен заметить, что ваш брат — деловой человек. Я в бога не верю, но если бы был верующим, то сказал бы, что сам бог послал его нам в нужный час.

Илья. Он — счастливый человек.

Виктор. Скажите, пожалуйста, а?.. Вы-то, конечно, знаете об этом больше, чем мы... Тонка делает вид, что ей ничего не известно, но... Когда все-таки намечается свадьба? К такому событию город как-никак должен подготовиться.

Илья. Вы меня разыгрываете?

Виктор. Море — ветром, земля слухом волнуется.

Явление третье

Те же, Мики и Вера

Мики (*удивлен, увидев в кабинете Илью*). А ты откуда?

Виктор. Доброе утро, товарищ председатель.

Тонка. По-моему, вы работаете даже по пути на службу.

Вера. Мы сделали несколько фотографий.

Илья. Надеюсь, что новый репортаж будет более удачным.

Виктор (*после паузы*). Я зайду попозже, товарищ председатель... когда гости разойдутся... У меня подготовлен проект списка.

Мики. Какого списка?

Виктор. Уже забыл? На последнем совещании говорили, что неплохо бы премировать наиболее отличившихся. Так что я все подготовил. (*Уходит.*)

Мики. Тонка! Мы принимали какое-нибудь решение о премиях?

Тонка. Не помню.

Мики. Если уж вы не помните, значит, ничего такого и не было. Опять кто-то развивает инициативу не там, где надо.

Илья. А что тут плохого: кому не захочется получить премию? Почему же об этом не подумать? Везде так делается.

Мики. Тонка, прошу вас, чтобы у нас не было никаких сомнений, загляните в свой блокнот.

Тонка. Конечно. *(Выходит.)*

Мики *(после паузы обращается к Илье)*. Ты сегодня пожаловал ни свет ни заря! Во сколько же тебе пришлось подняться? Что скажешь хорошего?

Илья. ...Хорошее — не хорошее, а...

Мики. Тебя, случайно, не мама послала?

Илья. Зачем?

Мики. Я просто спрашиваю. Может, ей опять что-нибудь показалось? Но последние дни я снова ночую дома.

Илья. Мне надо с тобой серьезно поговорить, Мики.

Вера. Мне уйти?

Илья. Нет. Можешь остаться.

Мики *(помолчав)*. Я тебя слушаю. В чем дело?

Илья. Мне нужны еще деньги.

Мики. Тебе?

Илья. Не для себя.

Мики. За трубы? По-твоему, я наследник Онасиса?

Илья. Войди в мое положение.

Мики. Мы же им хорошо заплатили. Официально. Все до последнего геллера.

Илья. За трубы — да. С этим полный порядок. Но люди, которые нам посодествовали...

Мики. Они тоже свое получили.

Илья. Но им кажется, что мало.

Мики. Что?

Илья. То, что слышишь. Если бы речь шла о какой-нибудь сотне, я бы сюда не примчался.

Мики. У меня больше нет ни гроша.

Илья. Придется поискать. Иначе они не станут молчать, и все лопнет.

Мики. Что лопнет? Они что, придут и выкопают трубы?

Илья. Думаю, до этого не дойдет.

Мики. Тогда к чему это вымогательство?

Илья. Пойми, Мики...

Мики. За трубы мы хорошо заплатили...

Илья. Да, но эти трубы... кое от кого ушли. Понимаешь? Ведь у нас все планируется, так что тот, кто мог их получить, но не получил, не должен подымать шум... Очень простая механика.

Мики. У меня больше нет денег... Да если бы и были... Короче говоря, не дам ни гроша.

Илья. Значит, ты хочешь, чтоб я влип?

Вера. Вот это сюжет!

Илья *(раздраженно)*. Будь любезна, хоть ты не вмешивайся в эти дела. А ты, Мики, постарайся понять, что в твоём городе ликвидирована авария, что стоит тебе...

Мики. Разве я мало им дал?

Илья. Говорю тебе, недостаточно.

Вера. Илья! На что ты толкаешь собственного брата?

Илья. Я его? А не он меня?

Вера. Если мы вскрыем всю эту историю...

Илья. Кто? Ты? Что ты здесь еще собираешься вскрывать? И вообще, милая Верочка, не кажется ли тебе немного странным... это твое...

Вера. Что ты хочешь сказать?

Илья. Ничего.

Вера. Договаривай!

Илья. Смотри, как бы твоя новая любовь с первого взгляда не кончилась слезами!

Мики. Наконец-то выговорился!

Илья. Невероятно банальная история. Как в классических словацких романах. Роковой треугольник: два брата и прекрасная женщина. Что дальше?

Вера. Я думала, мы с тобой уже все сказали друг другу и объяснений больше не требуется.

Илья. Одно маленькое дополнительное обстоятельство, Верочка. Учти, что присутствующий здесь Микулаш Бенедик — прирожденный брат милосердия. Брат милосердия или спаситель, выбирай, как тебе больше нравится. А если тебе не совсем понятно, что я имею в виду, могу пояснить — своим поведением он прежде всего оберегает мой брак.

Мики (*подскакивает к Илье*). Ты!

Напряженная пауза. В этот момент открывается дверь из приемной и появляется Тонка.

Явление четвертое

Те же, Тонка и Штефан

Тонка. Товарищ председатель! К вам директор Штефан.

Мики. Пусть подождет.

Штефан (*входя*). Не могу. Шел мимо, решил зайти на минутку.

Мики (*после паузы*). Это мой брат.

Штефан. Очень приятно.

Мики (*показывая на Веру*). А это...

Штефан. Товарищ журналист? (*Протягивает ей руку*.) Готовите новый репортаж? Теперь уже, наверное, на целую страницу?..

Вера. Может быть, мне выйти?

Штефан. Нет, не беспокойтесь. Я действительно хочу перекинуться с председателем всего парой слов. Так сказать, коротко поговорить по душам. Вы, наверное, уже в курсе дела — у нас с председателем давно ведется, в сущности, смешной спор о строительстве дома отдыха. (*Обращаясь к Мики*.) Думаю, пришло время решить этот спор трезво, без эмоций, как и полагается мужчинам, тем более что после

этой истории с трубами от твоих высоких моральных принципов ничего не осталось.

Илья (*не выдерживая*). Это были его собственные деньги.

Штефан. В такой ситуации совершенно не важно, чьи они. Главное, что эти деньги решили дело. Ответственность в равной степени несут и тот, кто берет, и тот, кто дает.

Илья. А вы? Вы, товарищ директор? Если Мики даст вам разрешение на строительство, могли бы вы... промолчать? Операции вроде этой с трубами делаются не первый раз, и република от этого не разваливается. В конце концов людям нужна вода...

Штефан. Я не говорю, что не нужна.

Илья (*обращаясь к Мики*). Слышишь? Директор может тебе помочь...

Штефан. Это, конечно, горький урок, но такова жизнь.

Мики. То есть это значит...

Вера. ...Что он ради интересов общества отдал свои личные сбережения, а у вас хватает совести пытаться загнать его в угол.

Штефан. Милая девушка, я вас прекрасно понимаю. Вам, конечно, больше по душе героические типы, но...

Вера. Вы не имеете права оскорблять других, если вы не в ладу с собственной совестью.

Штефан. По-вашему, она у меня нечиста?

Илья. Мики! Тебе все же стоит договориться с товарищем Штефаном!

Мики. А что, если мы не договоримся?

Штефан. Собственно, я просто проходил мимо. (*Направляется к дверям*.)

Илья. Подождите!

Штефан. Кому здесь от меня еще чего-то надо?

Илья. Мики, подумай! Ведь он теперь ратрубит все это по разным инстанциям.

Мики. Если ему это позволит его совесть, пускай действует, как хочет.

Явление пятое

Те же, Валент и Виктор

Валент (*останавливается в дверях, потом входит и, запинаясь, начинает говорить, не обращаясь ни к кому в отдельности*). Нет... Я не понимаю... Что, собственно говоря, происходит?

Мики. Что?

Виктор. Из района приехали. Они уже здесь.

Мики. Кто?

Валент. Из Комитета народного контроля. Говорят... Но это какая-то чепуха. Явное недо-разумение... Я им говорю, пойдите, спросите у людей. Наш город сейчас как заново родился. А они, знай, талдычат свое...

Мики (*после паузы, обращаясь к Штефану*). Это ты? Ты их сюда вызвал?

Валент. Господи, что же это?.. Товарищ директор?

Виктор. Это, пожалуй, было излишне.

Вера. Человек с чистой совестью!

Илья (*поворачиваясь к Мики*). Конеч. Вот и конец.

Штефан. Минуточку. Вы, как я посмотрю, хотите сделать из меня...

Вера. Противно даже произнести это слово!

Штефан. Если противно, то и не надо!

Валент. Тогда я скажу тебе как мужчина мужчине. От тебя я ничего подобного не ожидаю. Мики невиновен. Ты это прекрасно знаешь... Кошмар! А я-то, старый добряк, до последней минуты был убежден, что ты честный и сильный человек.

Штефан. Тогда ответь, как в твоём понимании должен вести себя в подобной ситуации честный человек? Закрывать на все глаза? Делать вид, что ничего не знает? Не кажется ли всем вам, что у вас несколько странные представления о морали?

Валент. У нас?

Штефан. Ну, если вы убеждены, что это я их сюда вызвал...

Мики. Поспешили... Что правда, то правда.

Виктор. Чистая вода стала поступать в город всего несколько дней назад.

Штефан. Если вам так хочется изобразить меня доносчиком, советую быть осторожнее... Сообщить кое-что органам народного контроля социалистического государства — это не подлость, а обязанность гражданина. Почитайте нашу Конституцию!

Вера. По-моему, уважаемый товарищ директор, эта же Конституция давала вам возможность показать себя в трудный для города момент не только директором предприятия, но и патриотом своего города...

Мики. ...Чтобы бескорыстно помочь не органам народного контроля, а народной власти социалистического государства.

Валент (*Штефану*). А ты? Что ты тогда сделал?

Мики. Прикрылся инструкциями.

Вера. Это ведь тоже выход.

Штефан. Конечно! Женская логика. Если бы я нарушил закон, вы бы сделали из меня героя номер два! Взяли бы у меня интервью на целую газетную полосу!

Вера. Что оно вам так далось, это интервью?

Штефан. По-вашему, я завидую?

Валент. Если бы я не знал тебя уже много лет, то, честное слово, поверил бы, что завидуешь. Завидуешь Бенедикту, и только потому, что его, молодого парня, люди любят так же, как тебя.

Штефан. Мы действительно знаем друг друга не первый год, и поэтому я надеюсь, что по крайней мере ты не веришь, что это я сообщил в Народный контроль.

Валент. Что сделано, то сделано. А ответственность разделим мы все.

Штефан. Я...

Валент. Не хочешь ли ты сказать...

Мики. Он считает, что не несет никакой ответственности. Конечно, он ничего не нарушил, не обошел ни закон, ни инструкции, ни параграфы... Всё на его стороне.

Илья. Вот именно поэтому он мог бы сейчас помочь тебе, как никогда... Конечно, если бы захотел.

Мики. Илья, прошу тебя, уйди!

Илья. Мики! На что ты надеешься? Думаешь, что если... Знаешь, что тебя ждет? Ты можешь быть хоть сто раз сыном своего отца Бенедика... но это тебе не поможет. Жизнь — это же лавина...

Мики. ...И надо вовремя отскочить, чтоб тебя не придавило, так? Да, ты это умеешь.

Штефан. Послушай, председатель. Не знаю, что ты сейчас обо мне думаешь.

Мики. Пусть тебя это не волнует.

Штефан. А если... волнует?

Мики. Дело твоё.

Штефан. Мог бы я тебя кое о чем попросить?

Мики. Ты меня?

Штефан. Думай обо мне что хочешь, но поверь, я вовсе не хотел причинить тебе зла. Я еще не ослеп и вижу, кто болеет душой за дело, а кто относится ко всему наплевательски. Не раз, когда меня мучила бессонница, я думал о том, какой ты человек, и скажу честно, в тебе больше достоинств, чем недостатков.

Мики. Но потом, когда ты мог практически доказать свое отношение ко мне...

Штефан. Возможно, ты прав. Все мы люди. Наверное, я должен был...

Илья. Еще не поздно!

Штефан. А вы, пан архитектор? Что для вас важнее? Собственная шкура или положение брата?

Виктор. Увы, часто случается, что, как говорится, сухой с мокрым в одном огне горят.

Илья. Но воду... чистую воду хотели пить все! Все, кто сейчас здесь находится!

Явление шестое

Те же и Эва Бенедикова

Эва (*входит в кабинет одновременно с репликой Ильи*). Да, ты прав, Илья. Вода нужна нам всем.

Мики. Мама! Ты ушла с работы в середине дня?

Эва. Ушла.

Мики. Первый раз в жизни!

Эва. И надеюсь, последний.

Мики. Мама!

Эва. Ко мне приходили.

Мики. Кто?

Эва. Товарищи из района.

Мики. К тебе?

Эва. Я, наверное, должна была бы сказать тебе об этом с глазу на глаз. Но, может быть, даже лучше, что здесь столько свидетелей. Пусть все знают, что у Эвы Бенедиковой нет секретов от собственного сына.

Мики. Что тебе сказали?

Эва. Один из них, тот, что выступал на похоронах отца, сказал, что ему очень неприятно было ехать сюда по такому поводу, но что здесь у нас... В городе кто-то не может успокоиться, пишет письма, требует, чтобы проверили твою отчетность. Я им объяснила, что ты дал свои собственные деньги, а они мне в ответ на это показали письмо. Там говорится, что такого быть не может, что не найти сумасшедшего, который пожертвовал бы свои кровные... А в конце письма от руки приписано: «Приезжайте, товарищи, потому что мы, честные люди, не хотели бы, как сухой с мокрым, в одном огне сгореть».

Виктор. Нет, вы только подумайте! И такое кто-то пишет!..